

М. Н. ГРЕЦКИЙ

Антонио Грамши— политик и философ

Издательство
«Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

М. Н. ГРЕЦКИЙ

Антонио Грамши— политик и философ

МОСКВА
"НАУКА"
1991

ББК 87.3

Г 80

Рецензенты:

Доктора философских наук И.С.Вдовина, Л.А.Никитич

Доктор исторических наук И.В.Григорьева

Ответственный редактор:

Доктор философских наук Б.В.Богданов

Редактор издательства Н.В.Ветрова

Грецкий М.Н.

Антонио Грамши - политик и философ. - М., Наука, 1991. - 159 с.

ISBN 5-02-008162-0

Монография посвящена политическим и философским воззрениям одного из влиятельнейших теоретиков марксизма, 100-летие со дня рождения которого отмечается в 1991 г. В ней рассказывается о жизни и деятельности Грамши, о формировании и развитии его взглядов. Особое внимание уделено главному труду Грамши - "Тюремным тетрадям", затронутым в них проблемам философии, идеологии, культуры. Показан оригинальный вклад Грамши в развитие марксистской теории (концепция гегемонии, исторического блока, гражданского общества и др.), его значение для современности.

Для философов, читателей, интересующихся историей марксистской мысли.

Г 0301050200-026 8-1991 2 полугодие
042(02)-91

ББК 87.3

ISBN 5-02-008162-0

© Издательство "Наука",
1991

ВВЕДЕНИЕ

Антонио Грамши ... Имя этого замечательного человека, борца и мыслителя овеяно легендой. Выдающийся теоретик и руководитель Итальянской коммунистической партии, Грамши отдал свою жизнь за дело коммунизма. Прошло более пятидесяти лет со дня его смерти в фашистском застенке, но мысль его жива, современна, действенна. Его героический образ вдохновляет участников освободительного движения во многих странах.

Как теоретик-марксист Грамши актуален в полном смысле этого слова. В своем главном труде - "Тюремных тетрадах" он размышлял над центральной проблемой современной переходной эпохи - проблемой фундаментального преобразования общества. Поставив эту проблему в широком историческом контексте, рассматривая ее с философской, социально-политической, экономической, культурно-идеологической точек зрения, Грамши внес существенный вклад в целый ряд областей знания - в историческую науку, политологию, философию, культурологию, не говоря уже о теории революции и марксистской теории в целом. Особенно его интересовала проблематика субъективного фактора - роль человека, его воли и сознания в истории общества, вопросы о том, как массы людей приходят в движение, как осуществляется власть того или иного класса, как возможно преодолеть вековое разделение общества на руководителей и руководимых и т.д. Разрабатывая эти вопросы, выводя отсюда прямые указания для практики, Грамши примыкает к теоретической и практической деятельности В.И.Ленина, последователем которого он всегда себя считал. Но он использует также лучшие достижения мировой немарксистской мысли, выдвигая концепции, носящие нетрадиционный, неортодоксальный характер.

Итальянские исследователи не без основания рассматривают Грамши как крупнейшего современного теоретика творческого марксизма. Об этом свидетельствует широкое распространение его идей - сначала в Италии, а затем и во многих других странах. Изданные после второй мировой войны сочинения Грамши многократно переиздавались и переводились на множество языков. Литература о Грамши идет нарастающим потоком и уступает лишь литературе о классиках марксизма. Многочисленные конференции, посвященные Грамши, проводились в ряде городов Италии, в Москве, Берлине, Лондоне, Париже и др. Наиболее крупные из них

приурочиваются к годовщинам смерти Грамши и носят международный характер.

В современной исторической и политической литературе, выходящей в Европе и Азии, Америке и Австралии, часто встречаются специфически грамшианские и заново переосмысленные Грамши понятия - гегемония, исторический блок, гражданское общество, позиционная война и т.п. Они используются при исследовании исторических процессов, при разработке стратегии и тактики политической борьбы (и притом не только левыми силами). Изучая теоретическое наследие Грамши, зарубежные исследователи выдвигают разные интерпретации тех или иных его сторон, тех или иных этапов его формирования.

Каких только истолкований Грамши не выдвигали за последние сорок лет! Представляли его идеалистом и мыслителем, превзошедшим материализм и идеализм, реформистом и леваком, сторонником тоталитаризма и плюрализма, "агентом Москвы" и основателем "западного марксизма", противостоящего ленинизму.

Наша задача в этих условиях прежде всего - восстановить историческую истину, очистить наследие Грамши от наслоений. В то же время надо будет разобраться в реальных проблемах, которые возникают в связи с разным пониманием тех или иных высказанных им идей. Учитывая большую исследовательскую литературу о Грамши, необходимо будет высказать свое мнение по ряду дискуссионных вопросов, дать свою оценку предлагаемых решений.

Теоретическое наследие Грамши складывается из трех частей: это статьи в газетах и журналах, напечатанные в 1913-1926 гг., "Тюремные тетради", написанные в 1929-1935 гг. и опубликованные в 1948-1951 гг., и письма, среди которых особый интерес представляют письма из тюрьмы, опубликованные сначала в 1947 г., а затем в более полном виде в 1965 г. Все эти материалы были изданы в Италии в виде Собрания сочинений А. Грамши в 12 томах с 1947 по 1971 г. (издательство Эйнауди в Турине), что потребовало большой подготовительной работы, поскольку большинство статей Грамши в свое время печатались без подписи или под разными псевдонимами, а "Тюремные тетради" представляли собой записки для себя, не предназначенные непосредственно для печати. Для облегчения их восприятия читателями издатели "Тюремных тетрадей" произвели тематическую перегруппировку этих записок и опубликовали их в виде шести книг: "Исторический материализм и философия Бенедетто Кроче" (1948), "Интеллигенция и организация культуры" (1949), "Рисорджименто" (1949), "Заметки о Макиавелли, о политике и современном государстве" (1949), "Литература и национальная жизнь" (1950), "Прошлое и настоящее"

(1951) [см. 14-19]. В таком виде "Тюремные тетради" многократно переиздавались и переводились (как правило, с сокращениями) на разные языки.

Новый важный шаг вперед был сделан в связи с публикацией в 1975 г. научно-критического издания "Тюремных тетрадей" в четырех томах, в котором воспроизведен хронологический порядок написания этой работы [см.20]. Особый его интерес в том, что многие заметки Грамши здесь представлены дважды - в первоначальном виде и в той форме, как их автор подредактировал и переписал в другую тетрадь. Таким образом, есть возможность проследить развитие мысли Грамши.

Научно-критическое издание, снабженное обширным справочным аппаратом, незаменимо для дальнейших грамшевеведческих исследований, но для первоначального знакомства с наследием Грамши оно менее удобно, чем прежнее издание, построенное по тематическому принципу. Поэтому это первое издание продолжало переиздаваться (в издательстве Эдитори риунити в Риме) с некоторыми уточнениями, учитывающими данные научно-критического издания.

Что касается работ Грамши, написанных им до его ареста в 1926 г., то и после их публикации в 12-томном собрании сочинений [см.9-13] продолжали обнаруживаться новые статьи и письма, которые публиковались в периодических изданиях [см.26-29].

Накопившиеся новые материалы сделали необходимым издание нового собрания сочинений Грамши, которое и было предпринято в 80-е годы в Турине. К настоящему времени вышли четыре тома, объединяющие статьи Грамши периода 1913-1920 гг. [см.22-25]. В ходе подготовки этого нового издания удалось обнаружить гранки некоторых из статей и восстановить места, вычеркнутые цензурой. Кроме того, выяснилось, что некоторые из ранее опубликованных статей, по-видимому, не принадлежат Грамши. Это касается прежде всего хроники городской жизни, которую Грамши вел в туринском издании газеты "Аванти!" и в которой таких сомнительных заметок оказалось полсотни [см.22, 4, 8, 11, 12, 13, 15 и др. до 155].

Многие современники, знавшие Грамши, опубликовали свои воспоминания о нем [см.190, 194]. Со своими воспоминаниями о Грамши не раз выступал его преемник по руководству партией Пальмиро Тольятти, бывший его другом и соратником начиная с периода совместной учебы в Туринском университете [см. 278, 111].

Богата биографическая литература о Грамши - работы Л.Ломбардо-Радиче и Дж.Карбоне [переведена на русский, см.75],

Дж.Тамбуррано, С.Ф.Романо, Дж.Фьори, Л.Лайоло, Дж.Кэмметта, А.Дэвидсона и др. Лучшей среди них считается книга прогрессивного журналиста Джузеппе Фьори "Жизнь Антонио Грамши", переведенная на ряд иностранных языков. Советскими авторами опубликованы две биографические работы: Б.Р.Лопухов "Антонио Грамши" и А.С.Големба "Грамши" (из серии "Жизнь замечательных людей") [см.77, 43]. Кроме того, два художественно-биографических произведения созданы писателем Р.И.Хигеровичем - "Виа Антонио Грамши" и "Бойцов не оплакивают" [см.114, 113].

Что касается исследовательской литературы о Грамши, то она буквально необозрима [хотя имеются все же попытки ее обзреть - см.201]. Прежде всего это марксистская литература: книги Л.Группи, Н.Бадалони, Н.Аучиелло, П.Сприано, Л.Паджи, Ф.де Феличе, Д.Рагаццини, Э.Виммера, С.Кебир, Ж.Тексье и др. Марксистские работы о Грамши опубликованы в Англии, Аргентине, Болгарии, Венгрии, бывшей ГДР, Испании, Польше, Румынии, США, Франции, ФРГ, Югославии, Японии и т.д.

Но, кроме того, имеется огромная "околомарксистская" и немарксистская литература самых разных оттенков.

В СССР труды Грамши были опубликованы впервые в 1957-1959 гг. в виде "Избранных произведений в трех томах". В первый том вошли статьи, напечатанные в 1919-1920 гг. в еженедельнике "Ордине нуово" (в соответствии с одним из томов собрания сочинений Грамши на итальянском языке); во второй том - письма из тюрьмы (по неполному итальянскому изданию 1947 г.); в третий - материалы из "Тюремных тетрадей" (примерно одна четверть). Существенным дополнением к этому трехтомнику явилось новое одно-томное издание "Избранных произведений" Грамши (М., 1980). Кроме того, у нас издавались небольшие тематические сборники и подборки работ Грамши [см.5-8]. Все эти публикации сыграли свою роль в деле ознакомления советской общественности с теоретическим наследием Антонио Грамши, хотя они еще далеки от полноты, а в некоторых случаях нуждаются в уточнениях. В настоящее время готовятся еще две публикации работ Грамши: "Избранное" в 2 томах и "Тюремные тетради" в 3 книгах (полный текст).

Советская исследовательская литература о Грамши небогата крупными работами и в этом отношении значительно отстает от западной. Здесь можно назвать наряду с упомянутыми биографическими произведениями четыре монографии: А.А.Лебедев "Антонио Грамши о культуре и искусстве" (М., 1965), И.В.Григорьева "Исторические взгляды Антонио Грамши" (М., 1978), В.О.Мушинский "Антонио Грамши: учение о гегемонии" (М., 1990), В.А.Шабалин

"Ленинизм и политические взгляды Антонио Грамши" (Владивосток, 1990), а также сборник материалов международной научной сессии, посвященной Грамши и проходившей в апреле 1967 г. в Москве, под заглавием "Проблемы рабочего движения" (М., 1968) и сборник материалов научного симпозиума Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Института Грамши, озаглавленный "Антонио Грамши - выдающийся теоретик-марксист" (М., 1987). В какой-то мере эти серьезные научные работы дополняются статьями, а также разделами в книгах историков-итальянистов. Целые серии статей о Грамши опубликовали И.В.Григорьева, Э.Я.Егерман, А.А.Лебедев, З.Н.Мелещенко, К.Ф.Мизиано, М.М.Михайлов, Г.П.Смирнов. Из последних работ следует упомянуть написанную О.В.Илларионовым главу "Марксистская философия в Италии" в коллективном труде "Современная марксистско-ленинская философия в зарубежных странах" (см.6), кандидатские диссертации Е.А.Акимовича (М., 1982), И.А.Овсянниковой (М., 1986), А.С.Попова (М., 1986), В.С.Гринько (М., 1988), В.С.Авдониной (М., 1990), докторская диссертация В.А.Шабалина (М., 1990), статьи В.С.Гринько, П.А.Матвеева, Л.А.Никитич, В.А.Шабалина.

Ориентироваться в грамшеведческой литературе помогает библиографический указатель "Антонио Грамши" (М., 1981). Однако он весьма неполон: так, в нем упоминаются 370 работ (книг и статей) о Грамши [см. 33, с.54-104], но этих работ уже в 1967 г. насчитывалось около 1200 [см.193, т.2, с.483-544; 244, т.2, с.729-733], а сейчас их более 5000. Разумеется, мы не могли включить всю эту литературу в нашу библиографию. Мы ограничились наиболее солидными и влиятельными трудами, добавив к ним лишь некоторые статьи.

ГЛАВА I

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТОНИО ГРАМШИ

§ 1. Детские и юношеские годы

Антонио Грамши был сардинцем. И то, что он родился и вырос в самой отсталой и бедной части Италии, имело немаловажное значение для формирования его личности. Остров Сардиния в конце XIX в. представлял собой нечто вроде внутренней колонии итальянского королевства. На земле, которая в течение многих столетий находилась под иностранным господством, мало что изменилось после объединения Италии, завершившегося к 1870 г. Южная часть континентальной Италии и острова Сицилия и Сардиния остались в стороне от промышленного подъема, начавшегося на севере страны. Более того, их полуфеодалное сельское хозяйство послужило источником накопления средств, используемых не для его собственного развития, а для финансирования развивающейся промышленности Севера.

Осознание господствующей социальной несправедливости рано пришло к маленькому Антонио — Нино, как его называли домашние. Родившись в местечке Алес 22 января 1891 г., Нино был четвертым ребенком в семье конторского служащего Франческо Грамши. Позже родились еще трое, так что у Нино было три брата и три сестры.

В общем семья эта принадлежала если не к зажиточным, то во всяком случае и не к беднейшим слоям населения. Концы с концами сводили и одно время даже имели прислугу. Но в один августовский день 1898 г. все изменилось: глава семьи Франческо Грамши был арестован и затем по обвинению в растрате казенных средств осужден на пять с лишним лет тюрьмы. Как утверждают биографы Грамши, его отец Франческо стал жертвой интриг местных политиканов, решивших отомстить ему за поддержку на выборах "чужого" кандидата. Семья Грамши сразу оказалась в трудном материальном положении.

Как раз в начале этого периода Нино, которому исполнилось семь лет, пошел в школу. Он сразу проявил большие способности к учебе, однако его отношения со сверстниками складывались до-

вольно трудно. Дело в том, что еще с ранних лет, по-видимому, в результате неудачного падения у него начал расти горб на спине и ему пришлось встретиться с жестокостью и гонениями, какие в том обществе выпадали на долю людей с физическими недостатками [см. 173, с.26]. В четырехлетнем возрасте Нино испытал столь сильный приступ болезни, что его сочли обреченным и даже купили для него маленький гроб. Он выжил, но болезненные явления, в частности головные боли, приобрели хронический характер. Тем не менее в возрасте 11 лет, когда Нино окончил начальную ступень школы, ему тоже пришлось начать трудиться, внося свой вклад в поддержание семьи. Он работал по десять часов в день, перетаскивая тяжелые конторские книги, от которых у него ныло все тело. В это время, как он сам писал впоследствии, в нем зародился "бунтарский инстинкт", направленный против богачей [см.29, т.2, с.33].

Проработав два с лишним года, Нино смог возобновить учебу — сначала в гимназии в Санту-Луссурджу, а затем в лицее в главном городе Сардинии Кальяри. Материальные условия и в это время были для него нелегкими. Приходилось экономить на всем, включая и питание, так что к концу обучения в лицее его организм был совершенно истощенным. В эти годы Антонио Грамши познакомился с социалистической литературой, с деятельностью местных социалистов. Он начал читать Маркса, однако больше из "любопытности" (Там же). В основном же его увлекали идеи "сардизма", идеи освобождения Сардинии от гнета "пришельцев с континента", которых он призывал "сбросить в море". Летом 1910 г. Грамши опубликовал в газете "Унионе сарда" свою первую заметку. В том же году им было написано сочинение "Угнетенные и угнетатели". Девятнадцатилетний лицеист здесь выступает против национального, но также и социального гнета, он протестует против навязывания людям чужой воли, против стремления к господству, вытекающего из звериных инстинктов, лишь внешне прикрытых лаком цивилизации. Он разоблачает лицемерие колониальных "цивилизаторов", а под конец говорит о "великом уроке" Французской революции: "Французская революция уничтожила многие привилегии, подняла многих угнетенных; но она лишь заменила один господствующий класс другим. Однако она преподала великий урок: привилегии и социальные различия, будучи продуктом общества, а не природы, могут быть преодолены" [29, т.2, с.15].

Тут, по-видимому, рано еще говорить о марксистских взглядах Грамши. Но стремление к решительной борьбе против всякого угнетения, горячее сочувствие ко всем обездоленным и особенно на

родной Сардинии выражены достаточно ясно.

С такими настроениями Грамши кончает лицей в 1911 г. и отправляется на континент, чтобы продолжить образование в Турине. Он успешно сдает конкурсные экзамены, дающие ему право на стипендию в 70 лир, и поступает на факультет гуманитарных наук Туринского университета. Вместе с ним эти экзамены сдает также прибывший из Сардинии Пальмиро Тольятти, и тут происходит их первая встреча.

Годы учебы в Туринском университете (1911-1915) знаменательны не только тем, что Грамши здесь накопил те глубокие и разносторонние знания, которыми он поражал многих встречавшихся с ним людей, но и тем, что он впервые встретился с рабочим классом, стал социалистом и затем профессиональным революционером.

Турин начала XX в. был уже крупнейшим индустриальным центром Италии, в котором особенно быстро развивалась автомобильная промышленность - предприятия знаменитой фирмы "Фиат". После тихой, отсталой Сардинии Грамши почувствовал себя в этом огромном шумном городе "тройным и даже четверным провинциалом" [19, с.3]. К тому же и климат Северной Италии оказался для легко одетого южанина совсем неподходящим. Он дрожал от холода на улице, дрожал, приходя домой, а приобрести зимнюю одежду было не на что: вся его стипендия уходила на оплату "весьма жалкого пансиона". "К марту 1912 г., - пишет Грамши, - я стал чувствовать себя так плохо, что в течение нескольких месяцев перестал разговаривать, - при разговоре путался в словах" [21, с.125]. "Но я работал, - пишет он в другом письме. - Работал, может быть, слишком много, больше, чем мне позволяли силы. Работал, чтобы жить, хотя для того, чтобы жить, мне надо было бы отдохнуть, развлечься... Я пытался побороть физическую слабость трудом и ослаб еще больше. В течение по крайней мере трех лет у меня не было дня без головной боли или головокружения" [29, т.2, с.18-19].

Говоря о работе, Грамши имеет в виду прежде всего усердную учебу, но также попытки подзаработать частными уроками и, наконец, начавшуюся журналистскую деятельность. Первые два года он отдавал учебе буквально все свое время. Избрав в качестве специальности современную филологию, Грамши занялся изучением сардинского диалекта. Его успехи были высоко оценены профессором Бартоли, который прочил ему блестящее будущее на поприще лингвистики. Однако круг его интересов все больше расширялся (хотя интерес к проблемам языка остался на всю жизнь). Его

привлекали история, литература, философия, политика. И он не просто усваивал готовые знания, он усвоил привычку к строгому филологическому анализу, точность и скрупулезность в методе работы. В то же время ему особенно нравились лекции тех преподавателей, которые показывали, как современные методы исследования складывались исторически, через освобождение от предрассудков и догм, через "трудные поиски, длившиеся столетиями" [9, с.63].

Между тем строгий анализ, основанный на точных фактах, с одной стороны, и ориентированный на развитие субъекта исторический подход – с другой, были связаны с двумя прямо противоположными философскими течениями – позитивизмом и неогегельянским идеализмом, которые в это время боролись за преобладание в итальянской культуре. Точнее говоря, позитивизм, господствовавший в конце XIX в., сходил со сцены, уступая место неогегельянству Б.Кроче и Дж.Джентиле. Эта переориентация итальянской философии, называемая часто "возрождением идеализма", "культурным обновлением", "депровинциализацией итальянской культурной жизни" [см.42], увлекла значительную часть итальянской интеллигенции, особенно молодежи. Выступая против художесных схем, плоского эволюционизма позитивистов, переносивших на общество законы природы, Кроче и Джентиле ратовали за изучение человека и общества в их специфике, за сближение философии с жизнью, за диалектику. Правда, специфика человека и общества понималась ими как сведение всего человеческого к духовному началу, а идущая от Гегеля диалектика была "реформирована", превратившись из диалектики противоречий в диалектику различий [см.120, с.49–54]. Но во всяком случае факт быстро возросшей и длительной (полувековой!) популярности неогегельянской философии в Италии свидетельствовало том, что она отвечала на определенные духовные потребности своего времени.

Делая акцент на активность человеческого духа, на практическую действенность философии, неогегельянство выступало в двух вариантах: более объективистской и "спокойной" была философия Бенедетто Кроче (1866–1952), более субъективистской и агрессивной – философия Джованни Джентиле (1875–1944). В политическом плане первая соответствовала либерально-реформистской линии крупного государственного деятеля Джолитти, управлявшего страной в начале XX в., а впоследствии поддерживала либеральную оппозицию фашизму; вторая же в 20-е годы примкнула к фашизму и пыталась стать его официальной идеологией (Джентиле был министром в правительстве Муссолини и, как и "дуче", был казнен в 1944 г. партизанами).

Важным фактором актуальности неогеггелянства было то обстоятельство, что оно начинало с критики марксизма и постоянно "сводило с ним счеты" [120, с.54]. Кроче прошел даже период кратковременного увлечения марксизмом, будучи учеником первого итальянского философа-марксиста Антонио Лабриолы (1843-1904). Затем он попытался превзойти марксизм, включив в переосмысленном виде некоторые его идеи в свою "философию духа". Так, к трем классическим категориям - истина, добро и красота - он добавил четвертую - польза, подразумевая под этим, в частности, экономическую деятельность и настаивая на диалектическом единстве всех этих категорий как четырех аспектов единого человеческого духа. Обозначив свою философию как "религию свободы", он постарался отмежеваться от традиционной религии, чем привлек симпатии значительной части прогрессивно настроенной молодежи. Впоследствии Грамши писал об этом в одном из своих писем: "... все мы, кто безоговорочно, кто не со всем соглашаясь, участвовали в движении за нравственное и духовное преобразование Италии, начало которому положил Бенедетто Кроче. Первым условием этого преобразования явилось то, что современный человек может и должен жить без религии..." [3, т.2, с.159].

Отношение Грамши к Кроче (и в меньшей степени - к Джентиле) - существенный момент его духовного развития. В "Тюремных тетрадях" он снова, но уже по-новому, вернется к этому вопросу. Сейчас же важно отметить, что философия Кроче заинтересовала студента Грамши и оказала на него влияние не только в силу ее культурной значимости: антипозитивистская линия Кроче непосредственно затрагивала и позитивистскую интерпретацию марксизма, широко распространившуюся в Итальянской социалистической партии. Правда, в свое время против соединения марксизма с позитивизмом протестовал Антонио Лабриола, но его теоретическое наследие было предано забвению в период, когда в партии нарастало и стало господствовать реформистское течение во главе с Филиппо Турати. Для реформистов позитивистско-эволюционное объяснение хода истории, выдаваемое за "подлинно научное", было вполне подходящим. Но оно вовсе не представлялось подходящим для революционного крыла социалистического движения, которое начало активизироваться в связи с протестами против ливийской войны (1911 г.) - одного из первых политических проявлений итальянского империализма. На съезде Итальянской социалистической партии в 1912 г. революционное крыло сумело добиться исключения из партии четырех наиболее известных реформистов, а также назначения на пост главного редактора центрального орга-

на партии "Аванти!" ("Вперед!") Бенито Муссолини, провозгласившего себя в то время самым революционным из революционеров. Будущий основатель фашизма уже через два года показал свое подлинное лицо беспринципного карьериста и авантюриста и был исключен из ИСП. Но в целом сдвиг влево в партии был вполне реальным, и он поставил перед революционно настроенными социалистами и мировоззренческую задачу - задачу поиска каких-то теоретических обоснований, которые можно было бы противопоставить позитивистской трактовке марксизма (а такая трактовка, заметим, многими воспринималась как "ортодоксальный" марксизм). В этих условиях и возникла идея соединения марксистского социализма с неогегельянским идеализмом. Ее выдвигали, в частности, преподаватели Туринского университета Космо, Бальзамо-Кривелли и Бартоли, которые рекомендовали студентам "вносить эту новую философию и ее мораль в социалистическое движение и в рабочий класс" [173, с.61].

Такова была ситуация в социалистическом движении, когда к нему примкнул Антонио Грамши. Произошло это не с самого начала его учебы в университете. В первые два года его по-прежнему увлекали идеи «сардизма» и так называемого меридионализма (борьбы за интересы обездоленного Юга Италии), к которым руководство ИСП относилось довольно равнодушно. Изменение же его взглядов произошло в основном под влиянием двух событий - трехмесячной забастовки туринских автомобилестроителей весной 1913 г. и выборов в Сардинии летом того же года. Именно во время забастовки Грамши и Тольятти посещают рабочие митинги, интересуются жизнью рабочих. Так расширяется политический горизонт Грамши: он убеждается в том, что туринские рабочие - такие же угнетенные и эксплуатируемые, как и сардинские крестьяне, и нельзя их противопоставлять друг другу (как это нередко делалось и меридионалистами и их противниками), ибо "настоящий классовый враг - это капиталисты Севера и аграрии Юга" [208, с.26]. Это убеждение окончательно укрепляется в нем во время летних каникул на Сардинии в период выборов, проводившихся по новой, расширенной избирательной системе. Грамши становится свидетелем того, как крупные собственники Сардинии, отрекаясь от былого "сардизма", объединяются со своими "братьями по классу" на континенте во имя защиты своих классовых интересов.

По-видимому, вскоре же после возвращения в Турин Грамши и решает вступить в Итальянскую социалистическую партию. Можно считать, что он был принят в партию в конце 1913 г. (таково мнение большинства биографов).

§ 2. Начало деятельности. Статьи 1913-1918 гг.

С момента вступления в ИСП начинается новый период в жизни Антонио Грамши. Он постепенно выходит из самоизоляции, включается в политическую деятельность, начинает выступать в печати. Его первые две статьи - "За правду" и "Футуристы" - появляются в 1913 г. в студенческой газете Туринского университета. Со следующего года он публикуется в издаваемом в Турине еженедельнике ИСП "Гридо дель popolo" ("Клич народа"), а затем и в центральном органе партии газете "Аванти!".

Статьи Грамши периода 1913-1918 гг. обычно характеризуются как его ранние (или юношеские) произведения. Действительно, в это время он еще формировался как марксист. Это значит, что хотя он уже был знаком с трудами Маркса и Энгельса, а также Лабриолы [о взглядах Лабриолы см. 41, 44; 98], но у него не было еще адекватного представления о марксистском учении в целом. Похоже, что он принимал на веру (т.е. верил, что это учение действительно таково) его вульгаризированную трактовку, широко распространившуюся в партиях II Интернационала. Согласно этой трактовке, марксизм представлялся как односторонний "экономический детерминизм", объясняющий развитие общества "железными" законами экономики, действующими, подобно законам природы, совершенно независимо от воли людей. Как уже отмечалось выше, подобное представление, обрекающее людей на пассивность, отвергалось революционным крылом ИСП, к которому примкнул Грамши. Если марксизм действительно таков, надо его подкорректировать, - так, по всей видимости, рассуждал молодой Грамши и так объясняются его симпатии к неогегельянскому идеализму, стремившемуся превзойти марксизм путем философского обоснования человеческой активности.

Тем не менее уже в этот ранний период своей деятельности Грамши проявляет немалую самостоятельность. Это не просто период освоения культурного наследия и формирования марксистских взглядов. В ранних статьях Грамши намечаются многие мотивы его последующих, зрелых разработок, развернутых в "Тюремных тетрадах". В то же время, выступая в партийной печати, он уже участвует в политической борьбе, откликается на самые актуальные проблемы, стремится решать их по-своему.

Как говорит Пальмиро Тольятти, "оригинальность Грамши начинается с того момента, когда, став социалистом, он продолжает

оставаться сардинцем и не отделяет проблемы социализма от проблем освобождения своего родного острова..." [278, с.50-51]. В то время были широко распространены представления о том, что "жители Юга в силу естественного предопределения являются существами биологически низшего порядка, полуварварами или настоящими варварами; в отсталости Юга повинен не капитализм или какая-либо иная историческая причина, а природа, создавшая южан ленивыми и неспособными людьми, преступниками, варварами..." [4, с.241]. Подобные представления пропагандировались буржуазными идеологами позитивистской ориентации, специализировавшимися на перенесении на общество биологических закономерностей.

Вступив в ИСП, Грамши сразу же постарался противодействовать этим псевдонаучным взглядам, получившим определенное распространение и среди социалистов. Очевидно, по его инициативе туринская секция социалистической партии предприняла смелый шаг, предложив выдвинуть на выборах 1914 г. в Турине кандидатуру лидера демократического меридионализма Газтано Сальвемини - радикального представителя крестьянских масс Юга.

Тем временем началась первая мировая война. Италия не сразу вступила в войну на стороне Антанты. Правда, к этому моменту в стране уже возникло шумное националистическое течение, лидер которого, Коррадини, демагогически представлял Италию как бедную "пролетарскую" нацию, требующую своей доли в разделе мира. Но в народе были сильны антивоенные настроения, которые отразились и в позиции Итальянской социалистической партии. В отличие от других партий II Интернационала ИСП не встала на позиции социал-шовинизма, не голосовала за военные кредиты. Она выступала за нейтралитет, а после вступления Италии в войну выдвинула нейтралистский лозунг: "Не поддерживать и не саботировать".

Между тем позиция абсолютного нейтралитета, означавшая пассивное отношение к империалистической войне, вовсе не импонировала революционному крылу партии, она не импонировала, в частности, и Грамши. Поэтому, когда в октябре 1914 г. Муссолини, претендовавший в то время на руководство революционным крылом, выступил в газете "Аванти!" с критикой этой позиции, Грамши поддержал эту критику, опубликовав в "Гридо дель popolo" статью под заглавием "Нейтралитет активный и действенный".

Как выяснилось в скором времени, это первое политическое выступление Грамши в партийной печати (31 октября 1914 г.) оказалось не очень удачным. Дело в том, что уже через месяц Муссолини призвал к вступлению в войну, что было расценено как

измена социализму и пролетарскому интернационализму и повлекло за собой исключение его из социалистической партии [см. об этом: 65, с.364-366]. Грамши, как и многие молодые революционно настроенные социалисты, не мог предугадать такого поворота событий. Судя по его статье, ему самому было еще не очень ясно, что, собственно, в условиях начала империалистической войны следовало делать. Но ясно было одно: нельзя сидеть сложа руки, соблюдая "абсолютный нейтралитет", ибо такая позиция "на руку лишь реформистам", которые "хотели бы, чтобы пролетариат был беспристрастным наблюдателем событий и ждал своего часа, в то время как его противники сами создают свой час и готовят себе опору для классовой борьбы" [9, с.4.; 22, с.11]. Эту в общем правильную точку зрения Грамши, однако, обосновывал сообщениями идеалистического характера, заявляя, что революционеры "понимают историю как творение собственного духа" (Там же).

В мае 1915 г., несмотря на протесты широких масс народа (в Турине была всеобщая забастовка и даже уличные бои), Италия вступила в войну на стороне Антанты. Материально, да и духовно, страна к войне была плохо подготовлена, и вскоре итальянские войска стали терпеть поражения на австрийском фронте. Пытаясь поправить дело, правительство принимало меры как экономического, так и пропагандистского характера. Их результатом было резкое обогащение слоев буржуазии, связанных с военными поставками, а с другой стороны, - растущее недовольство фронтовиков теми, кто, "окопавшись в тылу", наживался на войне, нередко поставляя на фронт недоброкачественное снаряжение. Это недовольство приняло особенно острые формы, когда по окончании войны вернувшиеся домой солдаты не получили того улучшения жизни, которое им обещало правительство. Все это стало элементами глубокого послевоенного кризиса, имевшего противоречивые последствия.

Для Грамши 1915 год был особенно трудным годом. В связи с плохим состоянием здоровья он решил пожертвовать университетским дипломом и с конца этого года полностью переключился на журналистскую деятельность. В декабре 1915 г. Грамши вошел в состав редакции туринского издания "Аванти!". С начала следующего года он вел на "туринской странице" этой газеты постоянную хронику городской жизни, озаглавленную "Под башней" (имеется в виду Антонеллиева башня - самое высокое здание в Турине). В то же время он писал статьи вне рубрики, театральные рецензии и продолжал сотрудничать в "Гридо дель popolo".

В статьях Грамши этих лет сочетается марксистский подход с

отдельными идеями философии Кроче относительно значения воли и сознания людей в развитии общества. Современные исследователи находят в этих статьях также влияние Джентиле, французского теоретика анархо-синдикализма Жоржа Сореля, писателя Ромена Роллана и др. Однако эти ранние статьи вовсе не производят впечатление какого-то конгломерата разнородных концепций. Как раз концептуальную основу взглядов этих разных мыслителей Грамши у них не берет, все время сохраняя по отношению к ним определенную дистанцию. Воспроизводя отдельные стороны их воззрений, он стремится приладить их друг к другу на основе того общего, что у них имеется, и использовать их для "корректировки" интерпретации марксизма как "экономического детерминизма". Впоследствии Грамши признает, что в тот период у него не было еще правильного понимания соотношения теории и практики в рамках марксизма и оно восполнялось у него "крочеанской тенденцией" [14, с.245].

Разумеется, газетные статьи - это не философские трактаты. Грамши затрагивает в них самые различные предметы, откликается на крупные и мелкие события, полемизирует, иронизирует, высмеивает своих противников. Он не упускает случая заклеить зазнайство, пустозвонство, беспринципность, угодничество и т.п. Ему претит так называемый трансформизм - характерное для итальянской политической жизни явление, означающее легкий, безболезненный переход деятелей одной партии в другую, превращение левых в правых, либералов - в консерваторов, а также социалистов - в националистов.

Отношение Грамши к таким явлениям многое говорит о его собственных моральных устоях, сложившихся уже в это время - и на всю жизнь. Но не только об этом. Повышенное внимание молодого Грамши к моральной проблематике связано с его теоретическими воззрениями. По всем актуальным вопросам Грамши занимает вполне определенные позиции. В экономике это борьба против протекционизма, в политике - против национализма, в философии - борьба на два фронта: против позитивизма и против религиозного обскурантизма. Протекционизму итальянской буржуазии он противопоставляет свободное, "естественное" развитие капиталистической экономики, образцом которого служат для него Англия и США. С точки зрения Грамши, такое развитие не только ускорит ход истории, но и прояснит противостоящие друг другу классовые позиции, позволив экономическим интересам четко выразиться в политике.

Аналогична критика национализма, которому противопоставляется не только интернационализм пролетариата, но и присущая

самой буржуазии тенденция к интернационализации. Грамши выступает против националистической пропаганды, принявшей во время войны крайние формы ультрапатриотизма и "культурной германофобии". Он беспощадно разоблачает пышную риторику националистов и особенно их лидера Коррадини, у которого "лабиринт бессодержательных фраз" не может скрыть "пустоту в голове" [10, с.152]. В общем нужна ясность, принципиальность, четкое сознание своих классовых интересов в сочетании с защитой твердых моральных принципов индивидуального поведения.

Все эти соображения получают дальнейшее развитие в ходе философской полемики против религии и позитивизма. Главный аргумент Грамши сводится к следующему: как позитивизм, так и религия лишают человека его активной, действенной роли, первый - уподобляя человеческое общество природе, а вторая - подчиняя его божественному провидению. Между тем революционный переход к социализму, хотя и коренится в экономических отношениях, требует "действия воли" [10, с.174]. В статье, озаглавленной "Экономические законы" (5 мая 1916 г.), Грамши заявляет, что фатальный характер этих законов - это "пугало, которое не очень-то убеждает. Ибо все законы, даже те, что кажутся самыми метафизическими, самыми неосязаемыми, на самом деле выражают определенное фактическое состояние, ответственность за которое всегда можно персонифицировать или, вернее, если можно так выразиться, - "классифицировать" (возложить на определенный класс. - М.Г.)" [10, с.133]. В споре с религией, замечает Грамши, одними рациональными аргументами не обойдешься. Будучи по самой своей сути иррациональной, она апеллирует не столько к разуму, сколько к чувствам. Ее истоки - некие инстинктивные, импульсивные проявления души, идущие из глубины веков и связанные с непониманием окружающей действительности. Отсюда у Грамши стремление противопоставить религии учение о социализме не только на рациональном, но и на чувственном, эмоциональном уровне. Отсюда заявление, что социализм тоже своего рода религия в том смысле, что социалисты верят не в бога, а в человека, в его волю и деятельность [см. 10, с.148, с.231]. Но это не абстрактная вера в человека вообще. Она опирается на знание человеческой истории, которая объясняет не только факты, но и чувства. Правда, многим представляется, что в истории господствует фатальность. Грамши решительно опровергает такое представление (общее для позитивизма и для религии), заявляя, что фатальность лишь иллюзорная видимость, возникающая вследствие пассивности, равнодушия многих людей.

Здесь естественно возникает вопрос о том, как преодолевается эта пассивность, как совершаются такие крупные события, как революции, в которых принимают участие большие массы людей. Решение этого вопроса Грамши связывает с проблематикой культурного развития человека. В статье "Социализм и культура" (29 января 1916 г.), выступая против ходячего представления о культуре как об энциклопедическом накоплении всевозможных знаний, он противопоставляет этому (со ссылкой на Новалиса и Вико) понятие культуры как "организации, дисциплины собственного внутреннего "я"", как "осознания собственной личности", "понимания собственной исторической ценности, своей функции в жизни, своих прав и обязанностей" [9, с.24]. Такое возвышение сознания достигается не стихийным развитием, не воздействием физиологической необходимости, оно является следствием разумного размышления сначала немногих, а потом целого класса.

Подчеркивая, что всякой революции предшествовал период интенсивной критической работы, выдвижения новых идей и их проникновения в широкие массы, Грамши ссылается на пример Великой французской революции, которая была подготовлена культурной деятельностью просветителей. Нечто подобное должно происходить и при переходе от капитализма к социализму. Через критику капиталистического общества формируется единое сознание пролетариата. Но критика — это культура, это самосознание, познание себя, неотделимое от познания других людей в их историческом развитии.

Вопросы культурного развития в тесной связи с проблемой революционного преобразования общества занимали Грамши и в последующие годы. Так в конце 1917 г. он поддержал предложение о создании культурной ассоциации как органа, дополняющего политическую и экономическую деятельность рабочего класса. Тогда же он организовал Клуб нравственной жизни — небольшой кружок, в котором несколько молодых социалистов обучались культуре мышления на основе вдумчивого чтения и критического обсуждения работ известных мыслителей. В то же время сам Грамши охотно выступал с лекциями перед рабочими и молодежью на разнообразные культурные и политические темы — о творчестве Романа Роллана, о Парижской коммуне, о положении женщин, о религии и др.

Разработка культурной проблематики в эти годы, когда Грамши не вполне еще овладел марксистским учением, ярко свидетельствует о том, что в духовном развитии молодого революционера нельзя провести жесткой грани между "плохим" домарксистским и "хорошим" марксистским периодом. Еще отдавая определенную дань идеализму, Грамши уже проявляет творческий подход к теории,

высказывает идеи, которые будут развиты в "Тюремных тетрадах", да и сейчас представляются вполне актуальными. Таково его "сократовское понимание" культуры как способности "хорошо мыслить, о чем бы ни мыслили, и, следовательно, хорошо действовать, что бы ни делали" [9, с.146]. Грамши убежден, что потребность в такой культуре существует в самом рабочем движении. Ведь без этого нет твердых убеждений, неизбежны идейные шатания, подмена принципов личностями вплоть до создания кумиров, что "приводит к появлению авторитарности, которая, изгнанная в дверь, возвращается через окно" [9, с.144].

Проблемы культуры как фактора формирования человека, его сознания, самосознания, способности последовательно, "органично" мыслить и действовать у Грамши тесно переплетаются с проблемами свободы, с одной стороны, дисциплины и организации - с другой, рассматриваемыми в их органической взаимосвязи. Свобода в понимании Грамши - совсем не то, что анархический произвол. Это осознание и развитие самостоятельности человека, который в то же время подчиняет себя сознательной внутренней дисциплине, определенным правилам поведения. Такая внутренняя организация немыслима без взаимодействия с другими людьми и, следовательно, без внешней организации. Не только экономическая и политическая, но и культурная деятельность должна быть организована, считает Грамши. Организация - это средство, без которого всякая добрая воля останется практически бесплодной. При этом главное не лекционная пропаганда, а "кропотливая работа по обсуждению и изучению проблем, в которой все участвуют, все вносят свой вклад, где все являются одновременно учителями и учениками" [9, с.147].

Определенной вехой в этот начальный период журналистской деятельности Грамши явился выпуск "Города будущего" - единственного номера предполагаемого журнала, опубликованного Федерацией молодых социалистов Пьемонта в феврале 1917 г. Грамши сам сделал весь этот номер, написав для него несколько статей и добавив к нему - как материал для размышления - отрывки из работ Сальвемини, Кроче и Карлини, ученика Джентиле. Номер открывался статьей "Три принципа, три порядка", ставящей принципиальные вопросы развития общества и сути социализма. Грамши начинает с критики обыденного или даже обывательского сознания, которое боится радикальных изменений, потому что привыкло к порядку и предпочитает синицу в руке журавлю в небе. Такому сознанию революция представляется только как насильственное разрушение, за которым следует нечто неизвестное и скорее всего хаос. Не потому ли представители утопического социализма

стремились во всех деталях расписать будущий новый строй как самый гармоничный и упорядоченный? Однако предвидеть будущее в деталях невозможно, предвидеть можно лишь общий принцип, который если осуществляется, то лишь с определенной степенью приближения. Грамши подчеркивает, что революция - это не хаос и произвол, а переход к новому, социалистическому порядку. Основной принцип этого нового порядка - "возможность для всех граждан полного осуществления своей человеческой личности" [9, с.77].

Интересны и другие статьи "Города будущего", развивающие и дополняющие положения первой статьи. Что больше всего мешает борьбе за лучшее будущее, так это равнодушие, безответственность больших масс людей, считает Грамши. "Ненавижу равнодушных... - заявляет он со всей категоричностью. - Тот, кто действительно живет, не может не быть гражданином, не может не занять определенную позицию. Равнодушие - это не жизнь, а безволие, паразитизм, трусость" [4, с.21]. Равнодушие многих создает видимость фатального хода истории, ее независимости от деятельности людей. На самом же деле исторические события подготавливаются исподволь. "Руками немногих людей, находящихся вне всякого контроля, ткется ткань коллективной жизни, в то время как масса пребывает в неведении, так как все это ее не волнует... Но подспудно назревавшие события свершаются, ткань, готовившаяся исподволь, соткана, и тогда кажется, что на всех и на все обрушилось что-то фатально неизбежное, кажется, что история есть не что иное, как гигантское явление природы, извержение, землетрясение, жертвами чего становятся все..." [4, с.22].

Свое понимание истории Грамши противопоставляет позитивистско-сциентистской концепции, которая под флагом научности переносила на общество законы развития природы. "Это была не научная концепция, а лишь механистическая, убого механистическая", - подчеркивает Грамши [9, с.84]. Как мы уже знаем, она отступила под натиском неогегельянского идеализма Кроче и Джентиле. Но от нее осталось "бледное воспоминание в виде теоретического реформизма Клаудио Тревеса" (Там же).

К чисто теоретической критике Грамши добавляет ссылку на исторический процесс возрастания классового сознания пролетариата - главным образом под влиянием мировой войны. Это, как он выражается, "процесс интериоризации", переход исторического фактора от внешнего к внутреннему. "Место естественного закона, фатального хода вещей, о котором говорили псевдоученные, заняла настойчивая воля человека" [9, с.85]. Эта воля стано-

вится исторической силой, когда многие люди подчиняются единой дисциплине. Но дисциплина дисциплине рознь. Социалистическая дисциплина должна быть автономной и спонтанной, она означает командовать собой, подчинять свои капризы определенному правилу жизни. Призывая молодых людей вступать в организацию социалистической молодежи, Грамши подчеркивает, что вступление в такую организацию - это "акт независимости и освобождения. Дисциплинироваться значит стать независимыми и свободными" [9, с.82]. Это значит взять на себя часть ответственности за готовящиеся события, стать их прямым творцом. Последняя из статей Грамши в "Городе будущего" кончается знаменательными словами: "В воздухе повеяло новизной. Мир стоит перед решающим поворотом" [9, с.89].

Действительно, 1917 год - это две революции в России, а в Италии - августовское восстание туринского пролетариата. Тема революции становится для Грамши первостепенной. С восторгом встретив февральскую революцию, Грамши посвящает ей, а затем Октябрьской революции целую серию статей. В условиях, когда цензура военного времени пропускала лишь самые скудные и зачастую весьма искаженные сведения о революционных событиях в России, Грамши, естественно, не мог сразу дать этим событиям точную и всестороннюю оценку. К тому же, смотря на них сквозь призму еще не преодоленного идеализма, он склонен был переоценивать их духовную сторону. Тем более примечательно проявленное тут умение Грамши верно схватить самую суть событий в России и предсказать их дальнейшее развитие: февральская революция - это не обычная буржуазная революция, она не остановится на достигнутом, но будет перерастать в социалистическую революцию, и главная сила, ведущая массы в борьбе за такое перерастание, это партия большевиков во главе с Лениным. Такова основная мысль статьи "Русские максималисты" (так в Италии называли большевиков), в которой Грамши впервые упоминает имя Ленина [см. 4, с.26-28].

Август 1917 г. ознаменовался в Турине первым массовым митингом после вступления Италии в войну, но также и резким ухудшением продовольственного положения, которое привело к настоящему взрыву недовольства. 23 августа улицы города покрылись баррикадами. В течение четырех дней восставшие рабочие, требовавшие хлеба и прекращения войны, оказывали сопротивление посланным против них войскам. Полсотни убитых, более двухсот раненых, около тысячи арестованных, в том числе все руководство туринской секции ИСП, - таковы были итоги этого стихийного восстания. Ответственность за него была возложена на социали-

стов, против которых развернулась ожесточенная кампания в печати. Отпор ей дал опять-таки Грамши, ставший в это время руководителем туринской секции партии и фактическим главным редактором еженедельника "Гридо дель popolo".

События 1917 г., такие, как августовское восстание в Турине, а затем крупнейшее поражение итальянской армии под Капоретто, способствовали размежеванию сил в самом социалистическом движении. В партии образовалась "революционная фракция непримиримых". В ноябре 1917 г. она провела нелегальное заседание во Флоренции, в котором участвовал и Грамши, встретившийся там с будущим левацким лидером А.Бордигой.

Но главным событием, повлиявшим как на деятельность Грамши, так и на расстановку сил в ИСП, явилась Октябрьская революция в России. Буржуазная печать не только враждебно встретила революцию, но и постаралась всячески исказить ее смысл. Историки зафиксировали буквально анекдотическую информацию об этом событии, появившуюся в "Гадзетта дель popolo": "Толпа максималистов, ворвавшись в Зимний дворец, разграбила винные подвалы, напилась и была разогнана войсками" [см. 178, с.130].

Первым серьезным откликом в итальянской социалистической печати явилась статья Грамши, опубликованная как передовая в центральном органе ИСП "Аванти!" под парадоксальным заглавием "Революция против «Капитала»". Итак, революция в России, как это и предсказывал Грамши, не остановилась на буржуазной фазе развития, а превратилась в социалистическую революцию. Нужно ли еще лучшее подтверждение его теоретической правоты и неправоты реформистов! Правда, реформисты ссылались на Маркса, на непреложные законы истории, согласно которым отсталая Россия должна была бы еще долго развиваться по капиталистическому пути. Но ведь в самой России были идеологи буржуазии, которые рассуждали совершенно так же, ссылаясь на "Капитал" К.Маркса (Грамши явно имеет в виду "легальных марксистов"). Если в "Капитале" это действительно так, тем хуже для него, значит, это революция против "Капитала". Факты оказались сильнее идеологий. "Большевики, - заявляет Грамши, - отрекаются от Карла Маркса, утверждая через осуществленное действие, через достигнутые завоевания, что каноны исторического материализма не такие уж железные, как это можно было бы подумать и как это думали" [9, с.150]. Тут же Грамши несколько смягчает это полемическое преувеличение, уточняя, что большевики отвергают лишь "некоторые положения" "Капитала", но не отвергают его внутренней животворной мысли. Просто они не сделали из марксизма догматической доктрины. "Они живут марксистской мыслью, которая

никогда не умирает, которая есть продолжение итальянской и немецкой идеалистической мысли и которая у Маркса оказалась замутненной позитивистскими и натуралистическими вкраплениями" (Там же). Конечно, марксистское учение не догма. Об этом специально говорили Энгельс и Ленин. Но ... марксизм - продолжение идеализма?! Позитивистские и натуралистические вкрапления у Маркса?

В современной марксистской литературе, и в первую очередь в работах П.Тольятти, не раз указывалось, что данное и некоторые аналогичные высказывания молодого Грамши свидетельствуют о незрелости его марксистских взглядов [см.111, т.2, с.151]. Действительно, Грамши преувеличивал связь Маркса с предшествующей идеалистической философией (имеются в виду, очевидно, Вико в Италии и Гегель в Германии) и недопонимал смысл таких его выражений, как "естественные законы капиталистического производства" и "естественноисторический процесс" [1, т.23, с.6, 10; см. об этом 51, с.47].

Однако эти ошибки не просто временные недостатки марксистского образования, которые будут преодолены, когда Грамши сам будет настаивать на принципиальном отличии марксизма от всей предшествующей философии. И это не просто временный результат влияния идеалистических концепций Кроче и Джентиле. Формирующийся крупный мыслитель, каковым становился Грамши, не подвергается влияниям пассивно. Он ищет у других философов нечто важное для себя, и его ошибки в процессе этих поисков более поучительны и плодотворны, чем бездумное принятие на веру правильных положений многими другими последователями марксизма. В данном случае Грамши надо было утвердить ту идущую от идеализма мысль, что "важнейшим фактором истории" являются "не экономические факты сами по себе, а человек, общество людей", объединяющихся между собой, осмысливающих эти факты и проявляющих коллективную волю, которая "становится двигателем экономики, силой, формирующей объективную реальность..." [9, с.150]. Теперь это рассуждение было нужно не только для того, чтобы противостоять пассивности реформистов и утвердить революционный подход к действительности, но и для того, чтобы объяснить конкретный факт - социалистическую революцию в России, стране, экономически отнюдь не самой развитой. Как мы уже видели, Грамши еще раньше предсказывал такую возможность. И вот она осуществилась. Осуществилась, можно сказать, вопреки экономической отсталости России. Но тогда благодаря чему? Сложилась коллективная воля, отвечает Грамши. Без такой воли, без объединения людей, одушевленных единой целью, никакие крупные со-

бытия не совершаются. Но почему же она сложилась? Потому ли, что все зависит от человека, от его сознания, свободы, как считают идеалисты? Но не ведет ли такое понимание к анархизму или волюнтаризму в политике?

Заметим, что обвинения в волюнтаризме действительно выдвигались против Грамши и в какой-то мере он давал для них повод некоторыми своими формулировками. Однако в целом волюнтаристский подход, связанный, как правило, с плохим знанием или даже нежеланием знать действительность, был совершенно чужд Грамши по всему складу его характера и ума, и он недаром категорически отвергал подобные обвинения. Поэтому не случайно сразу же вслед за общим высказыванием, которое могло быть истолковано как утверждение всесилы воли, Грамши обращается к конкретному, по сути материалистическому объяснению того, что произошло в России. В обычных условиях, говорит он, создание революционной коллективной воли — это длительный процесс, осуществляющийся вследствие постепенного обострения классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Но в данном случае условия были необычные. Три года империалистической войны, три года неописуемых страданий и бедствий народа всколыхнули людей, пробудили в них волевые импульсы, которые быстро слились в единый поток — сначала стихийно, а затем под воздействием социалистической пропаганды [см. 9, с. 151].

В статьях, последовавших за "Революцией против "Капитала"", Грамши буквально не упускает ни одной возможности выступить в поддержку социалистической революции в России. Он защищает установление диктатуры пролетариата, подчеркивая ее отличие от буржуазной диктатуры как диктатуры меньшинства. Он доказывает преимущества социалистического коллективизма перед буржуазным индивидуализмом, делая при этом упор на развитие самого человека, его сознания, морали. Он активно поддерживает конкретные мероприятия Советской власти, такие, как роспуск Учредительного собрания и Брестский мир.

Все это Грамши делает в ходе беспрестанной борьбы с буржуазной пропагандой, ведущей кампанию против Советской России, Ленина, большевистской партии. В статьях "Один год истории", "Познать русскую революцию", "Утопия" (март — июль 1918 г.) и др., критикуя буржуазных идеологов, а также примкнувших к ним реформистов, Грамши показывает необоснованность выдвигаемых ими обвинений. Нельзя винить советскую власть в экономической разрухе, явившейся следствием войны и всей прошлой истории царской России. Нельзя требовать от русских молниеносного создания нового строя: "Зло прошлого — это не картонный домик,

который можно поджечь в одну секунду... Человеческое общество нельзя создать за полгода, в условиях, когда три года войны истощили страну, лишили ее технических средств для цивилизованной жизни" [4, с.39]. Нельзя приписывать Ленину и большевикам утопизм. Они не утописты, ибо отвергают всякую форму мессианизма, не строят иллюзий, а трезво учитывают стоящие на их пути трудности.

Участие отсталой царской России в непосильной для нее империалистической войне – вот, что было поистине утопическим актом. Революция же явилась его необходимым следствием. А теперь настоящими утопистами являются те, кто, осуждая большевиков за отклонение от канонов, пытаются втиснуть историю в "предустановленные схемы", те, кто, уподобляя человеческую историю природе, "не понимают историю как свободное развитие..." [9, с.283–285].

Грамши здесь прав по существу дела. Его рассуждения идут в том же русле, что и критические высказывания Ленина в адрес меньшевиков и деятелей II Интернационала, "педантски" понимавших марксизм. Но когда он пытается подкрепить эти рассуждения философской аргументацией, он не находит лучшего довода, чем ссылки на человеческую свободу: "Свобода – это внутренняя сила истории, которая ломает любую предустановленную схему" [9, с.285]. Влияние Кроче и Джентиле продолжает ощущаться у Грамши. Ведь именно Кроче представил историю как движение свободы, но не завершающееся заданным результатом, как у Гегеля, а бесконечное и непредвидимое.

Понимание истории как "свободного развития" вроде бы неплохой аргумент против "предустановленных схем" и, как видим, может даже служить в защиту Октябрьской революции против "филистеров и утопистов". Но как же это согласовать с важнейшими положениями марксизма относительно закономерного развития общества, решающей роли экономики, социализма как необходимого результата исторического развития? Ответ на эти вопросы Грамши пытается дать в статье "Наш Маркс", опубликованной в еженедельнике "Гридо дель пополо" 4 мая 1918 г. к столетию со дня рождения Карла Маркса. Главная заслуга Маркса, по мнению Грамши, в том, что он преодолел односторонние взгляды на историю, такие, например, как Карлейля и Спенсера, один из которых все объяснял деятельностью великих личностей, а другой – абстрактными законами. Односторонним было и понимание истории как сферы господства идей, ибо идеи были оторваны от материальной основы. "У Маркса, – заявляет Грамши, – история продолжает быть сферой господства идей, духа, сознательной деятельности отде-

льных или ассоциированных индивидов. Но идеи, дух обретают вещественное содержание... Их содержание заложено в экономике, практической деятельности, системах и отношениях производства и обмена ...". Таким образом, "человек познает самого себя, он теперь знает, какое значение может иметь его индивидуальная воля и как она может стать могущественной: поскольку она подчиняется необходимости, соотносится с необходимостью, то в конце концов покоряет себе эту необходимость, отождествляя ее со своей собственной целью" [4, с.41]. Отсюда становится понятным, почему Грамши в одних случаях говорит об истории как "свободном развитии", а в других – как о "внутренней необходимости" [9, с.262]. Он старается осмыслить духовное и материальное, свободу и необходимость в их диалектическом единстве. Но пока эта диалектика у него "не очень" материалистическая, – есть определенный крен в сторону духовного начала. Об этом свидетельствует и опубликованная в октябре 1918 г. статья "Тайны культуры и поэзии", в которой Грамши продолжает утверждать, что "марксизм основывается на философском идеализме", но тут же подчеркивает, что это вовсе не означает игнорирование "необходимостей и потребностей практической жизни" [9, с.327].

Преодоление этой идеалистической тенденции произойдет в следующем, 1919 г., когда Грамши сам с головой окунется в практическую жизнь с ее "необходимостями и потребностями" и в то же время ближе познакомится с деятельностью Ленина и большевиков.

Вместе с тем следует отметить, что в этот первый период, когда деятельность Грамши носила в основном идейно-теоретический, в значительной мере философский характер, он поставил целый ряд важных проблем, разработка которых будет продолжена отчасти – в более конкретной форме – во второй период, но главным образом – в "Тюремных тетрадах", где происходит как бы возврат на высшем уровне к теоретической проблематике 1913-1918 гг.

§ 3. Сочетание практики и теории. 1919-1926 гг.

Второй период в деятельности Антонио Грамши, охватывающий 1919-1926 гг., характеризуется перемещением центра тяжести от теоретической и пропагандистской работы к практической. Грамши не оставляет журналистской деятельности и даже разворачивает ее особенно активно в новом еженедельнике "Ордине нуово" ("Но-

вый порядок"), но теперь из его статей почти исчезают общие философские рассуждения, место которых главным образом занимает осмысление жгучих проблем итальянской действительности.

Дело в том, что годы 1919-1920, непосредственно последовавшие за окончанием первой мировой войны, принесли с собой настолько глубокий кризис в экономической и политической жизни страны, что на повестку дня непосредственно встал вопрос о революции. "Красное двухлетие" - так стали называть эти годы максимального обострения классовой борьбы в послевоенной Италии.

Война принесла одни разочарования. Несмотря на победу при Витторио Венето, итальянцы были обделены при дележе добычи и чувствовали себя "побежденными в лагере победителей" [76, с.12]. Это вызвало противоречия в самой итальянской буржуазии между умеренно настроенными либералами и агрессивными, "обиженными" националистами. Но главное - резко обострились противоречия между верхами и низами, кучкой нажившихся на войне капиталистов и широкими массами трудящихся, ставших первыми жертвами послевоенных экономических неурядиц. В этих условиях победа Октябрьской революции, революционные события в Германии, Венгрии не могли не оказать стимулирующего воздействия на борьбу итальянского пролетариата. Лозунг "Сделать как в России!" все чаще слышался на улицах итальянских городов и в первую очередь Турина. Туринские рабочие шли в первых рядах забастовочного движения, которое резко возросло в 1919-1920 гг.

Подъем рабочего движения сказался и в быстром росте пролетарских организаций - профсоюзов и социалистической партии. В результате этого ИСП одержала крупную победу на парламентских выборах 1919 г., получив 1 млн 750 тыс. голосов и 156 депутатских мест в парламенте (против 52 в 1913 г.) - наибольшее количество по сравнению со всеми другими партиями. На своем XVI съезде в Болонье в ноябре 1919 г. ИСП приняла новую программу, включающую требование диктатуры пролетариата, и объявила о присоединении к III Интернационалу, основанному в Москве под руководством В.И.Ленина. Дело, однако, осложнялось наличием разногласий в самой партии, в которой к этому времени оформились три основных течения - реформисты во главе с Турати, Модильяни, Тревесом, центристы, называвшие себя максималистами, во главе с Серрати и левые, среди которых преобладали так называемые абстенционисты во главе с Бордигой, выступавшие против участия в выборах, в парламенте и вообще в буржуазных учреждениях.

Такова была ситуация в стране и в партии, когда Грамши вме-

сте с вернувшимися из армии Тольятти, Террачини и Таской основал еженедельник "Ордине нуово", начавший выходить с 1 мая 1919 г. Новому еженедельнику суждено было сыграть выдающуюся роль в истории итальянского рабочего движения: проблема пролетарской революции здесь была поставлена на конкретную почву, на почву создания пролетарской власти на основе системы фабрично-заводских советов.

Надо сказать, что ощущение близости революции в Италии и ориентация на пример Советской России в это время широко распространились и в массах, и в руководстве социалистической партии. За создание Советов в Италии выступали не только Бордига и его фракция абстенционистов (их орган в Неаполе так и назывался - "Совет"), но и составляющие большинство в партии центристы-максималисты. Лишь реформисты были против, а их лидер Турати даже заявил, что "Советы ... относятся к парламенту так, как варварская орда к цивилизованному городу" [4, с.67].

Однако весьма решительные, революционные высказывания как максималистов, так и абстенционистов не вылились в конкретные практические действия. Партия вела пропаганду, но не выдвинула реального плана мобилизации масс. Заслуга Грамши и его единомышленников в "Ордине нуово" заключалась как раз в том, что они разработали такой план и начали осуществлять его на практике.

Грамши не сомневался в том, что власть Советов в России несут в себе не только российское, но и интернациональное содержание - это власть самих трудящихся, рожденная творчеством самих революционных масс. Но каким образом использовать этот опыт в Италии? Можно ли просто перенести его на итальянскую почву? Нет, нужно найти в самой Италии нечто такое, что "хотя бы в зародыше, хотя бы в виде робких попыток" напоминало бы власть Советов, могло бы развиваться в этом направлении [3, т.1, с.195]. Есть ли в Италии что-либо подобное? "Да, - отвечает Грамши, - в Италии, в Турине, существует зародыш рабочего правительства, зародыш Советов - внутренняя фабрично-заводская комиссия" (Там же). Так родилась идея о превращении внутренних фабрично-заводских комиссий, существовавших на ряде предприятий еще с довоенного времени как органы согласования спорных вопросов между рабочими и предпринимателями, в принципиально новые органы - фабрично-заводские советы как форму самоуправления рабочей массы. Такой процесс действительно начал происходить. Внутренние комиссии на ряде туринских заводов стали преобразовываться в фабрично-заводские советы. Первый такой совет возник в начале сентября 1919 г. на автомобильных заво-

дах "Фиат", а затем движение быстро распространилось и на другие предприятия.

Фабрично-заводские советы были в полном смысле организацией самих рабочих масс. Их члены избирались всем коллективом предприятия независимо от партийной и профсоюзной принадлежности. И они отвечали перед этим коллективом, выполняли его наказ. Они уже не только защищали права и материальные интересы рабочих, но и начинали фактически вводить рабочий контроль на производстве.

Грамши придавал принципиальное значение массовому характеру движения фабрично-заводских советов как самостоятельного движения всего рабочего класса, а не только его передового авангарда. Именно класс должен совершить революцию и установить пролетарскую диктатуру. "Рабочее правительство, - пишет Грамши, - не может существовать, если рабочий класс весь целиком не в состоянии сделаться исполнительной властью рабочего государства. За выполнением законов рабочего государства должны следить сами рабочие. Только в таком случае рабочему государству не грозит опасность попасть в руки авантюристов и политиканов, не грозит опасность уподобиться буржуазному государству. Поэтому рабочий класс должен приучаться к ведению общественных дел, накапливать опыт в этом отношении, должен приобрести культуру и психологию господствующего класса ..." [3, т.1, с.132]. В этом и состоит, по Грамши, важнейшая задача фабрично-заводских советов - организовывать, обучать весь рабочий класс с тем, чтобы еще до завоевания политической власти он становился все более способным к будущему управлению страной. На этом основании Грамши рассматривал фабрично-заводские советы как зародыш пролетарского государства.

Более 40 статей в "Ордине нуово" и в пьемонтском издании "Аванти!" посвятил Грамши фабрично-заводским советам за два года их существования (всего же за этот период было написано около 110 статей). Но кто мог бы подсчитать, сколько времени он потратил на непосредственные контакты с туринскими рабочими, встречаясь с ними на предприятиях, принимая многочисленных посетителей в редакции "Ордине нуово"? В эти дни Грамши буквально жил одной жизнью с рабочим классом Турина, и такое единение стало для него величайшим творческим стимулом. Грамши любил разговаривать с простыми тружениками. Он многому их научил и сам многому от них научился. Поэтому статьи в "Ордине нуово" "не были холодными, умозрительными построениями, они рождались, - писал Грамши, - в результате наших дискуссий с передо-

выми рабочими, они были отражением чувств, воли, подлинных стремлений туринаского рабочего класса... Вот почему рабочие любили "Ордине нуово" ... " [3, т. 1, с. 197].

Совсем другим было отношение к "ординовистам" (так стали называть Грамши и его соратников) со стороны руководства ИСП и профсоюзов, в которых господствовали реформисты. Вместо того чтобы поддержать столь успешно развивавшееся в Турине движение фабрично-заводских советов, партийные и профсоюзные руководители увидели в нем угрозу для своих собственных прерогатив.

Полемика Грамши с товарищами по партии (как правило, не называемыми по имени) стала для него еще одним стимулом для творческой разработки теории. Необходимо было не только практически развивать, но и теоретически обосновывать движение фабрично-заводских советов, выявляя его значение в борьбе за переход к социализму. Пожалуй, наиболее интересное в данной полемике - это ярко проявившийся диалектический подход Грамши, который, наметившись в общей форме еще ранее, теперь значительно углубился и наполнился конкретным содержанием. В этом подходе самое существенное - диалектическое единство теории и практики, национального и интернационального, экономики и политики, самодеятельности и дисциплины, разрушительных и созидательных задач социалистической революции.

Разрабатывая марксистскую теорию, Грамши опирается не только на опыт итальянского рабочего движения, но и на процессы, происходящие во всем мире. Но, разумеется, на первом плане остается страна, совершившая революцию, - Советская Россия. Грамши продолжает внимательно следить за всем, что там происходит. Анализируя гигантские трудности, с которыми столкнулась молодая Советская Республика, он показывает, что они обусловлены самим характером этой небывалой, величайшей революции.

Революционный процесс, подчеркивает Грамши, носит двойственный характер. В ходе его "общество разлагается и обновляется, умирает и возрождается из бесславного пепла" [4, с. 50]. В России процесс разложения, следствие долгой и пагубной войны, зашел особенно далеко. Новое же государство "извлекает из развалин хрупкие обломки общества, вновь соединяет и скрепляет их, возрождает веру, дисциплину, воодушевление, волю к труду и прогрессу. Решение такой задачи могло бы составить славу целого поколения" [4, с. 57]. Но большевики смогли решить эту задачу лишь потому, что они не только порвали с историческим прошлым, в котором господствовал имущий класс, но и продолжили, развили, обогатили традиции, выросшие из жизни трудящихся. "В

этом они проявили себя как революционеры, поэтому они установили новый строй и новую дисциплину" [4, с.56. См.также, т.7, с.94-106].

Заметим, что слова "новый строй" можно было бы перевести и как "новый порядок" (*ordine nuovo*). Это выражение, взятое Грамши для названия руководимого им еженедельника, заключало в себе одну из основных идей, развиваемых им на протяжении многих лет: революция - это не просто разрушение, хаос, а и созидание, установление порядка, это разрушение-созидание, в котором созидание нового, более совершенного порядка труднее и важнее, чем разрушение старого. Однако поздно было бы начинать созидательную работу лишь после завершения разрушительной. Она должна начинаться гораздо раньше, еще в недрах старого строя и опираться на зреющие элементы нового. Именно такого диалектического подхода не хватало как Бордиге, так и Серрати, стоявшему во главе партии. С этим было связано и их непонимание движения фабрично-заводских советов в том виде, как оно развивалось в Турине.

Между тем Грамши стремился подкрепить свою позицию опытом не только российского, но и всего международного рабочего движения. Его интересовали и деятельность американца Даниэля Де Леона, и движение английских фабричных старост, и, разумеется, опыт потерпевших поражение революций в Германии и Венгрии. Извлекая урок из этих поражений, Грамши в статьях "Партия и революция" и "Две революции" рассматривает важные вопросы диалектического соотношения экономики и политики, массового движения и партии как его политического авангарда. Вкратце причина поражений, по Грамши, заключается в том, что это соотношение не было "естественным" и революция не получила "органического развития" [3, т.1, с.183]. "Коммунистическое общество, - пишет Грамши, - мыслимо лишь как формация, "естественно" вырастающая из глубинных недр организации производства и обмена, а революция - как акт исторического признания "естественности" этой формации. Следовательно, революционный процесс находит свое выражение только в спонтанном движении масс трудящихся, порождаемом взрывом противоречий, присущих человеческому обществу в условиях господства капиталистической собственности" [4, с.77].

У Грамши нет сомнения в том, что руководить этим спонтанным движением масс должна пролетарская партия. Такое руководство практически осуществляла туринская секция ИСП во главе с «ординовистами». В то же время и положительный опыт туринских фабрично-заводских советов, и отрицательный опыт революций в

Германии и Венгрии показывал, что партийное руководство не должно выливаться в навязывание массовому движению определенных организационных форм. Нельзя разделять на два этапа разрушительные и созидательные задачи революции, экономические и политические преобразования, ибо это "моменты одного и того же диалектического процесса развития, в течение которого причины и следствия переплетаются, меняются местами, находятся в сложном взаимодействии", причем "политическая власть делает возможной власть экономическую, а власть экономическая делает возможной власть политическую" [3, т.1, с.185]. При таком взгляде на пролетарскую революцию она должна рассматриваться как длительный исторический процесс.

Все это Грамши говорит, имея в виду тех лидеров ИСП, которые очень узко смотрят на революцию - как на чисто политический акт захвата власти, которые жестко разделяют экономику и политику (экономика - профсоюзам, политика - партии согласно заключенному между ними соглашению) и не понимают реальной роли масс, а следовательно, и роли партии как в революции, так и в строительстве нового общества. Для Грамши политика - это не только партии, парламент, правительство, это все, что связано с борьбой за власть и осуществлением власти в обществе. Власть господствующего класса коренится в экономике и борьба против этой власти начинается в экономической сфере. Фабрично-заводские советы представляют собой как раз орган такой борьбы. Они "объединяют то, что другие рабочие организации (профсоюзы и партия) разъединили, - экономику и политику" [222, с.103].

Грамши стремится опереться на объективные процессы, происходящие в самой экономике в период монополистического капитализма. Если раньше, отмечает Грамши, промышленник непосредственно руководил предприятием, и рабочему казалось, что без владельца предприятия нельзя обойтись, то в империалистический период власть над производством отделяется от предприятия и концентрируется в тресте, монополии, банке, в руках государственной бюрократии, а непосредственный частный собственник становится как бы лишним. Это создает благоприятные условия для того, чтобы рабочий мог освободиться от чувства слепой покорности хозяину, начать проявлять самостоятельность и инициативу. Рабочий должен осознать, что капиталист не необходим, а он, рабочий, необходим для производства. Это он, рабочий, является производителем, но не как отдельный индивидум, а вместе с другими рабочими и не только рабочими, а и служащими, инженерами, образующими единый производственный комплекс. Грамши

придает принципиальное значение понятию "производитель", противопоставляя его понятию "наемный работник". Как производитель рабочий – часть производительных сил, которые относительно независимы от капиталистических производственных отношений. Вот эту относительную независимость и должен осознать рабочий класс, являющийся, как писал К.Маркс, "наиболее могучей производительной силой" [1, т.4, с.184]. Пролетарий, осознавший себя производителем, выходит из подчинения капиталисту и начинает оспаривать его власть на предприятии, а затем и во всем обществе. Так изменяется соотношение классовых сил, а это уже политика, превращающаяся в борьбу за власть на уровне государства¹.

Эти идеи Грамши об органической связи экономики и политики отнюдь не остались чисто теоретическим рассуждением. Фабрично-заводские советы проводили их в жизнь, создавая ситуацию двоевластия на предприятиях Турина. Более чем через 50 лет после этих событий один из их участников, рабочий Дж.Карретто, вспоминал: "Для Грамши понятие "производитель" имело глубокий смысл и революционное значение ... Пока я на фабрике наемный работник, зависящий от хозяев, я лишь предмет, машина, труд-товар и больше ничего ... Дав нам это понятие "производитель", Грамши сразу дал нам почувствовать себя хозяевами: это мы – производители, мы – создатели богатств и притом все вместе" [188, с.45-46]. Поэтому, когда в сентябре 1920 г., рабочие Турина заняли предприятия (об этом см.ниже), они смогли пустить их в ход без предпринимателей. "Ведь мы, – поясняет Карретто, – уже восприняли то, чему нас учил Грамши, мы усвоили понятие "производитель" ... Фабрика была наша и должна была давать продукцию" [188, с.48]. Так подтвердилось на практике одно из важнейших положений, разработанных Грамши: не должно быть жесткого разделения между разрушительными и созидательными задачами революции. Даже чувство хозяина, необходимое для того, чтобы рабочий класс мог управлять производством и всей страной при социализме, можно начать воспитывать еще до завоевания государственной власти.

Согласно концепции, разработанной Грамши при поддержке других "ординовистов" – главным образом Тольятти и Террачини, фабрично-заводские советы должны были выйти за пределы отдельных предприятий и образовать сеть советов по всей стране, что

¹Заметим, что в те же годы понятие "производитель" было осуждено в Советской России в связи с борьбой против "рабочей оппозиции", предлагавшей созвать "съезд производителей".

привело бы в конечном итоге к свержению буржуазной власти и созданию пролетарского государства советов. Этого, однако, не произошло. И в общем не по вине "ординовистов".

С осени 1919 г. до весны 1920 г. движение фабрично-заводских советов бурно развивалось по восходящей линии. Отдельные советы появились и за пределами Турина. Кое-где наметилась связь с развернувшимся в это время движением батраков и беднейших крестьян, захватывавших пустующие земли. Грамши, заметим, прямо ставил задачу налаживания союза рабочего класса с крестьянством. Но могло ли хватить на все это сил небольшой группы туринских социалистов? Действительно, при всем их энтузиазме и самоотверженности "ординовисты" были весьма ограничены в своих возможностях. Это была всего лишь местная организация ИСП, не только не имевшая влияния в руководстве партии, но и прямо сталкивавшаяся с непониманием и враждебностью с его стороны. К тому же классовый противник не сидел сложа рук. Весной 1920 г. итальянские промышленники создали свою организацию — Конфиндустрию. За год до этого появились сколоченные Муссолини первые фашистские отряды. Это были настоящие банды погромщиков, деклассированных элементов, развернувших кампанию террора против организаций рабочего класса. Их первой "акцией" явился поджог в Милане в апреле 1919 г. помещения центрального органа ИСП газеты "Аванти!".

К началу 1920 г. туринские промышленники договорились между собой относительно контрнаступления против фабрично-заводских советов. И когда в апреле в Турине и во всей провинции Пьемонт вспыхнула всеобщая забастовка, они действовали чрезвычайно решительно, не идя ни на какие уступки. В ряде городов трудящиеся стихийно выражали свою солидарность с туринскими рабочими, основной костяк которых бастовал в течение месяца. Руководящие же органы социалистической партии и профсоюзов не оказали им даже словесной поддержки.

Для Грамши неудача апрельской забастовки послужила основанием для самых серьезных выводов. В том же апреле он направил заседавшему в Милане Национальному совету ИСП доклад, содержащий принципиальную критику деятельности и общей линии руководства социалистической партии. Доклад был опубликован в "Ордине нуово" 8 мая 1920 г. под заглавием "За обновление социалистической партии". Обрисовав общую весьма напряженную обстановку в Италии, Грамши высказывает мысль, которая впоследствии будет не раз цитироваться как уникальный образец исторического предвидения: "За настоящим этапом классовой борьбы в Италии последует либо завоевание революционным пролетариатом политической

власти ... либо бешеный разгул реакции имущих классов и правящей касты. Будут пущены в ход все средства из арсенала насилия, чтобы подчинить промышленный и сельскохозяйственный пролетариат режиму рабского труда; будет сделано все, чтобы беспощадно разгромить органы политической борьбы рабочего класса (социалистическая партия) и включить органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства" [4, с.88]. Как известно, именно это и произошло в результате установления фашистской диктатуры в Италии. Но в 1920 г. такая перспектива, кроме Грамши, никому не приходила в голову ни в том, ни в другом лагере. Фашистов просто не принимали всерьез, хотя оставалось всего два года до их прихода к власти.

Что же делает социалистическая партия в этот критический момент итальянской истории? Она, говорит Грамши, "выступает в качестве простого наблюдателя происходящих событий", она "не выдвигает лозунгов, которые могли бы быть восприняты массами, дали бы общее направление революционным действиям, сконцентрировали и объединили бы их" [Там же]. И это неудивительно: в самой партии нет единства, реформисты и оппортунисты ведут свою линию, и с ними не была даже начата полемика. Грамши предлагает провести идеологическую и организационную перестройку в социалистической партии с тем, чтобы она превратилась в "из мелкобуржуазной парламентской партии в партию революционного пролетариата ... в партию однородную, сплоченную, имеющую свою теорию, свою тактику, в партию с суровой и неукоснительно соблюдаемой дисциплиной" [4, с.91]. Как мы видим, Грамши ориентировался в то время на ленинский тип партии, построенной фактически по военному образцу.

Центристское руководство ИСП, не желавшее расставаться с реформистами (из боязни оторваться от профсоюзов и от парламентской группы), не вняло этому призыву. Но зато доклад Грамши "За обновление социалистической партии", попав в Москву, получил одобрение Ленина, который в своих тезисах об основных задачах II конгресса Коминтерна отметил, что содержащиеся в этом докладе критика и практические предложения "вполне соответствуют всем основным принципам III Интернационала" [2, т.41, с.199]. Узнав об этом, Грамши выразил свою радость по поводу того, что "суждение "четырёх горячих голов" из Турина поддержано самым высоким авторитетом в международном рабочем движении" [4, с.97].

В последующих статьях ("Две революции", "Куда идет социалистическая партия", "Коммунистические группы" и др.) Грамши

продолжает свою критику ИСП. Однако постепенно становится все более ясным, что преобразовать социалистическую партию путем критической деятельности изнутри вряд ли удастся: революционные коммунисты должны отделиться и образовать коммунистическую партию. Окончательно к такому выводу Грамши приходит после бурных событий сентября 1920 г.

Эти события, потрясшие всю Италию, явились последним крупнейшим выступлением рабочего класса: в ответ на объявленный предпринимателями локаут рабочие металлообрабатывающей промышленности заняли заводы и пустили их в ход без хозяев. Движение распространилось на всю страну, но особенно массовый характер приняло в Турине, Милане и Генуе. В течение целого месяца рабочие сами распоряжались на предприятиях, выпускали продукцию, организовывали ее сбыт. Над многими фабриками реяли красные знамена, их охраняла вооруженная рабочая гвардия.

Фабрично-заводские советы играли во всем этом движении руководящую роль. Их вдохновители — "ординовисты", прекратив на месяц издание "Ордине нуово", целиком занялись практической, организационной работой, буквально переселившись из редакции на предприятия. Однако долго такая ситуация продолжаться не могла. Надо было или решаться на революционную борьбу за власть, или идти на переговоры с предпринимателями. Руководящие органы партии и профсоюзов колебались: никто не хотел брать на себя ответственность [см. об этом 269, с. 99-133]. В конечном итоге правительство Джолитти выступило в роли посредника и "уладило" конфликт, пообещав учредить рабочий контроль на предприятиях (обещание, разумеется, осталось на бумаге).

Занятие предприятий в сентябре 1920 г. продемонстрировало как силу, так и слабость революционного движения в Италии. Главное — ему не хватало твердого партийного руководства. В связи с этим в конце года активно развернулась подготовка к созданию коммунистической партии.

Решающие события развернулись на XVII съезде Итальянской социалистической партии, открывшемся 15 января 1921 г. в Ливорно. Главным спорным вопросом на съезде стал вопрос об исключении из партии реформистов, что было одним из принятых на II конгрессе Коминтерна условий вступления в III Интернационал. Поскольку большинство максималистов оставалось на своей прежней позиции сохранения единства с реформистами, делегаты-коммунисты, представлявшие примерно одну треть членов партии, покинули зал заседаний съезда и собрали свой съезд. Так 21 января 1921 г. родилась Коммунистическая партия Италии (позже она стала называться Итальянская коммунистическая партия).

Антонио Грамши и его соратник по "Ордине нуово" Умберто Террачини были избраны в Центральный Комитет коммунистической партии. Однако большинство среди его 15 членов принадлежало к левацкой фракции Бордиги, которая в отличие от "ординовистов" успела распространить свое влияние по всей Италии. Таким образом во главе партии встал Амадео Бордига. Грамши был утвержден главным редактором "Ордине нуово", который (еще с 1 января 1921 г.) превратился из еженедельного в ежедневный орган и стал одной из трех ежедневных газет компартии.

Задача организации отпора фашизму выдвигалась в это время на первый план. Однако ее решение сильно затруднялось расколом в рабочих рядах и сектантской линией Бордиги, явно недооценивавшего фашистскую опасность. В ряде мест трудящиеся сами давали отпор фашистам, возникло даже военизированное антифашистское движение "народных смельчаков", но оно заглохло, не получив поддержки ни социалистической, ни коммунистической партии. Социалисты вообще не признавали вооруженной борьбы, пытались "утихомирить" фашистов мирными средствами, в результате чего те все больше нагнали. Коммунисты оказывали вооруженное сопротивление, однако силы их были ограничены, а объединение с другими антифашистскими силами прямо запрещалось бордигианским руководством.

В статьях Грамши этого периода много внимания уделяется анализу фашизма. Исследуя его классовую природу, он показал, что фашизм - это новый тип реакции, имеющий массовую базу, он опирается на мелкую буржуазию, выступающую в роли "слуги капитализма и помещиков, агента контрреволюции" [4, с.114]. В связи с этим Грамши выявил международный характер фашизма и указал на реальную угрозу фашистского переворота в Италии. "Среди итальянских коммунистов Грамши был первым, кто разглядел эту страшную угрозу" [54, с.42].

Трезво-реалистический взгляд на ход событий в стране навел Грамши на невеселые мысли. Он предвидел, что итальянскому народу придется больше других пострадать, прежде чем ему удастся добиться освобождения. "Однако, - добавлял он, - это убеждение, проникнутое горечью и печалью, не вызывает в нас какого-либо уныния, какого-либо упадка духа: мы ощущаем в себе как долг, как историческую миссию необходимость выявлять и организовывать здоровые, крепкие силы нашего народа и мы выполним этот наш долг до конца, до последнего вздоха" [12, с.118]. Такое настроение очень характерно для Грамши. Он сам резюмировал его в формуле, заимствованной у Ромена Роллана: "Пессимизм

ума - оптимизм воли". В этом отношении Грамши отличался от многих деятелей рабочего и коммунистического движения того времени, склонных всячески подчеркивать позитивные моменты исторического развития и нередко впадавших в иллюзии относительно скорой победы мировой революции. Видеть всю правду и говорить правду, ибо "говорить правду - это революционно" (Ласкаль), - такова была линия Грамши, которую он неизменно проводил в "Ордине нуово". Это значит, пояснял он, что "от рабочего класса не следует скрывать ничего из того, что для него представляет интерес, даже если это может ему не понравиться, даже если правда в данный момент покажется вредной. Это значит, что с рабочим классом надо обращаться как с совершеннолетним, обладающим разумом и сообразительностью, а не как с малым ребенком, нуждающимся в опеке" [12, с. 476-477].

Такая позиция органически вытекала из присущего Грамши диалектического понимания взаимоотношения партии и класса, авангарда и масс. Это не внешнее отношение "ведущего" и "ведомого", а такая их связь, при которой массы приобщаются к активному историческому действию благодаря тому, что их способность к "самодвижению" развивается, обретая более организованные и сознательные формы.

Совсем иначе смотрел на это дело Бордига - типичный представитель сектантского левачества, осужденного В.И. Лениным в его работе "Детская болезнь "левизны" в коммунизме" (1920). Хотя под влиянием критики он и отказался от абстенционизма, но отнюдь не отказался от общей сектантской линии, которая стала на первое время линией всей партии. Это было подчеркнутое стремление к обособлению "чисто марксистской", "чисто революционной" партии от всего остального, рассматриваемого под углом "опасности заражения". Бордиге, который мыслил жесткими категориями "или - или", была непонятна и чужда тактика единого фронта, выдвинутая Коминтерном в 1921 г.

Это значит, что союз между столь разными людьми, как Грамши и Бордига, мог быть лишь временным. "Детскую болезнь левизны", которой переболели многие коммунистические партии, в конце концов необходимо было преодолеть. В Италии это произойдет через несколько лет. А пока Коммунистическая партия Италии провела свой II съезд в марте 1922 г. в Риме. Представленные Бордигой на этот съезд "Тезисы о тактике" были подвергнуты критике в Коминтерне за их сектантский характер. Что же касается Грамши, то вскоре после съезда он был направлен в Москву в качестве представителя КПИ в центральных органах Коминтерна.

Полуторогодичное пребывание Грамши в Москве (с июня 1922 г.

по конец ноября 1923 г.) – весьма знаменательный период в его жизни. Правда, начался он неудачно: прибыв в Москву, Грамши серьезно заболел – сказалось перенапряжение предыдущих лет. Ему пришлось провести несколько месяцев в санатории "Серебряный бор". Но – нет худа без добра – именно здесь Антонио Грамши встретил и полюбил Юлию Шухт, ставшую его женой и матерью его двух детей. Для Грамши это была в полном смысле слова великая любовь, пронесенная через всю его дальнейшую жизнь. Его письма к Юлии звучат как исповедь души, обогащенной глубоким чувством и хранящей это чувство как величайшую человеческую ценность. Человек, который, по его собственным словам, привык замыкаться в себе, скрывая свои настроения и переживания за "маской суровости или иронической улыбкой", рассказывает о том, как ему не хватало такой любви, не хватало и для того дела, которому он посвятил всю свою жизнь: "Сколько раз я задумывался над тем, возможно ли единение с массой, если не любишь никого в отдельности..." [29, т.2, с.33]. "Но нынче я почти не узнаю самого себя, так я изменился", – говорит Грамши в другом письме Юлии (29, т.2, с.23). Любовь, наполняющая его душу, порождает в нем "внутреннее равновесие, обостряет другие страсти и чувства" (29, т.2, с.50). Он ощущает гораздо большую уверенность в себе, преодолевая некоторый комплекс неполноценности, связанный с его физическими недугами. На него начинают смотреть как на возможного кандидата на руководящую роль в партии.

Важнейшим фактором становления Грамши как партийного руководителя явилась его работа в Коминтерне. Он начинает изучать русский язык, читает труды Ленина, знакомится с материалами международного коммунистического движения, участвует в IV конгрессе Коминтерна (ноябрь 1922 г.), обогащается практическим опытом политической деятельности. Разумеется, его чрезвычайно интересует все, что происходит в Стране Советов, только что вышедшей из гражданской войны и переходящей к новой экономической политике. Он выезжает за пределы Москвы, несколько раз выступает перед трудящимися.

В то время как Грамши находился в Москве, положение в Италии все больше ухудшалось. Правда, социалисты-максималисты на своем очередном съезде все-таки отделились от реформистов, в связи с чем возник вопрос об их объединении с коммунистической партией. Но главным событием стал приход к власти фашистов после так называемого "похода на Рим" 28 октября 1922 г. В Италии начиналась мрачная пора двадцатилетнего господства фашизма. В этих условиях необходимо было объединять все здоровые демократические силы, способные сопротивляться фашистской ре-

акции. На это и была нацелена принятая Коминтерном тактика "единого фронта". Однако Бордига, считавший, что создание правительства Муссолини всего лишь небольшой эпизод, смена министерства, упорно отказывался и от объединения с социалистами, и от сближения с другими антифашистскими силами. Не изменил он своей позиции и тогда, когда вместе с рядом других руководителей компартии оказался в фашистской тюрьме. В этот труднейший для итальянских коммунистов момент Коминтерн возлагает на Грамши задачу выправить положение в партии. Не имея возможности вернуться на родину, поскольку и на него был выдан ордер на арест, Грамши в декабре 1923 г. переехал из Москвы в Вену, откуда было легче связываться с товарищами в Италии. Здесь он развернул организационную работу, результатом которой, в частности, было создание в феврале 1924 г. ежедневной газеты "Унита" ("Единство") и возобновление с 1 марта издания "Ордине нуово" в виде журнала, выходящего два раза в месяц. В его первом номере, посвященном памяти В.И.Ленина, была помещена статья Грамши "Вождь".

Особый интерес этой статьи не только в открытом противопоставлении Ленина Муссолини, но и в скрытой полемике с Бордигой, в фактической критике его методов руководства. "Главная проблема, - пишет Грамши, - состоит в том, какова природа отношений между вождями или вождем и партией рабочего класса, между партией и рабочим классом, являются ли они отношениями чисто иерархическими, отношениями военного типа (как их понимал Бордига. - М.Г.), или носят исторически обусловленный и органический характер; являются ли вождь, партия производными элементами рабочего класса, частью рабочего класса, представляют ли они самые глубокие и жизненные его интересы и стремления, или же они своего рода нарост или некая надстройка, насильственно над ним утвердившаяся..." [4, с.143].

Сектантской позиции Бордиги Грамши противопоставлял деятельность Ленина как "самый яркий, выразительный пример того, каким должен быть революционный вождь", а бордигианской концепции партии - исторический опыт и "живой пример" большевистской партии, "осуществляющей диктатуру класса" [4, с.144]. Партия - на этом настаивал Грамши - это часть класса, а не некая внешняя сила; а руководящей партией она становится благодаря долгому и трудному процессу отбора, который в России длился тридцать лет.

В то же время, противопоставляя диктатуру пролетариата фашистской диктатуре в Италии, Грамши подчеркивал, что пролетарской диктатуре присуще "постоянное движение снизу вверх, по-

стоянный обмен посредством всех тончайших общественных каналов, постоянный кругооборот людей" [4, с. 146]. Без этого немислима органичность связи между верхами и низами, между руководителями и руководимыми. Такова, в представлении Грамши, диктатура пролетариата "по идее". Знал ли он тогда о происходившем в СССР процессе бюрократизации государства, представлял ли себе его возможные последствия - на этот счет мы не имеем конкретных указаний. Определенное беспокойство он стал проявлять позже (см. ниже).

Критика бордигианского руководства, начатая Грамши в ряде писем, посланных им из Вены Тольятти, Террачини и другим деятелям партии в 1923-1924 гг., сыграла существенную роль в процессе формирования нового руководящего ядра КПИ. Но необходимо было еще переубедить всю массу членов партии.

В апреле 1924 г. в Италии состоялись парламентские выборы, - в эти первые годы правительство Муссолини еще сохраняло видимость демократии. Грамши был избран депутатом и, получив парламентскую неприкосновенность, смог 12 мая вернуться в Италию. В том же месяце мае на берегу озера Комо была созвана нелегальная партийная конференция, на которой выяснилась расстановка сил в партии: большинство в Центральном комитете поддерживало позицию Грамши, но Бордига сохранил свое влияние в областных федерациях. Понадобилось еще полтора года интенсивной работы и в центре и на местах, чтобы разъяснить членам партии ошибочность сектантской линии Бордиги и наладить деятельность КПИ на основе ленинских принципов. Грамши, поселившийся в Риме, разъезжал по всей стране, выступая то в одной, то в другой областной федерации КПИ. В это время он уже был фактическим руководителем партии, что было закреплено официально избранием его генеральным секретарем ЦК КПИ в августе 1924 г.

Летом этого года фашистский режим был потрясен крупным политическим кризисом, возникшим в связи с убийством депутата Маттеотти, осмелившегося разоблачить в парламенте махинации фашистов на выборах. Зверское убийство депутата вызвало бурные протесты по всей стране. Грамши от имени КПИ предложил антифашистской оппозиции призвать трудящихся к всеобщей забастовке и образовать контрпарламент. Но это предложение не было принято. Нерешительность оппозиционных сил позволила фашистскому режиму преодолеть кризисную ситуацию и начать контрнаступление с целью полной ликвидации всяких демократических прав и свобод.

Тем не менее в 1925-1926 гг. была еще возможность оказывать сопротивление фашизму. Коммунистическая партия, хотя и работала в чрезвычайно трудных, полунелегальных условиях, под руковод-

ством Грамши начала укрепляться и численно расти. Этому способствовала организационная перестройка - создание ячеек компартии на предприятиях. Пополнилась партия и за счет отделившейся от ИСП группы во главе с самим Серрати, который признал ошибочность своей прежней линии и был включен в состав руководства КПИ (в мае 1926 г. Серрати умер от болезни сердца, и Грамши посвятил его памяти проникновенную статью. [См. 4, с. 212-216]. В марте - апреле 1925 г. Грамши еще раз побывал в Москве, где участвовал в работе V расширенного пленума Исполкома Коминтерна.

В мае 1925 г. Грамши в первый и последний раз выступил с речью в парламенте. Критикуя фашистский проект "Закона против тайных обществ", он разоблачил демагогические претензии фашизма на "революционность". Свою речь, постоянно прерывавшуюся криками депутатов-фашистов и превратившуюся в прямую полемику с самим Муссолини, Грамши закончил словами: "Революционное движение победит фашизм!" После этого итальянскую печать обошла фотография: Муссолини, приставив ладонь к уху, слушает речь Грамши, произносимую его обычным тихим голосом.

В период борьбы за преодоление бордигианства и укрепление единства и боеспособности компартии одной из основных забот Грамши стало идеологическое просвещение членов партии. Если для ИСП было характерно не только плохое понимание марксизма, но и идейный разброд, то в коммунистической партии под руководством Бордиги "централизация, единство взглядов и единодушие в определении политического курса привели, - говорит Грамши, - к интеллектуальному застою" [4, с. 178]. Партия становилась похожей на армию, утрачивала свои политические черты, отрывалась от масс. Дабы партия жила и сохраняла прочную связь с массами, каждый ее член должен быть политически активным, должен быть руководителем, считал Грамши. С этой целью Грамши организовал заочную партийную школу, в которой марксизм-ленинизм должен был изучаться в тесной связи с практическими задачами итальянских коммунистов.

Конец 1925 г. прошел под знаком подготовки очередного, III съезда партии. Грамши вместе с Тольятти подготовили тезисы к этому съезду, который собрался нелегально в январе 1926 г. во французском городе Лионе. Лионский съезд зафиксировал полную победу в партии линии Грамши и сплотившихся вокруг него членов Центрального комитета (за нее проголосовали 90,8 % делегатов) и поражение сектантско-левацкой линии Бордиги (получившей 9,2 % голосов). В противоположность "корпоративной ограниченности" бордигианства, рассчитывавшего, что "одно лишь развитие объ-

активных условий механически обеспечит осуществление революционных целей" [4, с.211], а потому обрекавшего партию на пассивность, съезд ориентировал коммунистов на активную работу в массах. В связи с этим акцент был сделан на конкретный анализ соотношения классовых сил, который привел к важному выводу: "Крестьяне Юга после промышленного и сельскохозяйственного пролетариата Северной Италии - наиболее революционный социальный элемент итальянского общества" [4, с.210]. Отсюда вытекала задача - добиться создания классового союза между пролетариатом Севера и крестьянами Юга. Поиску путей решения этой задачи была специально посвящена работа Грамши "Некоторые аспекты южного вопроса".

Написанная осенью 1926 г. (но опубликованная лишь в 1930г., в журнале "Стато операйо") неоконченная работа "Некоторые аспекты южного вопроса" занимает особое место в творчестве Грамши: она является переходной между статьями периода 1919-1926 гг. и "Тюремными тетрадами". Действительно, ряд выдвинутых здесь положений будут активно развиваться в "Тюремных тетрадах". Но в некоторых отношениях и сама эта работа позволяет лучше понять дальнейший ход мыслей, поскольку здесь говорится "открытым текстом" то, что впоследствии автор вынужден будет выражать иносказательно, недоговаривать и маскировать. К тому же это чрезвычайно поучительный пример конкретного социального анализа и разработки плана практических действий.

Свое рассуждение Грамши начинает с вопроса о "гегемонии пролетариата", т. е., говорит он, вопроса о "социальной базе пролетарской диктатуры и рабочего государства" [4, с.240]. Пролетариат, чтобы стать руководящим и господствующим классом, должен создать систему классовых союзов и прежде всего вступить в союз с крестьянством. Но крестьянский вопрос надо ставить не "вообще", а в той конкретной форме, какую он исторически принял в данной стране. В Италии он выступает "как южный вопрос и как ватиканский вопрос" [4, с.241]. Южный вопрос для Грамши и его сподвижников - далеко не новый вопрос, и Грамши рассказывает о том, как туринские коммунисты практически действовали в направлении его позитивного решения. Особенно важно здесь было преодолеть негативное отношение самого туринского пролетариата к южанам, сложившееся под влиянием буржуазной идеологии. Ставя вопрос шире, Грамши подчеркивает, что для своего превращения в руководящий класс пролетариат должен освободиться не только от "профессионального партикуляризма", т. е. от разобщения по профессиям, но и от определенного классового эгоизма. Ведь если рабочий класс не завоеует доверие дру-

гих слоев трудящихся, если он не обретет способность руководить крестьянством и интеллигенцией, то "эти слои, составляющие в Италии большинство населения, останутся под руководством буржуазии, что даст возможность государству устоять против пролетарского натиска и сломить его" [4, с.246].

Но всего этого мало. Чтобы вырвать крестьянство из-под руководства (впоследствии Грамши будет говорить - "гегемонии") буржуазии, надо знать, как это руководство осуществляется, в частности на Юге Италии. Здесь Грамши делает серьезный шаг вперед, предлагая уникальный анализ социальной структуры Юга и сложных механизмов классового господства в этой самой отсталой части страны. При этом впервые в марксистской литературе он вскрывает "функциональную" роль интеллигенции в механизмах господства, закладывая основы той теоретической разработки проблем интеллигенции, которая будет осуществлена в "Тюремных тетрадах".

"Южноитальянское общество, - пишет Грамши, - представляет собой большой аграрный блок, складывающийся из трех общественных слоев - многочисленной крестьянской массы, аморфной и распыленной; интеллигенции, вышедшей из рядов сельской мелкой и средней буржуазии; крупных землевладельцев и высших представителей интеллигенции" (4,251). Внутри всего этого аграрного блока, подчиненного в целом интересам капиталистов Севера и крупных банков, существует, пронизывая его как костяк, блок интеллигенции. Его нижняя часть - мелкая и средняя интеллигенция - играет опосредствующую роль, связывая крестьянство с классом крупных земельных собственников. Верхняя же часть - мыслители, теоретики, такие, как Джустино Фортунато и Бенедетто Кроче, - идеологически цементирует все это здание через воздействие на мелкую и среднюю интеллигенцию.

Таким образом, конкретная непосредственная задача, встающая перед итальянским пролетариатом в борьбе за крестьянство, состоит в том, чтобы, во-первых, вовлечь в самостоятельные организации возможно большую массу крестьян-бедняков; во-вторых, постараться разложить гибкий каркас аграрного блока - блок интеллигенции. Поскольку первое в значительной степени зависит от второго, то ясно, насколько важно суметь воздействовать на интеллигенцию и через интеллигенцию. Грамши ссылается на пример виднейшего представителя либерально-демократической оппозиции фашизму Пьеро Гобетти, который сотрудничал в "Ордине нуово" и через которого туринские коммунисты связывались с более широкими слоями левой интеллигенции [см.4, с.257-259]. На этом обрывается работа Грамши "Некоторые аспекты южного вопро-

са".

Завершая рассмотрение периода 1919-1926 гг., следует упомянуть об одном эпизоде, вызвавшем разноречивые толкования в современной исследовательской литературе. Это письмо, направленное Грамши от имени Политбюро ЦК КПИ Центральному Комитету ВКП(б) в октябре 1926 г. Речь в нем шла о внутрипартийной борьбе между большинством ЦК и оппозицией во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым. Грамши, поддерживая в целом точку зрения большинства, выражал опасение, что внутрипартийная борьба приведет к расколу, который отрицательно скажется на всем международном коммунистическом движении. Обращая внимание на противоречие, заключающееся в том, что господствующий класс — пролетариат оказался в данный момент в худшем материальном положении, чем определенные слои свергнутого класса (непманы), Грамши усматривал в этом серьезную опасность для диктатуры пролетариата (возможность нарастания корпоративных настроений в среде рабочего класса) и связывал с этим явлением ошибочную линию оппозиции. В этих условиях, считал он, особенно необходимо единство партии, которое, однако, должно поддерживаться не "механическими и принудительными" средствами, а убеждением. В связи с этим он выражал надежду, что большинство ЦК не будет "злоупотреблять победой и постарается избежать крайних мер" [13, с.130. Подробнее см.99, с.35-38; 39. Перевод этого письма и связанного с ним письма Грамши Тольятти см.99, с.126-135].

По поводу этого письма в некоторых современных исследованиях не без основания проводится сопоставление позиции Грамши с позицией Ленина в его последних статьях и в известном "Письме к съезду" [см.256, с.50; 99, с.37]. Действительно, у Грамши такая же забота о сохранении единства партии, основанная на принципиальных соображениях о поддержании и укреплении союза пролетариата с другими трудящимися массами, осуществляемого не авторитарными, а воспитательными средствами. Заметим, что в самой КПИ при всей остроте полемики в 1924-1926 гг. дело не доходило до "отсечения" представителей левацкой или правой тенденции. С ними полемизировали, а если кого-то не удавалось переубедить, все же находились способы совместной работы, сохранялось уважительное товарищеское отношение к людям честным и преданным делу революции. Таковым было, в частности, отношение Грамши к Бордиге, который был человеком открытым, хорошим организатором, обладал огромной работоспособностью и, несомненно, мог принести немалую пользу партии. Позже в своих письмах из заключения Грамши не раз положительно упоминал о Бордиге, с которым был вместе в ссылке. Эти упоминания были издателями

исключены из "Писем из тюрьмы", опубликованных в 1947 г. (и соответственно из русского издания 1957 г., т.е. второго тома "Избранных произведений" Грамши), но затем были восстановлены в итальянском издании писем 1965 г.

Грамши был арестован 8 ноября 1926 г. на своей квартире в Риме, несмотря на его парламентскую неприкосновенность. Этому предшествовали чрезвычайные меры фашистского правительства, принятые после покушения на Муссолини 31 октября. Очередное неудачное покушение на главу фашистской партии и правительства дало ему желанный повод окончательно расправиться со всякой оппозицией и установить неограниченную диктатуру. 5 ноября совет министров принял чрезвычайные законы, запрещавшие деятельность всех партий, кроме фашистской. Эти законы должны были обсуждаться в парламенте 9 ноября, и Грамши хотел присутствовать на этом заседании. Но за день до этого были проведены массовые аресты членов демократической оппозиции, руководителей антифашистских партий, и Грамши, вместе с Террачини, Скокчимарро и рядом других руководящих деятелей КПИ, оказался в тюрьме.

§ 4. Тюремные годы

О том, как протекала жизнь Грамши в этот последний период (1926-1937 гг.), мы узнаем главным образом из его писем и воспоминаний товарищей по заключению. В тюремной переписке Грамши наибольшее количество писем адресовано сестре его жены Татьяне Шухт, которая жила в Италии и оказывала всяческую помощь Грамши - лекарствами, одеждой, книгами, моральной поддержкой. Татьяна стала для него важнейшим связующим звеном с внешним миром. Но не только звеном, а и интересным, достойным собеседником, с которым можно было поделиться заботами и мыслями, в том числе теоретического и философского характера. "... Я очень полагаюсь на твой здравый смысл и на обоснованность твоих суждений", - писал он Татьяне, излагая план своих теоретических занятий 19 марта 1927 г. [3, т.2, с.31]. В другом письме (15 декабря 1930 г.) Грамши рассказывал ей о том, какое большое значение в его жизни и творчестве имело интеллектуальное общение, полемика, диалог [см.21, с.390]. Поэтому прав, очевидно, автор наиболее объемистой биографии Грамши, С.Ф.Романо, который, называя Татьяну "идеальным собеседником", считает, что без нее не было бы значительной доли многих замечательных мыслей, высказанных Грамши в этот тюремный период [см.252,

с.554].

Внешне же жизнь Грамши в последние десять с половиной лет, естественно, не богата событиями. Вначале он был отправлен в ссылку на остров Устику, где пробыл с 7 декабря 1926 г. по 20 января 1927 г. Жизнь на маленьком острове вместе с многими другими политическими ссыльными, в том числе Бордигой, была относительно сносной. Ссыльные организовали даже своеобразные курсы взаимного обучения, где Грамши читал лекции по истории и географии, а Бордига - по естественным наукам.

Пробыв на Устике полтора месяца, Грамши был отправлен в Милан и помещен в тюрьму Сан Витторе. Дело в том, что фашистское правительство, захватив некоторые документы компартии, решило устроить большой процесс против коммунистов. В Милане шло предварительное следствие, а сам процесс (который стали называть "судилище") открылся в Риме 29 мая 1928 г. и продолжался неделю. К суду Особого трибунала привлекли вначале 55 человек, затем сократили это число до 22, чтобы не создавать впечатления, что коммунистов слишком много. Грамши и других руководителей компартии обвинили в заговоре с целью свержения государственной власти. В качестве свидетелей выступали полицейские, занимавшиеся слежкой за коммунистами и указавшие на Грамши как на "руководящий ум коммунистической партии". В связи с этим фашистский прокурор Изгро заявил: "Мы должны запретить на двадцать лет функционировать этому мозгу" [285, с.219,190]. С последним словом от имени всех коммунистов выступил Умберто Террачини. Грамши ограничился одной фразой, заявив своим обвинителям: "Вы приведете Италию к катастрофе, мы, коммунисты, ее спасем!" [285, с.183]. Приговор Особого трибунала вполне соответствовал требованиям прокурора: Грамши, Роведа и Скоччимарро были осуждены на 20 лет тюремного заключения, Террачини - на 22, остальные на разные сроки от 5 до 18 лет.

Отбывать заключение Грамши пришлось в тюрьме Тури недалеко от южноитальянского города Бари, куда он прибыл 19 июля 1928 г. после мучительного 12-дневного переезда. В это время у него резко ухудшилось здоровье. "Поездка из Рима в Тури была ужасной, - пишет Грамши Татьяне Шухт. - ... Мне было невыразимо плохо. В Беневенто я провел адские двое суток. Я извивался, как угорь, не мог ни сидеть, ни лежать, ни стоять. Врач сказал мне, что это антонов огонь и что тут ничем помочь нельзя" [3, т.2, с.76].

Наступившее затем улучшение было временным. Болезнь - и не одна, а целый сонм болезней - неуклонно прогрессировала. Нерв-

ное истощение, головные боли, бессонница, болезнь желудка, выпадение зубов, — чего только не пришлось испытать узнику под номером 7047. "... Я дошел до такого состояния, когда силы вот-вот изменят мне, — писал Грамши 29 августа 1932 г. — Все эти дни я чувствую себя так плохо, как никогда: уже восемь дней я сплю не более 45 минут в сутки, а иногда не смыкаю глаз всю ночь напролет. Несомненно одно: если вынужденная бессонница и не вызывает сама по себе определенное заболевание, то она обостряет имеющиеся недуги, а это связано с такими страданиями, что существование становится просто невыносимым" [3, т.2, с.246].

Заметим, что все это Грамши писал Татьяне, а в письме к жене, написанном в этот же день, о недугах ни слова. Жена сама была нездорова, и Грамши стремился поддерживать в ней бодрость духа. Он вообще не жаловался, не хотел, чтобы его жалели, и если в некоторых письмах описывал Татьяне состояние своего здоровья, то главным образом для того, чтобы с ее помощью принять меры лечения. Чтобы иметь возможность работать каждую минуту, когда его более или менее отпускала болезнь, он сам попросил для себя одиночную камеру. И здесь, поглощая с необыкновенной быстротой книги и периодические издания, которые ему присылали Татьяна Шухт и его друг, известный экономист Пьеро Сраффа, Грамши все это обдумывал, оценивал, сопоставлял и записывал возникающие при этом мысли в тетради разного формата, которые получают название "Тюремные тетради".

Грамши лишь в январе 1929 г. добился разрешения писать в камере и начал "Тюремные тетради" 8 февраля того же года. Но еще 19 марта 1927 г. в упомянутом уже письме к Татьяне он набросал первый план будущих исследований, состоявший из четырех пунктов: 1) Исследование о формировании общественной мысли в Италии в XIX столетии, т.е. об итальянской интеллигенции; 2) Исследование по сравнительному языкознанию; 3) Исследование о драматургии Пиранделло и об эволюции художественного вкуса в итальянском театре; 4) Очерк о популярных романах, печатаемых по частям в газетах, и о литературных вкусах простого народа. Эти четыре пункта связаны между собой, отмечал Грамши, ибо в основе здесь повсюду одна проблема — "творческий дух народа в его различных фазах и стадиях развития" [3, т.2, с.31].

Несомненно, что исследование такого рода могло бы быть ценным и интересным. Но действительно ли Грамши собирался заниматься вопросами, столь далекими от его прежней политической деятельности, и создать сугубо академический труд "для вечно-

сти", как он сам писал, цитируя Гете?

Выше уже говорилось о том, как Грамши в работе "Некоторые аспекты южного вопроса" начал выявлять роль интеллигенции в осуществлении классового господства и связанные с этим задачи революционного класса. Интеллигенция играет роль связующего звена между господствующим классом и широкими массами. Но если это так, то естественно вставал вопрос о том, как действует этот механизм связи, каковы вообще отношения между интеллигенцией и народом, через какие каналы они осуществляются, как исторически изменяются - в Италии и в других странах. Не поможет ли такое исследование лучше понять и объяснить переход от одного типа общества к другому, специфику революционного процесса как смену одного типа господства другим? В самом деле, проблему революции можно было рассмотреть в широком социальном и историческом контексте и выявить определенные закономерности, важные для современной революционной борьбы. Это было бы действительно теоретическое исследование (и в этом смысле - "для вечности"), которое академическим было бы лишь по видимости, а по сути работало бы на революцию. Таков, судя по всему, был первоначальный теоретический замысел Грамши, который и начал осуществляться в "Тюремных тетрадах".

В целом "Тюремные тетради", над которыми Грамши работал с 1929 по 1935 г., состоят из 33 тетрадей, исписанных аккуратным, прямо-таки каллиграфическим почерком (в переводе на машинописный текст это около 4000 страниц). Из них 4 тетради содержат переводы с немецкого, над которыми Грамши работал, чтобы "набить руку". Остальные 29 заполнены заметками на самые разнообразные темы, как правило сделанными по ходу чтения книг, журналов, газет. Начиная с десятой тетради (с 1932 г.) Грамши предпринимает первую систематизацию накопленного материала: ряд записей из предыдущих тетрадей он переносит в "специальные тетради", кое-что в них меняя (это так называемая вторая редакция), группируя их по некоторым общим темам, а также дополняя новыми заметками. В то же время если и раньше он писал осторожно, стараясь не выглядеть марксистом, то теперь он начинает в еще большей степени маскировать свою терминологию: перестает употреблять имена Маркса и Энгельса, вместо слов "марксизм" и "исторический материализм" пишет "философия практики" (Маркс и Энгельс соответственно обозначаются как "основатели философии практики") и т.д. Такую замену он производит и в заметках, переписанных в "специальные тетради". Все это связано, по-видимому, с изменением в тюремной администрации: в Тури сменился директор тюрьмы, который как цензор

просматривал и штамповал все написанное Грамши и мог в любой момент конфисковать то, что ему не понравится. Прежний директор не пользовался этим правом. Но чего ждать от нового директора? Лучше не рисковать, когда накопилось уже столько материала.

Грамши писал эти заметки для себя и не раз подчеркивал, что для приведения их в окончательный вид потребуется еще много работы. И не только в плане сведения воедино многих разрозненных фрагментов. Некоторые вещи Грамши просто недоговаривал, считая их само собой разумеющимися для марксиста и в то же время неприемлемыми для цензуры, некоторые высказывал в предварительном порядке, считая их требующими проверки. В общем "Тюремные тетради" предстают перед нами как зафиксированный и оборванный на одной из начальных стадий творческий процесс, который, в свою очередь, требует к себе творческого отношения. В этом богатейшем кладезе идей есть мысли, лежащие на поверхности, и есть скрытые, как подводная часть айсберга, есть мысли, выраженные в чеканной, окончательной формулировке (которая не меняется во второй редакции), и есть поставленные в виде вопросов и сомнений. Так или иначе, но все это плод напряженных размышлений, размышлений не только над прочитанным, но и над накопленным практическим опытом, а также и над событиями, происходящими в это время в "большом и грозном мире" (как любил выражаться Грамши).

Что же происходило в мире в годы, когда Грамши писал "Тюремные тетради"? Прежде всего мировой экономический кризис 1929-1932 гг. и в то же время первая пятилетка в Советском Союзе, поворот в сторону непосредственной революционной борьбы в политике Коминтерна и в то же время приход к власти фашизма в Германии. Все это не могло не привлечь внимания Грамши.

Противоречия в капиталистическом мире обострялись. Не знало ли это, что снова назревает революционная ситуация и что коммунистическое движение должно изменить ту тактику, которая была принята в период, названный периодом временной стабилизации капитализма? Ответив положительно на этот вопрос, руководство Коминтерна ориентировало входящие в него компартии на отказ от тактики единого фронта и замену ее тактикой "класс против класса". Имелся в виду переход от оборонительной борьбы к наступательной, выливающейся в непосредственную борьбу за установление диктатуры пролетариата. При этом в соответствии с данным И.В.Сталиным толкованием ленинизма, в период непосредственной подготовки революции главный удар следовало направлять против колеблющихся в собственном лагере и против неус-

тойчивых союзников, могущих лишь помешать решительному штурму.

В 1929-1930 гг. эта тактика начала осуществляться и в Коммунистической партии Италии, руководство которой во главе с Тольятти находилось в это время в эмиграции, в Париже. Поворот в тактике (впоследствии его стали называть просто "поворот") проходил нелегко. Из семи членов Политбюро трое высказались против такого поворота, ссылаясь на то, что в массах трудящихся нет революционного подъема, да и партийная организация в самой стране фактически не функционирует. Но, оказавшись в меньшинстве, эта тройка (Раваццоли, Трессо, Леонетти) была обвинена в пораженчестве и фракционизме и вскоре исключена из партии. Руководство КПИ начало принимать срочные меры для воссоздания партийного центра в самой стране. С этой целью в Италию был послан один, потом другой, потом третий руководящий работник партии. Все они сразу же попадали в руки полиции и оказывались в тюрьме (один из них, Бруно Тозин, был заключен в Тури и встретился там с Грамши). Фашистская диктатура приобрела к этому времени подлинно тоталитарный всепроникающий характер. И хотя в стране были, разумеется, недовольные и существовали отдельные антифашистские группировки разных политических направлений, но они были разрознены и бессильны. Говорить о революционной ситуации не было никаких оснований. В этих условиях тактика "класс против класса" не только не способствовала приближению революции, но, напротив, ее отдаляла. А главное - она прямо препятствовала столь необходимому объединению антифашистских сил.

Все это было осознано позже, на основе практического опыта Германии и Австрии, Франции и Италии. Как известно, политическая линия Коминтерна была исправлена на его VII конгрессе в 1935 г., когда был провозглашен лозунг борьбы за народный фронт как широкое объединение всех демократических сил против реакции и фашизма. Но то было позже. А на рубеже 20-30 гг. положение в коммунистическом движении сложилось таким образом, что лишь немногие - и среди них Грамши - смогли, трезво оценив ситуацию, предложить более правильную тактику, в какой-то мере предвосхищавшую линию VII конгресса.

Летом 1930 г. Грамши посетил его брат Дженнаро, посланный специально партийным руководством, чтобы информировать его о "повороте" и выяснить его мнение относительно исключения из партии тройки несогласных. Заметим, что это был первый и единственный контакт руководства партии с Грамши за время его заключения. По возвращении в Париж Дженнаро доложил, что Грамши одобряет действия большинства. Однако в своей биографической

работе Джузеппе Фьори, ссылаясь на личный разговор с Дженнаро, пишет, что тот сказал неправду, опасаясь, что подлинное мнение Грамши — его несогласие — навлечет на него такие же партийные санкции, как и в отношении тройки [см.178, с.292]. К Фьори присоединяется писатель Р.Хигерович, излагая этот "поразительный по своему драматизму эпизод" в своей книге "Бойцов не оплакивают" (108,351-354). Несколько иначе выглядит этот эпизод в воспоминаниях Луиджи Лонго. По его словам, Дженнаро, вернувшись в Париж, "передал нам, что Антонио не захотел ничего сказать по поводу сделанных ему политических сообщений", т.е. якобы не выразил никакого мнения [188, с.76]. Эту версию поддерживает Паоло Сприано в своей книге "Грамши в тюрьме и партия" [см.268, с.48-50]. При этом ни тот, ни другой не отрицают, что Дженнаро мог скрыть подлинное мнение Антонио.

Но суть дела, разумеется, не в том, что именно сказал Дженнаро в Париже, а в том, как действительно отнесся Антонио Грамши к повороту в политике КПИ. И здесь нет сомнений: его отношение к "повороту" было отрицательным. Это совершенно четко явствовало не только из слов, сказанных им брату Дженнаро, но и из его бесед с политзаключенными и особенно из серии лекций, которые он, по-видимому, специально в этой связи прочел для них в ноябре 1930 г. во время ежедневных прогулок в тюремном дворе.

Грамши не анализировал новую тактику КПИ (тем более что имевшаяся у него об этом информация была довольно скудной). Он просто предложил другую тактическую линию, основывая ее на конкретном анализе ситуации в Италии. В условиях, когда реакция лишила итальянский пролетариат его классовых организаций, печати, права на забастовки и других средств борьбы, бессмысленно говорить о непосредственном подъеме масс на революционное выступление против капитализма, считал Грамши. Необходим подготовительный период, во время которого должны быть выдвинуты промежуточные лозунги общедемократического характера, способные мобилизовать самые широкие массы прежде всего на борьбу против фашизма. Таким лозунгом может быть, в частности, лозунг созыва Учредительного собрания [см.213, с.86-88; 280, с.97-98].

Современному читателю может показаться странным, что такой подход способен вызвать возражения со стороны коммунистов. Тем не менее факты таковы: среди слушателей Грамши нашлись такие, которые восприняли изложенную тактическую линию резко отрицательно. Не желая раздувать конфликт, Грамши предпочел прекратить свои лекции. Но для него это послужило дополнительным

стимулом в его теоретических размышлениях, фиксируемых в "Тюремных тетрадах". Ведь у его оппонентов была определенная логика, выглядящая вполне по-марксистски: налицо величайший экономический кризис капитализма, кризис должен вызвать недовольство масс, что должно привести к революционной ситуации и к революции. Дальнейший ход событий показал, что этого не произошло: напротив, в ряде стран - и прежде всего в Германии - началось наступление реакции, приведшее затем ко второй мировой войне. Но в 1930 г., когда исход кризиса был еще неясен, можно было рассуждать лишь теоретически. В то же время теоретическое рассуждение - раз кризис, значит, должно быть то-то - накладывало свой отпечаток на восприятие фактов, и многие революционеры того времени, принимая желаемое за действительное, усматривали в малейших проявлениях активности масс признаки революционной ситуации.

Грамши с его "пессимизмом ума и оптимизмом воли" смотрел на вещи трезво. И в частности, в разговоре с Бруно Тозином, ссылаясь на Ленина, он показал, что в Италии отсутствуют основные условия, при которых может осуществиться революция: ведь надо, чтобы, «во-первых, народные массы сознавали невыносимость условий, в которых они живут; во-вторых, чтобы господствующий класс оказался неспособен объединять социальные слои, которые он контролирует и которыми руководит; и, в-третьих, чтобы существовала сильная партия, способная вести за собой массы» [280, с.96]. Грамши был прав по существу дела. И все же, для того чтобы убедить в своей правоте других, одной ссылки на факты было недостаточно. Поскольку факты могли интерпретироваться по-разному, необходимо было теоретически опровергнуть ту логику, на основе которой возникали ложные интерпретации фактов и ложные практические шаги, и столь же необходимо было разработать иную стратегию, способную в условиях отсутствия революционной ситуации реально работать на революцию. Как мы увидим в дальнейшем, в этом и заключались стержневые идеи "Тюремных тетрадей".

Антонио Грамши был одним из первых, если не самым первым из марксистов, кто задумался над такими вопросами, а главное - продумал их глубоко. В какой-то мере этому даже способствовала тюремная изоляция, когда, поневоле оторванный от практических дел, он мог сконцентрироваться на теоретических размышлениях. Фашистский прокурор был посрамлен. Мозг Грамши вопреки всему продолжал функционировать с небывалой интенсивностью. Но его тело буквально разрушалось.

И все же "оптимизм воли" не покидал Грамши даже тогда, ког-

да обострение болезненного состояния приводило его на порог смерти. Такие тяжелейшие кризисы Грамши испытал в августе 1931 г., когда у него шла горлом кровь, и в марте 1933 г., когда, будучи без сознания, он галлюцинировал и бредил. Лишь после этого второго кризиса удалось вызвать врача из "внешнего мира" — профессора Арканджели, который, диагностировав у Грамши болезнь Потта, очаги туберкулеза, атеросклероз, гипертонию, заключил, что в тюремных условиях он долго не выживет, и рекомендовал перевести его в клинику. Заключение врача не подействовало. Понадобилось давление мировой общественности, в частности выступления в защиту Грамши крупнейших писателей: Романа Роллана, Анри Барбюса, Максима Горького и др., чтобы его наконец перевели из Тури в клинику доктора Кусумано в Формии, где он пробыл с декабря 1933 г. по август 1935 г.

Здесь Грамши продолжал работать над "Тюремными тетрадами", но в основном ограничивался приведением в относительный порядок уже сделанных записей. Однако здоровье его не улучшалось, — сырой воздух Формии действовал крайне неблагоприятно. Его положение по существу не изменило и полученное в октябре 1934 г. условное освобождение, последовавшее вслед за сокращением тюремного срока по амнистии.

В августе 1935 г., после еще одного тяжелого кризиса, который совсем лишил его сил, Грамши переехал в Рим. Тут его последним местопребыванием стала клиника под названием "Куисисана" ("Здесь выздоравливают"). Здесь Грамши и умер 27 апреля 1937 г. За два дня до этого Татьяна Шухт принесла ему официальный документ об окончательном освобождении. "Свободным" Грамши пробыл всего несколько часов. Вечером того же дня у него произошло кровоизлияние в мозг, за чем последовал паралич левой стороны тела. В четыре часа утра 27 апреля Грамши не стало. Его прах был захоронен на кладбище в Риме в присутствии всего двух человек — Татьяны и брата Карло.

В итальянских газетах появилась информация о смерти "бывшего депутата Грамши". Международная коммунистическая и демократическая печать откликнулась крупными заголовками: "Еще одно преступление фашизма!", "Фашизм убил Грамши!". "Убийство — это нормальное орудие власти при фашистской диктатуре, — писал в связи с этим Тольятти. — Но несомненно, что Грамши убивали самым бесчеловечным, самым варварским, самым утонченно жестоким способом. Десять лет длилась его смерть!" (271,9).

Прошло еще десять лет. В 1947 г. в Италии, освобожденной от фашизма, были опубликованы "Письма из тюрьмы" Антонио Грамши. Для широкой итальянской общественности это стало открытием

героической личности, нестигаемый дух которой победил величайшие телесные немощи и жесточайшие тюремные испытания. В то же время Грамши предстал в этих письмах как живой, глубоко чувствующий человек, страдавший от разлуки с близкими ему людьми, но всегда находивший для них слова ободрения и поддержки. Напряженная мысль и обостренное чувство, высокая мораль и неиссякаемое жизнелюбие, непреклонная воля и душевная щедрость этого человека не могли не вызывать восхищения. Читатели увидели в этих письмах борца-коммуниста, для которого преданность идеалу составила смысл всей его жизни. В этой его устремленности к коммунистическому будущему не было ничего фанатичного, доктринерского. Общее благо он видел как сумму благ многих живых людей, будущее – как органично вырастающее, из настоящего. Жить для будущего это значило жить для этих людей, делать что-то для них уже сейчас. Поэтому он однажды сказал: "Стоит жить, будучи коммунистом"².

Впечатление, произведенное "Письмами из тюрьмы", было настолько велико, что было принято беспрецедентное решение – присудить им крупнейшую литературную премию "Виареджо". В своей речи на церемонии присуждения премии известный литературный критик Джакомо Дебenedетти охарактеризовал их автора как "классический образец целостного человека" и "живое предвосхищение человека будущего" [167, с.16,17]. В свою очередь, выступая на родине Грамши, Сардинии, Пальмиро Тольятти подчеркнул, что его наследие принадлежит не только коммунистам, но всем сардинцам, всем итальянцам, всем трудящимся, борющимся за свое освобождение: "его урок обращен ко всем, он мыслил для всех, он говорил для всех, он страдал ради всех" [278, с.55-56].

Это было, однако, лишь началом триумфального "воскрешения" Грамши. Со следующего, 1948 г. началась в Италии публикация его "Тюремных тетрадей". Они были спасены все той же Татьяной Шухт и переправлены в Советский Союз. Сразу же по окончании второй мировой войны они вернулись в Италию, где и были изданы в течение трех лет шестью отдельными томами.

Сама Татьяна приехала в Москву в 1938 г. и умерла в эвакуации в 1943 г. Жена Грамши, Юлия, дожила до 1980 г. Она похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище. Его дети, Делио и Джу-

²Следует подчеркнуть, что эта характеристика не дань старому обычаю изображать революционеров как твердокаменных идеальных героев. В Италии давно уже прошла кампания "дегероизации". Образ Грамши несколько изменился, утратил свою "твердокаменность". Но от этого он стал не менее, а более привлекательным.

лиано, прожили всю жизнь в Советском Союзе. Делио был офицером военно-морского флота, Джулиано - музыкант. Фамилия Грамши продолжает жить в их потомстве.

Подведем некоторые предварительные итоги. Деятельность Грамши как журналиста, а затем как партийного руководителя должна оцениваться прежде всего в контексте того исторического периода, когда предельно обострились общественные противоречия и произошла резкая поляризация социальных сил. Революция в одной стране, фашизм в другой - результат именно такого обострения противоречий, которое с неизбежностью приводило к "силовой" борьбе. В этих условиях неизбежно было и размежевание внутри самого социалистического движения и острое столкновение в нем правого и левого крыла. Исторический опыт Италии здесь, пожалуй, не менее поучителен, чем опыт России. Абстрактно рассуждая, было бы лучше и там и тут обойтись без насильственных методов, без кровопролития и решить спор тихо, мирно, скажем, путем голосования. Но вот что получилось с теми, кто в Италии в самый разгар борьбы именно это и предлагал. Сначала их "миротворческие" усилия помешали организовать активное сопротивление фашизму и фактически способствовали его приходу к власти. А затем, убедившись в пагубности своей политики, они стали перестраиваться на боевой лад, но было уже поздно. Лидер реформизма Турати бежал во Францию, другой лидер, Маттеотти, пожертвовал своей жизнью.

Грамши, как мы знаем, занял место на левом фланге социалистического движения. Как и другие левые, он был настроен весьма решительно и отдавал дань распространенному в ту пору революционному романтизму. Подобно многим другим, он какое-то время переоценивал остроту кризисных явлений в европейском капитализме и считал Октябрьскую революцию началом конца всей капиталистической системы. Акты насилия в России? Но это временное явление, отвечал Грамши. Ему, конечно, не приходило в голову, что через каких-нибудь десять лет насильственно-репрессивные меры приобретут систематический характер. Однако определенные опасности он видел, - в частности, опасность для рабочего государства "попасть в руки авантюристов и политиканов" [3, т.1, с.132]. И он совершенно справедливо связывал предотвращение этой опасности с привлечением к управлению всего рабочего класса, а не только его партийного авангарда. Как раз этого и не получилось в нашей стране, где трудящиеся оказались отчужденными от власти, а власть превратилась в бесконтрольно-тоталитарную. Было ли это неизбежным? Вопрос, как известно, дискуссионный. Так или иначе, но Грамши вносит свой

вклад в наши современные дискуссии. И вклад не только теоретический. По существу вся его деятельность была направлена на предотвращение тоталитаризма, на создание общества подлинного народовластия, основанного на самоуправлении трудящихся снизу доверху. Такое самоуправление даже начало осуществляться в фабрично-заводских советах, и как бы ни был ограничен этот уникальный практический опыт, он уже кое-что доказал и заслуживает самого серьезного внимания. В дальнейшем мы увидим, как сам Грамши осмысливал этот опыт и многое другое на новом теоретическом уровне.

На этом мы завершаем историко-биографическую главу и переходим к теоретическому рассмотрению главного труда Грамши — "Тюремных тетрадей".

ГЛАВА II

ТЕОРИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ

§ 1. Вопросы методологии

Начнем с некоторых предварительных замечаний методологического характера. Реконструкция взглядов Грамши в их систематической целостности должна, очевидно, опираться на опыт уже проделанной работы в этом направлении. Действительно, многие исследователи "Тюремных тетрадей", несмотря на их фрагментарный характер, находили в них определенное единство и пытались изложить взгляды Грамши в виде целостной системы. Эти попытки дали весьма разноречивые результаты.

Так, в одной из первых марксистских работ о Грамши, опубликованной в 1956 г., ее автор К.Л.Оттино "подогнал" его взгляды под общие схемы, господствовавшие в то время в марксистской литературе учебно-пропагандистского характера [см.231]. Впоследствии такая трактовка была единодушно осуждена. Акцент был сделан на своеобразие Грамши, на его творческий вклад в марксистскую теорию.

Однако представить этот творческий вклад в систематическом виде оказалось не так просто. Прежде всего, в каком порядке следовало его излагать? Идти от общего к частному, от философии к более конкретной проблематике истории, политики, теории революции или наоборот? На первый путь наталкивала та предварительная редакционная систематизация, которая выразилась в распределении материала между шестью томами "Тюремных тетрадей": первый том - "Исторический материализм и философия Бенедетто Кроче" - касался как раз в основном философских вопросов, в последующих томах содержались более конкретные вещи. Но соответствовал ли такой порядок замыслу самого Грамши? Ведь философия, с точки зрения Грамши, должна заниматься не рассуждениями о всеобщих закономерностях мира, а прежде всего критическим анализом обыденного сознания. Но вопросы сознания, обыденного или философского, не являются исходными для марксиста. И действительно, у Грамши это вопросы вторичные, подчиненные, это вопросы преобразования сознания в интересах преобра-

зования мира, и они подчинены у него теории политики, теории революции. Иначе говоря, философию он рассматривает главным образом как форму общественного сознания, имеющую определенную социальную функцию, и в такой роли она, естественно, должна фигурировать где-то в конце изложения, вместе с проблемами идеологии и культуры.

В соответствии с этим и сложилась во многих зарубежных работах о Грамши такая тенденция - выдвигать на первое место более конкретные вопросы истории, политики, теории революции, а философскую проблематику затрагивать по ходу дела или под конец. Эта тенденция стимулировалась также все возрастающим интересом именно к этой, политической части идейного наследия Грамши.

Здесь, однако, имеется трудность, на которую далеко не всегда обращается внимание. Как быть с методологической ролью философии у самого Грамши? Если в своей социально-идеологической роли философия рассматривается где-то под конец, а историческая и политическая проблематика в начале, то можно ли правильно понять эту проблематику, не учитывая диалектический подход самого Грамши к ее разработке? Можно ли считать, что это диалектический подход, свойственный всем марксистам и нам уже известный, так что нет необходимости на нем специально останавливаться? Или же надо сказать, что Грамши по-своему развил этот диалектический подход, чем и объясняется его преимущество перед многими другими марксистами? Иначе говоря, не надо ли показать, что творческий вклад Грамши заключается в том, что он не только выдвинул ряд новых понятий, обогащающих историческую науку, политологию, марксистскую теорию, но и "диалектичнее" понял их взаимоотношение друг с другом и со "старыми" понятиями? Мы полагаем, что это именно так, и будем из этого исходить.

Итак, следуя за другими грамшеведами, мы выдвинем на первое место историко-политическую проблематику и выделим в ней теорию революции, которая была самым главным для Грамши. Но в отличие от них мы предположим этой проблематике некоторые собственные философско-методологические соображения, необходимые, на наш взгляд, для ее правильного понимания. Получится, таким образом, философия в начале и философия в конце. Но в этом, мы думаем, не будет ничего страшного. В начале речь пойдет о философии, присутствующей, главным образом в скрытой форме, в рассуждениях самого Грамши, а в конце - о том, как Грамши, теперь уже эксплицитно, разрабатывал вопросы философии вообще и марксистской философии в частности и ее роли в жизни общества.

Что же специфического имеется в диалектическом подходе Грамши к разработке теории политики, теории революции? Чтобы ответить на этот вопрос, следует сначала разобраться в том, что, собственно, собой представляет такая теория. Еще в 1918г. Грамши писал: "В истории существует логика, стоящая выше случайных фактов, выше воли отдельных личностей, деятельности отдельных групп, вклада в общее дело отдельных наций. Это не значит, что воля людей, деятельность групп и вклад наций являются тщетными усилиями, бесплодными попытками... В гигантском столкновении множества исключающих или дополняющих друг друга противоположных действий жизнь неумолимо течет по линии, вытекающей из совокупности этих взаимных исключений и дополнений" [4, с.31].

Нам уже приходилось рассматривать вопрос о том, почему из перекрещивания "множества отдельных волей", как выражался Ф.Энгельс [1, т.37, с.395] возникает в конечном итоге не какая-то произвольная линия, а "логика, стоящая выше случайных фактов, выше воли отдельных личностей". Вкратце суть дела в том, что все эти человеческие действия совершаются в рамках общества, представляющего собой не механический конгломерат, а целостную систему, отдельные части которой должны соответствовать друг другу [см.47, с.14-15]. Этого вопроса касается и Грамши, рассматривая "теорему определенных пропорций" [см.17, с.95-96]. Сфере логического соответствуют и теории логического уровня, выделяющие в "чистом виде" необходимые связи и процессы.

Однако главное, что интересует Грамши, - не эта сфера логического, а сфера исторического, где взаимодействуют многообразные "молекулярные процессы" (любимое выражение Грамши), которые лишь в конечном итоге порождают нечто более или менее соответствующее общей логике истории (т.е. тому "идеальному среднему", которое в общетеоретической форме фиксируется в политической экономии и в историческом материализме). Интерес к сфере исторического у Грамши возник очень рано и был связан с его стремлением к революционному действию и с борьбой против пассивно-созерцательной позиции правого крыла социалистической партии. Действительно, в отличие от сферы логического, где фиксируются цепочки готовых объективированных результатов, абстрагированных от ведущих к ним действий, в сфере исторического речь идет как раз о человеческих действиях и о самом главном для Грамши революционном действии, - о том, как достигаются (или не достигаются) определенные результаты, от чего зави-

сит успех (или неуспех) тех или иных поступков, действенность (или бесплодность) тех или иных идей.

Есть ли в этой сфере какие-либо закономерности, которые могли бы фиксироваться теоретически? Возможна ли теория истории, как более конкретная, чем общая теория исторического материализма, но опирающаяся на нее? Возможна ли теория политики, теория революции? У Грамши нет сомнений на этот счет. "Исследование, - пишет он в "Тюремных тетрадах", - имеет два аспекта: один - логического характера, другой - исторического" [14, с.267]. Выше уже говорилось о сфере логического и теориях логического уровня. "Но, - говорит Грамши, - может быть создана теория истории и политики, ибо, хотя факты всегда индивидуальны и изменчивы в потоке исторического движения, понятия могут быть выражены в теоретической форме; иначе нельзя было бы даже знать, что такое движение или диалектика, и мы бы впали в новую форму номинализма" [14, с.158]. Правда, Грамши не употреблял выражение "теория революции", так же как и само слово "революция", а там, где нельзя было его обойти, он использовал метафорические выражения: "переворачивание практики", "великое историческое событие" и т.п. Фактически же все его размышления в "Тюремных тетрадах" прямо или косвенно были направлены именно на теоретическую разработку проблем революционного преобразования общества.

Итак, возможна теория истории и политики как теория на уровне исторического. Это следует подчеркнуть, поскольку существует ошибочное мнение, согласно которому теория разрабатывается лишь на логическом уровне (т.е. в "чистом виде", с исключением зигзагов, случайностей и т.д.). Но теория на уровне исторического - теория политики, теория революции - существенно отличается от теории логического уровня. Чтобы это увидеть, достаточно обратиться к соответствующим разработкам Маркса, Энгельса, Ленина, на которые опирался и которые развивал Антонио Грамши.

В самом деле, теория революции говорит об объективных и субъективных предпосылках революции, о революционной ситуации, о движущих силах, путях и формах революционного процесса и т.д. И какой бы из этих вопросов мы ни взяли, везде обнаруживается многовариантность, альтернативность, зигзагообразность, вероятностный характер и тому подобные признаки, характеризующие процессы, в которых необходимое и случайное, общее и особенное, объективное и субъективное не отделены друг от друга. Так, революционная ситуация может привести или не привести к революции (и во втором случае она окажется своеобразным "зиг-

загом"), движущие силы в разных революциях (даже однотипных) складываются по-разному, революция может осуществиться вооруженным или мирным путем, победа революции заранее не гарантируется, она может быть лишь более или менее вероятной (как и ее поражение) и т.д. [см. 46, с. 112-113]¹. И тем не менее мы говорим о *теории* революции, поскольку здесь не просто констатируются разные возможности, но выявляются условия, при которых та или иная возможность осуществится (или, точнее, будет иметь наибольшую вероятность осуществления), а значит, вскрываются определенные закономерные связи, делаются обобщения, даются объяснения (например, почему одна революция победила, а другая потерпела поражение).

А самое главное - такая теория на уровне исторического непосредственно переходит в практику, содержит практические указания для действий. Так, если одним из важнейших условий победы социалистической революции является союз пролетариата с другими слоями трудящихся, то, следовательно, необходимо бороться за осуществление такого союза. Подчеркнем здесь, что такие непосредственно практические выводы нельзя делать из теорий логического уровня.

Теперь мы можем вернуться к поставленному выше вопросу о специфике диалектического подхода Грамши при разработке теории революции. Нетрудно заметить, что диалектика на уровне логического и на уровне исторического не может быть идентичной. Если теория логического уровня абстрагируется от случайностей, от субъективного фактора, от внешних обстоятельств и т.п., то, естественно, в ней не может быть речи о диалектических взаимодействиях, взаимопроникновении, взаимопереходах необходимого и случайного, объективного и субъективного, внутреннего и внешнего и т.д. Необходимое здесь только необходимо, объективное только объективно, материальное жестко отделено от духовного, базис - от надстройки (именно при таком условии можно выявить логический ход истории). Конечно, здесь говорится о противоречиях как источниках развития, о переходе количества в качество и других диалектических моментах. Однако все это рассматривается лишь с точки зрения осуществляющихся в конечном итоге результатов: противоречие обязательно разрешается победой прогрессивной стороны, нарастающее количество обязательно переходит в новое качество и т.д.

¹Заметим, что все это относится не только к "классическим" революциям, но и к любым коренным изменениям революционного характера, таким, например, как наша перестройка.

Иначе обстоит дело на уровне исторического, и, в частности в теории революции. В определенном смысле здесь "все наоборот": вместо абстрагирования и жесткого отделения отдельных сфер общества друг от друга – акцент на их взаимодействие и взаимопроникновение, вместо рассмотрения обязательных (в логическом смысле) результатов – исследование весьма неоднозначных процессов, в ходе которых (в историческом плане, на том или ином этапе) могут победить и реакционные силы, а количество может и не перейти в новое качество из-за наличия определенных препятствий. Здесь изучаются факторы ускорения и замедления развития, его неравномерность и многолинейность, "наложение" различных процессов друг на друга, возможные "перестановки" тех или иных этапов и т.д. Короче, диалектика на историческом уровне гораздо более сложна и этой своей сложностью отрицает относительную простоту диалектики на уровне логического (в конечном же итоге это отрицание снимается единством двух форм диалектики).

Отдельные элементы этой исторической диалектики можно проследить по работам Маркса и Энгельса. Можно показать их значительное нарастание в работах Ленина. Что же касается Грамши, то у него резко усиливается акцент на историческую диалектику на концептуальном, теоретическом уровне. Опираясь на то, что уже было сделано его предшественниками, анализируя и обобщая накопленный практический опыт, он стремится выработать ряд новых понятий (исторический блок, гегемония и др.), носящих более конкретный и изменчивый характер, чем традиционные понятия исторического материализма (формация, базис, надстройка и др.), он хочет придать также большую гибкость традиционным понятиям и соответственно осмыслить те более сложные, неоднозначные, вариативные связи и процессы, которые характерны для диалектики исторического уровня. Делая акцент на историческое, Грамши не игнорирует уровень логического, где фиксируется общий ход истории. Но этот последний его интересует в основном лишь постольку, поскольку он складывается из исторического. Как это происходит, как достигается успех в исторических преобразованиях – такова главная проблема Грамши.

§ 2. Концепция власти и гегемонии

Мы уже видели, что отдельные положения теории революции и притом с акцентом на их диалектическое понимание начали разрабатываться у Грамши задолго до "Тюремных тетрадей". Все эти положения не только сохраняются, но и развиваются дальше в

"Тюремных тетрадах". К тому же и некоторые специфические для них понятия и идеи, такие, как гегемония, как специфика революции в разных странах, появляются в зародышевой форме еще в первой половине 20-х годов. И мы уже говорили о тесной связи с проблематикой "Тюремных тетрадей" работы Грамши "Некоторые аспекты южного вопроса", написанной незадолго до его ареста.

Все это следует подчеркнуть, поскольку у некоторых современных исследователей проявляется тенденция оторвать и даже противопоставить друг другу разные периоды творчества Грамши, как будто в период "Тюремных тетрадей" он настолько изменился, что прямо отрицал свои прежние позиции. Мы постараемся показать, как в "Тюремных тетрадах" углубляется тот же диалектический подход, который наметился значительно раньше и который во многом объединял Грамши с Лениным. Но в то же время надо будет показать и значительный шаг вперед, осуществленный Грамши в последний, наиболее плодотворный период его творческой деятельности.

Что же послужило непосредственным толчком для этого нового творческого подъема, который ярко отразился в "Тюремных тетрадах"? Размышление над причинами победы революции в России и поражения революции на Западе? Поиск путей борьбы с фашизмом и возможностей революции в Италии? Стремление осмыслить общий ход мирового развития? Теоретический спор с Кроче и Бухариным? Разные мнения существуют на этот счет в современной литературе. Но, по-видимому, действовали в той или иной мере все эти стимулы, а главным образом — их слияние в такой комплекс проблем, в котором успешное решение одной проблемы должно было сказаться на успешной разработке другой.

Итак, главный вопрос революции — это вопрос о власти. Для того, чтобы выявить причины победы или поражения революции, найти новые пути революционной стратегии в специфических условиях фашизма, необходимо прежде всего разобраться в следующем: на чем держится власть того или иного класса, в чем ее сила и в чем ее слабости? Обычный ответ марксистов на этот вопрос сводится к указанию на государство как на орган, с помощью которого господствующий класс навязывает свою волю другим классам и в целом всему обществу. Традиционно марксисты настаивали на насильственном характере власти и ее классовом содержании, поскольку им все время приходилось бороться с буржуазной апологетикой государства, представляющей его как "надклассовый орган", заботящийся об общем интересе и, стало быть, в принципе не нуждающийся в насилии (органы насилия — лишь против "отдельных" нарушителей законов).

По-видимому, прежде всего именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что марксисты почти не обращали внимания на то, на что обратил внимание Грамши: власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии, не только на принуждении, но и на убеждении. Конечно, можно сказать, что это не такая уж новая мысль. У буржуазных теоретиков она встречается еще со времен Макиавелли. Сила и согласие — это две стороны "макиавеллиевского кентавра", отмечает Грамши [см.3, с.158]. Да и марксистам в общем-то было ясно, что на одном насилии далеко не уедешь. Тем не менее само понятие "согласие" не употреблялось в марксистской литературе и тем более не разрабатывался вопрос о насилии и согласии как двух опорах классового господства.

Грамши же с самого начала "Тюремных тетрадей" выдвигает этот вопрос как "методологический критерий", которым надо руководствоваться в историко-политических исследованиях. Главенство социальной группы, пишет он, проявляется в двух формах — в форме "господства" и в форме "духовного и нравственного руководства". "Социальная группа является господствующей по отношению к враждебным ей группам, которые она стремится «ликвидировать» или подчинить себе, в частности также вооруженной силой, и она является руководящей по отношению к родственным или союзным ей группам" [4, с.330]. Заметим, что высказывание Грамши здесь приводится во второй, расширенной и измененной редакции, а в первоначальном тексте, фигурировавшем в тетради № 1 (где Грамши еще не применял усиленной маскировки марксистских терминов), вместо "социальной группы" стояло повсюду слово "класс" [см.20, с.41]. Таким образом, речь тут идет об отношениях между классами и о классовом господстве. Но само слово "господство" используется в более узком смысле — как господство насильственными средствами в отличие от "руководства", осуществляющегося через добровольное согласие.

Итак, "методологический критерий" указывает на два типа отношений между классами — насильственное подчинение и руководство на основе согласия. Но такое методологическое разграничение — лишь самый первый шаг исследования. Главное для Грамши — выявить взаимосвязь и динамику этих двух типов отношений. Первый вопрос здесь таков: как меняются эти отношения до и после завоевания власти новым господствующим классом? Грамши пишет: "Социальная группа (т.е. класс. — М.Г.) может и должна выступать как руководящая сила еще до завоевания государственной власти (в этом заключается одно из основных условий самого завоевания власти). Впоследствии, когда, овладев властью и креп-

ко держа ее в руках, эта группа становится господствующей, она в то же время должна по-прежнему оставаться "руководящей"» [4, с.330].

Нетрудно увидеть в этом рассуждении нечто знакомое. Речь идет о классовом союзе (где один из классов – руководящий), создающемся до завоевания власти и сохраняющемся после этого. Точнее говоря, этот союз *должен* быть создан до завоевания власти, ибо без этого власть не будет завоевана, и он *должен* быть сохранен, ибо без этого власть может быть утрачена. Мы подчеркиваем два раза "должен", поскольку это, во-первых, подразумевает наличие и другой возможности, т.е. альтернативность, и, во-вторых, содержит прямое указание для практики. Надо ориентироваться на создание и сохранение классового союза, в котором один класс является руководящим, а другой – руководимым. Так начинается у Грамши разработка теории революции, которая, как мы уже знаем, строится на уровне исторического.

Грамши делает вышеприведенные обобщающие выводы на основе анализа классовой борьбы, происходившей во время так называемого Рисорджименто – процесса освобождения и объединения Италии в период с конца XVIII в. по 1870 г., сочетавшегося с буржуазно-демократическими преобразованиями. Как справедливо отмечает И.В.Григорьева, "Рисорджименто становится как бы моделью, на которой Грамши изучает проблемы политической стратегии..." [51, с.221]. Однако можно не сомневаться, что, делая свои выводы в общетеоретической форме, он имел в виду не только буржуазно-демократическую, сколько социалистическую революцию и опирался при этом не только на опыт Рисорджименто, но и на опыт Октябрьской революции и его осмысление В.И.Лениным. Достаточно вспомнить разработку Лениным идеи союза пролетариата с крестьянством и его настаивание на необходимости сохранения этого союза после революции, как обязательного условия строительства социализма.

Конечно, главным для Грамши было осмысление предреволюционного периода. Но не забудем о его диалектическом подходе, о его выступлении против разделения революции на два этапа, против жесткого разграничения разрушительных и созидательных задач. То, что будет после революционного захвата власти, во многом зависит от того, как складывалась его подготовка. А это значит, что уже во время подготовки революции надо иметь в виду задачи, которые будут решаться после нее. Иначе говоря, необходимо рассматривать до- и послереволюционный период как единое целое. И как раз объединяющим моментом этих двух поло-

винок является прежде всего классовый союз, в котором один из классов играет ведущую роль, т.е. осуществляет гегемонию.

В дальнейшем Грамши обозначает всю проблематику классовых союзов понятием "гегемония", так что не без основания многие исследователи говорят о "концепции гегемонии" у Грамши. Он не употребляет из конспиративных соображений выражение "классовый союз", но, по-видимому, слово "гегемония" не просто заменяет это выражение, но указывает на особое внимание к характеристике самих отношений между классами. Гегемония это отношение ведущего класса к ведомому (или к ведомым), отношение по сути дела политическое, поскольку здесь преследуются политические цели, но обязательно включающее в себя идейные и моральные факторы: влияние определенной идеологии, мировоззрения, авторитет, престиж и т.п. Все это факторы надстроечного порядка. Однако Грамши не забывает, что гегемоном может стать лишь класс, играющий решающую роль (или борющийся за такую роль) в экономической сфере. Поэтому он подчеркивает, что "гегемония, будучи этико-политической, не может также не быть экономической" [17, с.37. Ср.3, т.3, с.149]. Укорененность гегемонии в экономике важно отметить, поскольку существуют интерпретации, сводящие гегемонию целиком к надстроечному явлению и нацеленные на сближение взглядов Грамши с идеалистическим пониманием общественного развития.

Однако наличие экономической основы для гегемонии определенного класса вовсе не означает, что эта гегемония тем самым ему автоматически гарантирована. Известный английский историк-марксист Эрик Хобсбаум по этому поводу пишет: "Новым у Грамши является замечание, что даже буржуазная гегемония не автоматична, но достигается через сознательное политическое действие и организацию" [196, с.209]. Действительно, здесь мы находимся в сфере исторического, где существует альтернативность и определенный результат может достигаться или не достигаться.

А что если гегемония определенного класса в той или иной стране не достигается или достигается не полностью? Вопрос не чисто теоретический, поскольку такая ситуация как раз сложилась в Италии в период ее перехода от феодализма к капитализму. Для Грамши эта ситуация чрезвычайно интересна: с одной стороны, здесь можно выявить некоторые общие закономерности перехода от одного строя к другому, а с другой, — можно попытаться объяснить некоторые существенные особенности исторического развития Италии, которые так или иначе сказались на ее современном состоянии.

Как известно, Италия – страна, в которой раньше всех, еще в XIII веке начал развиваться капитализм. Но потом прогресс сменился упадком и передовая Италия превратилась в отсталую, находящуюся на периферии капиталистически развитой Европы. Историки обычно связывали этот факт с сохранившейся феодальной раздробленностью и иностранным завоеванием. Но не являются ли эти обстоятельства скорее следствием, чем причиной? Грамши отвечает на этот вопрос, исследуя складывавшиеся в Италии отношения между классами – прежде всего с точки зрения проблемы гегемонии, которая, по выражению Лучано Группи, проходит "красной нитью" во всех его анализах, являясь "ключом" для понимания истории [190, с.84,104]. Для того чтобы укрепиться и развиваться дальше, молодой капитализм должен был вступить в борьбу с господствующими феодальными отношениями на политическом, государственном уровне. Такая тенденция действительно наблюдалась: в Италии возникли городские республики-коммуны, где молодая буржуазия начала осуществлять политическую власть. Но главное для буржуазии заключалось в том, чтобы покончить с феодальной раздробленностью, объединить государство, сломив власть феодалов не только в городе, но и в деревне. Эту задачу можно было решить, во-первых, лишь при поддержке народных и прежде всего крестьянских масс и, во-вторых, при условии, что сама буржуазия, преодолев свои "местнические" тенденции, осознает себя как единый класс, отстаивающий не только свои собственные, но и общенациональные интересы. Оба эти условия представляют собой, по Грамши, не что иное, как две взаимосвязанных стороны гегемонии, можно сказать, горизонтальную – классовый союз под руководством одного класса и вертикальную – возвышение этого класса до общенационального, государственного уровня. Действительно, без такого возвышения буржуазия не могла рассчитывать на поддержку других классов, а без такой поддержки она не могла завершить свое возвышение завоеванием государственной власти.

Почему же итальянская буржуазия в тот период не смогла решить эту задачу? Почему она остановилась на полпути, осталась, как говорит Грамши, на "экономико-корпоративной" стадии [3, т.3, 116] и, не сумев создать "национально-народной коллективной воли", стала затем деградировать? В общем тут целый комплекс причин. Но среди них Грамши особо выделяет специфическую, исторически сложившуюся роль итальянской интеллигенции. Как мы уже видели по работе "Некоторые аспекты южного вопроса", интеллигенция, производя и распространяя определенную идеологию, цементирует классовый союз, связывает между собой верхи и ни-

зы. Класс, претендующий на гегемонию, не может обойтись без соответствующей идеологии и, следовательно, без интеллигентов-идеологов, которые помогают ему осознать себя и осознать свою общенациональную миссию. Казалось бы, в Италии как раз в период перехода от феодализма к капитализму интеллигенция развивалась как нигде: достаточно вспомнить великих ученых, философов, художников, поэтов эпохи Возрождения. Однако Грамши, опираясь, в частности, на концепцию Франческо Де Санктиса и его последователей, предлагает другой взгляд на ту блестящую эпоху. Эта интеллигенция была элитой, ориентированной не на итальянскую, а на общеевропейскую культуру. Она была не национальной, а космополитической. Для развития европейской культуры она сделала действительно очень много, причем не только в Италии, но и в других странах (Грамши специально исследовал деятельность итальянских интеллигентов-эмигрантов). Но в самой Италии она не только не способствовала преодолению разрыва между верхами и низами, но даже обострила его. Интеллектуальная элита и народ говорили даже на разных языках. Грамши связывает эти явления с космополитической ролью римско-католической церкви и с отсутствием Реформации в Италии. А их исторические корни он прослеживает вплоть до времен Римской империи.

Конечно, и в Италии были люди, в той или иной мере осознавшие необходимость решения общенациональных задач и прилагавшие для этого определенные усилия. Таковым, в частности, был Никколо Макиавелли (1469–1527). Грамши чрезвычайно интересовался всей деятельностью этого выдающегося политика и мыслителя и даже подумывал о том, чтобы написать книгу, похожую по форме на его главное произведение "Государь". Четко отделяя его от явления, получившего название макиавеллизм, Грамши ценил Макиавелли как первого, по существу, теоретика политики, сумевшего к тому же придать своим теоретическим взглядам живую форму "конкретной фантазии, воздействующей на разобщенный и распыленный народ, чтобы пробудить в нем и организовать коллективную волю" [3, т.3, с.112]. Вдохновляясь примерами Франции и Испании, где были созданы абсолютные монархии, Макиавелли искал пути к объединению Италии в единое государство. Его усилия не увенчались успехом. Тем не менее он продемонстрировал, хотя бы в зародыше, альтернативу, в какой-то мере предвосхитившую деятельность якобинцев в Великой французской революции [подробнее см.59, с.251].

Вот это как раз чрезвычайно важно для Грамши. Разработка теории истории, и в частности проблематики революции как отно-

сительно длительного периода перехода от одной общественной формации к другой ведется, как мы уже знаем, на уровне исторического, где существуют зигзаги и альтернативы, успехи и неудачи. Задача исследователя, работающего с конкретным историческим материалом, по Грамши, — не только зафиксировать факты, но и выявить нереализовавшиеся возможности и объяснить, почему они не реализовались. Такой подход к истории сродни подходу политика к современной действительности, в которой он ищет и стремится реализовать те или иные возможности (недаром говорят, что политика — это "искусство возможного"). Поэтому Грамши выдвигает тезис о "тождестве истории и политики" [14, с.268].

Возможное здесь возражение (которое действительно выдвигалось некоторыми историками) заключается в том, что нет смысла рассуждать о том, что могло бы случиться, если бы не было того, что было. Но не забудем, что Грамши тут выступает не просто как историк, а как теоретик, строящий теорию на уровне исторического. Отдельная страна для него лишь один из возможных вариантов. Данную страну он все время сопоставляет с другими и обнаруживает там другие варианты. Но эти другие варианты присутствуют и в данной стране — в виде нереализовавшихся возможностей, т.е. таких возможностей, для реализации которых у их сторонников не хватило сил (таков пример Макиавелли). Следовательно, речь тут идет не о сугубо специфических особенностях развития той или иной страны, а об определенных закономерностях, носящих вероятностный характер. Вопрос о реализации тех или иных вариантов развития решается меняющимся соотношением сил. При этом с точки зрения прогрессивного развития варианты неравноценны. Оптимальный вариант, по Грамши, — это осуществление гегемонии, каковое произошло во Франции в период революции 1789-1793 гг. В Италии же гегемония буржуазии не осуществилась, вследствие чего в этой стране в течение нескольких веков существовала "экономико-корпоративная" ситуация, которую Грамши характеризует как худшую форму феодального общества, форму наименее прогрессивную и наиболее застойную.

Следующий этап борьбы итальянской буржуазии за власть — это уже упоминавшееся Рисорджименто. Грамши подчеркивает, что толчком к нему послужило изменение внешнеполитической ситуации и прежде всего Великая французская революция, произошедшая в конце XVIII в. И это тоже один из характерных моментов исследования на уровне исторического. Меняющееся соотношение сил в той или иной стране складывается из многих факторов, среди которых присутствует и воздействие извне. Поэтому не забывать

международный контекст и его меняющееся воздействие на страну — одно из основных методологических требований Грамши. Это воздействие может нарушить сложившееся равновесие сил внутри страны, в какой-то мере компенсируя слабость тех или иных внутренних факторов. Так и произошло в Италии, когда в конце XVIII в. под влиянием французской революции там началась борьба за буржуазно-демократические преобразования. Созданная в 1799 г. в Неаполе так называемая Партенопейская республика вскоре потерпела поражение. Но толчок был дан, и борьба за национальную независимость и освобождение от феодальных пут стала разворачиваться все активнее. Карбонарии, Гарибальди, Мадзини — кто не помнит эти славные имена итальянской истории!

Однако не романтика революционной борьбы в период Рисорджименто интересует Грамши, а ее реальные результаты, оказавшиеся довольно скромными. Буржуазно-демократические преобразования должны были в конце концов осуществиться в Италии. Но в какой степени, в какой форме? Почему борьба за объединение и свободу привела к установлению в Италии монархии, хотя и исторически прогрессивной, но весьма мало демократичной?

Отвечая на этот вопрос, Грамши анализирует деятельность и взаимоотношение двух основных сил — партии действия во главе с радикально настроенными Мадзини и Гарибальди и партии умеренных во главе с графом Кавуром. Речь опять-таки идет о гегемонии, на этот раз на уровне партий, но за которыми, разумеется, стояли определенные классы и слои итальянского общества. Опять перед нами альтернатива: осуществится ли в полной мере гегемония буржуазии, т.е. ее союз с крестьянскими массами в борьбе за кардинальное решение общенациональных задач, или же дело ограничится компромиссом буржуазии с феодалами и, следовательно, какой-то зачаточной или неполной формой ее гегемонии? Победил, как известно, второй путь, за который выступала партия умеренных. Объяснение причин этой победы у Грамши чрезвычайно любопытно. Он обращает внимание на то, что партия действия, которая должна была для реализации своих целей поднять на борьбу крестьянство, не только этого не сделала, но даже не осознала этой своей задачи, не включила в свою программу требование аграрной реформы. Напротив, Кавур и умеренные не только хорошо осознали свою задачу, но даже задачу своих соперников из партии действия поняли лучше, чем они сами. В результате они начали осуществлять своеобразную интеллектуальную гегемонию по отношению к партии действия. Они стали центром притяжения для интеллигенции и даже стали перетягивать на свою сторону левых интеллигентов из партии действия, лишая ее интеллек-

туальной верхушки (это тот трансформизм, о котором упоминалось в I-й главе). Обессиленная партия действия оказалась в фактическом подчинении у партии умеренных и не смогла повлиять на дальнейший ход истории.

Значит ли это, что иные руководители партии действия смогли бы изменить ход итальянской истории, направив ее в подлинно революционное русло, как это сделали французские якобинцы? Отнюдь нет. Их программные установки были делом не только их личных качеств. "Если в Италии не сформировалась якобинская партия, - пишет Грамши, - то причины того следует искать в сфере экономики, т.е. в относительной слабости итальянской буржуазии и в изменившемся после 1815 г. историческом климате в Европе" [4, с.348]. И все же, хотя итальянская буржуазия в целом не хотела идти на союз с народными, т.е. с крестьянскими массами, и якобинский вариант был, следовательно, исключен, определенная альтернатива в Италии существовала. Партия действия могла бы "придать Рисорджименто более отчетливый народный и демократический характер (большого, вероятно, она не смогла бы достигнуть при тех предпосылках, которые лежали в основе самого движения)". Для этого "ей следовало бы противопоставить "эмпирической" деятельности умеренных... органическую правительственную программу, которая отразила бы важнейшие требования народных масс, в первую очередь крестьян: "спонтанному" притяжению, осуществлявшемуся умеренными, следовало бы противопоставить "организованное" в соответствии с определенным планом сопротивление и контрнаступление" [4, с.332].

Отсюда становится понятным, почему Грамши из комплекса объективных и субъективных причин, объясняющих успех или неудачу того или иного варианта развития, специально выделяет причины субъективного характера - сознание, идеологию, организацию и их главных носителей - интеллигенцию и партии. Ведь именно действием этих субъективных причин определяется реальная альтернатива - то, что зависит от самого человека и могло бы сложиться так или иначе. Можно отметить, что, разрабатывая теорию истории, Грамши выделяет два типа альтернатив или вариантов развития - реально осуществимые и реально не осуществимые в данной стране в данный момент (но осуществляющиеся или могущие осуществиться в других странах или в другие периоды). Так, имея в виду аграрную реформу в Италии, он говорит, что это "могло" произойти, поскольку ощущалась потребность в такой реформе. Но слово "могло" он ставит в кавычки, давая понять тем самым, что возможность эта абстрактная [см.3, т.3, с.338. Ср.16, с.80]. На самом деле сложившаяся ситуация, соотношение

сил были таковы, что в данный момент это произойти не могло. Но более демократическим процесс буржуазных преобразований в Италии вполне мог бы стать. Это была реальная возможность, во многом зависевшая от поведения партии действия.

То, что реально произошло в Италии, а именно создание на основе взаимного компромисса аграрно-промышленного блока, т.е. союза крупной буржуазии Севера и феодалов Юга, определило весь дальнейший ход итальянской истории. Объединив Италию в территориальном и государственном отношении, буржуазия не объединила ее в социальном плане. Такой переход к буржуазному строю, осуществленный без активной поддержки широких (главным образом крестьянских) масс, Грамши называет "пассивной революцией" [4, с.330]. Гегемония буржуазии оказалась половинчатой, ущербной, что обусловило слабость ее власти. Созданное буржуазией либеральное государство не пользовалось поддержкой не только народных масс, но даже и католической церкви (у которой были на то свои причины). Неудивительно, что такому государству то и дело приходилось прибегать к совсем не либеральным, жестким, диктаторским мерам правления. Иначе говоря, создалось весьма неустойчивое равновесие двух опор власти — согласия и насилия. Когда же государство подверглось дополнительной угрозе со стороны рабочего класса, господствующий класс предпочел вообще отказаться от демократических форм правления и перешел к открытому насильственной фашистской диктатуре.

Так Грамши приходит к объяснению феномена фашизма. Этот феномен, который таким либеральным идеологам, как Кроче, представлялся какой-то непонятной аномалией, являлся, по Грамши, продолжением тенденций, заложенных в самом либеральном государстве еще при его создании. Суть дела именно в неполноте гегемонии итальянской буржуазии, которую и призван был компенсировать фашизм, мобилизовавший на поддержку ее строя мелкобуржуазную массу. Сопоставляя процесс захвата власти буржуазией во Франции, в Англии, Германии и Италии, Грамши отмечает сходство его в двух последних странах (см.4,348-349). Действительно, и в Германии буржуазия пошла на компромисс с феодальными землевладельцами, и там имела место "пассивная революция", или "революция сверху", и гегемония буржуазии была половинчатой. Приход к власти фашизма в Германии имел, по-видимому, такие же исторические корни, как и в Италии. Но значит ли это, что там и здесь он был неизбежным? Зная способ рассуждения Грамши (на уровне исторического!), мы теперь заранее можем сказать, как он отвечал на этот вопрос. Фашизм один из возможных вариантов, который лишь в определенных условиях становится наиболее

возможным (вспомним альтернативу – победа рабочего класса или реакция, – о которой Грамши говорил еще в 1920 г.).

Здесь стоит упомянуть некоторые соображения о фашизме, высказанные греческим философом Никосом Пулантзасом, во многом опиравшимся на Грамши (а также на французского марксиста Луи Альтюсера). В своей книге "Фашизм и диктатура" он отмечает, что как в Италии, так и в Германии приходу к власти фашизма предшествовал процесс фашизации, который лишь с определенного момента стал необратимым [см. 242, с. 114–123, 144–151]. Вообще же этот процесс был вызван утратой "гегемониальной способности" правящей верхушки и изменением соотношения классовых сил на всех уровнях – экономическом, политическом и идеологическом. Его нельзя, подчеркивает Пулантзас, объяснить одной только экономической эволюцией [см. 242, с. 37–42].

Со своей стороны, советский историк-итальянист Б.Р. Лопухов, говоря о слабом сопротивлении фашизму не только рабочего класса, но и либерально-демократических слоев итальянской буржуазии, отмечает "особенно большой разрыв между реальными историческими условиями и сознанием людей" [78, с. 60]. В той или иной мере все тогдашние или будущие противники фашизма ошибались в оценке ситуации, недооценивали фашистскую опасность, вследствие чего не был создан единый блок антифашистских сил, который мог бы преградить дорогу фашизму [см. 76, с. 122].

Невольно напрашивается параллель с тем, что происходило в эпоху Рисорджименто, когда демократические силы тоже не осознали свою задачу, не организовали широкий народный союз, вследствие чего в Италии осуществился далеко не лучший вариант перехода к буржуазному строю. И если Грамши действительно рассматривал Рисорджименто как теоретическую модель, то он, по всей вероятности, имел в виду эту параллель и делал свои выводы в расчете на современность. Выявить допущенные ошибки Грамши было нужно, разумеется, не для того, чтобы вздыхать и сожалеть об упущенных возможностях, а чтобы извлечь уроки и сформулировать определенные закономерности, учет которых необходим для успеха революционной стратегии. Опять-таки "пессимизм ума – оптимизм воли"!

Какие же выводы делает Грамши из своих исторических исследований? Как мы уже знаем, класс, стремящийся к господству, должен опираться на классовый союз, играя в нем ведущую роль, т.е. осуществляя гегемонию. Степень широты и полноты гегемонии зависит от складывающегося соотношения классовых сил. Но это соотношение не есть фактор чисто объективный. В нем можно выделить разные ступени – от самой объективной до наиболее субъек-

ективной. Установление гегемонии и степень ее полноты как раз и зависят от возвышения класса (или какой-то его части) до высшей, субъективной ступени - субъективной не в смысле классового субъективизма, а наоборот, в смысле осознания себя как субъекта общенационального процесса. Вот как сам Грамши формулирует эти общетеоретические выводы, имеющие большое значение не только для теории революции, а и для теории истории и политики вообще.

В соотношении сил выделяются следующие основные ступени, или моменты: 1) Соотношение социальных сил, непосредственно связанное с экономическим базисом. Оно объективно, независимо от воли людей и может быть измерено "с естественнонаучной точностью". Речь идет о "социальных группировках", складывающихся на основе развития материальных производительных сил и занимающих определенное место в самом производстве. В стране имеется столько-то городов с таким-то населением, столько-то предприятий с таким-то количеством занятых на них людей и т.д. [см.3, т.3, с.166. Ср.17, с.55].

2) Соотношение политических сил, т.е. оценка степени однородности, самосознания и организации, достигнутой различными социальными группами. Это соотношение в свою очередь подразделяется на различные ступени, соответствующие различным уровням коллективного политического сознания. Первый, самый элементарный уровень, - экономико-корпоративный. Т.е. единство осознается на уровне профессиональной группы, но не на уровне класса. Второй уровень - это уровень осознания общности интересов всех членов класса. Вопрос о государстве здесь уже ставится, но лишь в плане достижения политико-юридического равенства с господствующим классом. Выдвигаемые требования реформ остаются в рамках существующей системы. Наконец, третий - это уровень, на котором осознается, что собственные интересы в ходе развития должны выйти за корпоративные рамки одного класса и стать интересами других классов. Это уже собственно политическая фаза, когда происходит явный переход от базиса к сложной сфере надстроек и когда зародившиеся ранее идеологии вступают в решительную борьбу, в результате которой одна из них побеждает и, распространившись на всю социальную сферу, формирует ее единство не только в экономическом и политическом, но и в интеллектуальном и моральном отношении. При этом все вопросы, по которым идет борьба, ставятся не в "корпоративном" (т.е. с точки зрения узкоклассовых интересов одного класса), а во "всеобщем" плане. Так создается гегемония одного класса по отношению к ряду других [см.3, т.3, с.167. Ср.17, с.56-57].

Выделив эти закономерности борьбы за гегемонию, Грамши подчеркивает, что реальная картина в той или иной конкретной стране значительно более сложна. Здесь надо учитывать территориальные и другие различия (в отдельных областях страны соотношение сил может находиться на разных уровнях), вследствие чего возникают разнообразные национальные комбинации в соотношении классовых сил. "Действительно, - пишет Грамши, - понятие "национального" (в итальянском оригинале: "национальное" отношение. - М.Г.) является результатом "оригинальной", единственной (в известном смысле) комбинации, которая должна быть понята и осмыслена во всей своей оригинальности и неповторимости, если хотят овладеть и руководить ею. Конечно, развитие идет к интернационализму, но отправной пункт является "национальным", и от этого отправного пункта и нужно исходить" [3, т.3, с.235, Ср.17, с.142].

Это высказывание Грамши часто цитируется в современной литературе, ибо в нем видят - и не без основания - начало разработки проблематики специфических, "национальных" путей к социализму. Оно действительно имеет не только общетеоретический смысл, но и прямо обращено к пролетариату, как и другие соображения насчет соотношения сил и его разных ступеней и уровней. Это рабочий класс должен завоевать гегемонию, а для этого, учитывая уроки прошлого, он должен прежде всего преодолеть свою собственную экономико-корпоративную узость и возвыситься до подлинно политического, общенационального уровня (такое возвышение от подчиненного до руководящего класса Грамши называет "катарсисом").

Однако создание классового союза, завоевание гегемонии на основе согласия еще не означает завоевания власти, поскольку остается проблема соотношения сил с классовым противником. И здесь уже вопрос решается не согласием, а принуждением (вспомним "методологический критерий" Грамши насчет двух форм классовых отношений и двух опор власти). Этой стороне дела Грамши посвящает третий пункт своего анализа соотношений сил.

3) "Третий момент - это соотношение военных сил, являющееся в определенных случаях непосредственно решающим", - пишет Грамши [17, с.57. Ср.3, т.3, с.168]. Надо сказать, что этот третий пункт выглядит при первом чтении довольно загадочным и он не раз сбивал с толку читателей и исследователей. Грамши иллюстрирует его примером национально-освободительной борьбы, в частности в период Рисорджименто, и можно подумать, что речь тут идет уже не о классовой борьбе за власть, а о войнах между различными нациями. Поэтому нередко, излагая взгляды Грамши,

исследователи ограничивались первыми двумя пунктами, опуская или лишь бегло упоминая третий. Между тем пренебрежение этим третьим пунктом совершенно искажает всю развернутую в этих трех пунктах концепцию революционной стратегии. В самом деле, есть объективные условия для революционного преобразования – это первый пункт. Есть привлечение союзников и подготовка масс к революции на основе гегемонии одного класса – это второй пункт. А где же сама революция? Где, собственно, непосредственная борьба с противником, приводящая к завоеванию власти? Понятно, что в условиях тюремной цензуры Грамши не мог говорить об этом открыто. Но и не сказать об этом было нельзя.

Здесь мы можем обратиться к сообщениям его товарищей по заключению, согласно которым в то самое время, как Грамши писал эту часть "Тюремных тетрадей", он беседовал с ними относительно "военной проблемы и партии" и говорил следующее (по докладу, направленному руководству компартии Атосом Лиза): "Насильственный захват власти предполагает для партии пролетариата создание организации военного типа ... Пролетарская революция ... связана с изменением соотношения военных сил в пользу рабочего класса. Но под соотношением военных сил следует понимать не только лишь факт наличия оружия и военных отрядов, но и возможность для партии парализовать основные нервные узлы государственного аппарата. Например, всеобщая забастовка сдвигает соотношение военных сил в пользу трудящегося класса" [213, с.84-85].

Таким образом, сам Грамши дает нам ключ к правильному прочтению третьего пункта. Речь здесь действительно идет о непосредственной борьбе за государственную власть, направленной на замену одного господствующего класса другим. В соответствии с концепцией революции, принятой в III Интернационале, и учитывая специфику фашистской диктатуры в Италии Грамши считал неизбежной вооруженную борьбу за власть². Но, как мы видим, он не ограничивал ее средства применением оружия и предлагал расширенное понимание "военных сил" (с таким расширением понятий у Грамши мы еще встретимся). В связи с этим в своем третьем пункте Грамши выделял два вида соотношения военных сил – собственно военное, или технико-военное, и политико-военное. Второе означает такие политические действия, которые непосредственно ослабляют военные силы противника.

Здесь, однако, нельзя не сказать о том, как соотносится эта

²Антифашистское движение сопротивления в Италии в 1943-1945 гг. и явилось таковой вооруженной борьбой, приведшей к смене власти.

концепция Грамши с ее современными интерпретациями в свете нынешних представлений о качественном преобразовании общества. Как известно, не только социалистические, но и большинство коммунистических партий Запада ориентируются теперь на мирный, постепенный переход к социализму, исключая вооруженное восстание и диктатуру пролетариата. В этой переориентации сыграли свою роль многие факторы и в том числе определенным образом интерпретированное и развитое идейное наследие Грамши. В самом деле, кто как не Грамши разработал проблематику руководства на основе согласия, распространения этого согласия на самые широкие слои населения, что сводило к минимуму применение насильственных средств. Некоторые социалистические теоретики сделали даже отсюда вывод, что можно вообще обойтись без насилия, распространив этико-политическую гегемонию рабочего класса на все общество. Коммунисты возражали, что в буржуазном обществе гегемония пролетариата не может стать полной и что трудно рассчитывать на добровольный отказ от власти господствующего класса [см.283]. Фактически же произошло сближение позиций коммунистов и социалистов: выступая на словах одни за насилие (в невооруженной форме), а другие - против, на деле и те и другие признавали и применяли не только средства убеждения, но и принуждения (забастовки и другие способы давления). Но это как раз соответствует самой сути концепции Грамши, его "методологическому критерию". Сам Грамши не раз подчеркивал, что сила и согласие, принуждение и убеждение могут выражаться в самых разнообразных формах. А его расширенное понимание "военных сил" (учитывая также метафорический характер его военной терминологии) прямо открывало дорогу для современных интерпретаций и модификаций теории революции.

Развивая далее три основных пункта революционной стратегии, Грамши ставит вопрос о том, чем, собственно, вызывается революция как таковая, может ли быть ее непосредственной причиной экономический кризис. Ответ, говорит он, имплицитно содержится в предшествующих пунктах (очевидно, не нужна была бы вся эта борьба за гегемонию, за изменение соотношения сил на разных уровнях, если бы революция непосредственно вызывалась экономическим кризисом). Но все же "из педагогических соображений" он считает необходимым рассмотреть этот вопрос специально. "Можно с уверенностью сказать, - пишет Грамши, - что экономические кризисы сами по себе непосредственно не порождают основных исторических событий (революции. - М.Г.); они могут лишь создать более благоприятную почву для распространения определенного мышления, постановки и разрешения вопросов, которые охватывают

весь последующий процесс развития государственной жизни" [3, т. 3, с. 72].

Зная время написания этих слов (1930 г.), нетрудно догадаться, какие "педагогические соображения" имел в виду Грамши. Это был период величайшего экономического кризиса и в то же время так называемого "поворота" в политике Компартии Италии, связанного с надеждами на революционный подъем, порождаемый - по идее - этим кризисом. То, что эти надежды необоснованны, и следовало "педагогически" растолковать своим товарищам по борьбе.

Завершая свой анализ соотношения сил, Грамши подчеркивает, что его цель - обоснование практической деятельности. Анализ показывает, где находятся наиболее слабые пункты противника и где, следовательно, возможны наиболее успешные действия, подсказывает непосредственные тактические операции, помогает правильнее вести политическую агитацию и т.д. При этом решающим элементом является "постоянно организованная сила" (очевидно, имеется в виду партия) [17, с. 60].

Постановка вопроса об "организованной силе" показывает, что разработка теории революции, непосредственно переходящей в революционную стратегию и тактику, не завершается анализом соотношения классовых сил и их борьбы. Важнейшую роль в этой борьбе играют организации - как те, против которых идет борьба (государство и другие организации господствующего класса), так и те, с помощью которых эта борьба ведется (партия и другие организации нового, поднимающегося класса).

§ 3. Проблематика государства и партии

Как мы уже знаем, власть господствующего класса держится на двух опорах - принуждении и (или) согласии других классов. Получив в свои руки государственную власть, класс, добившийся в той или иной мере гегемонии, т.е. основанного на согласии руководства своими союзниками, теперь получает в свое распоряжение и государственные органы принуждения, которые он использует для подавления классового противника. Причем вначале подавляется старый, свергнутый противник (скажем, феодалы), а в более поздний период - новый, поднимающийся противник (скажем, пролетариат). Как же организуется власть пришедшего к господству класса? Является ли государство только органом принуждения? Через какие органы осуществляется поддержание согласия? Как сочетаются эти две противоположности - насилие и согласие?

Анализ системы организованного классового господства Грамши осуществляет как бы в два этапа. На первом этапе исследования (или в первом приближении) эта система представляется таким образом. Насилие и согласие распределяются между двумя сферами общества (или, точнее, надстройки), которые Грамши называет "политическим обществом" и "гражданским обществом". Первое - это государство в собственном смысле слова со своим аппаратом государственного принуждения (армия, полиция, суд и т.д.), второе - совокупность общественных организаций (партия, профсоюзы, церковь, печать и т.д.), носящих негосударственный характер и функционирующих на основе добровольности, т.е. согласия. В целом же, как отмечает известный итальянский марксист Никола Бадалони, получается три таких общественных подразделения: "экономическое общество", "гражданское общество" и "политическое общество" [см.137, с.4].

Соотношение этих трех подразделений в разных странах может складываться по-разному, и это, как мы увидим, тоже существенно для изучения истории, для разработки той или иной политической линии, для выбора той или иной революционной стратегии, ибо надо учитывать разные варианты такого соотношения. По идее между ними существует единство, основанное на том, что везде господствует один и тот же класс. Однако для Грамши важно, что такое единство не всегда существует. Оно устанавливается как раз в результате завоевания гегемонии, а затем и государственной власти определенным классом в ходе одновременного движения "вширь" (установление классовых союзов) и "ввысь" (переход от экономического уровня к политическому, от базиса к надстройке). Устанавливаемое таким образом единство базиса и надстройки Грамши называет "историческим блоком".

Понятие "исторический блок" заслуживает особого внимания прежде всего с точки зрения его соотношения с понятием "общественно-экономическая формация". Можно сказать, что «исторический блок» - это нечто более конкретное, чем формация. В отличие от понятия "общественно-экономическая формация", которое обычно в марксистской литературе обозначает "чистый" феодализм или "чистый" капитализм, в "историческом блоке" фиксируются результаты классового союза или классового компромисса, скажем, буржуазии с крестьянством или с помещиками - классами, оставшимися от феодализма. Поэтому в "историческом блоке" сложный, противоречивый, неоднородный комплекс надстроек есть отражение всех производственных отношений, имеющих в данном обществе, а не только, скажем, капиталистических. Это отражение всех производственных отношений означает

следующее. Государство, будучи органом одного, господствующего класса, в то же время как бы вбирает в себя в какой-то мере и интересы других классов. "... Государственная жизнь, - пишет Грамши, - понимается как непрерывное образование и преодоление неустойчивых равновесий (в рамках закона) между интересами основной группы (класса? - М.Г.) и подчиненных групп, равновесий, в которых интересы господствующей группы преобладают, но до определенных границ, не превращаясь в грубый экономико-корпоративный интерес" (17, с.56).

Здесь надо уточнить: возможно, что в данном случае под "группой" Грамши понимает не только класс, но и какую-то его часть (например, промышленную или финансовую буржуазию, ее левое или правое крыло и т.п.). В этом смысле в государстве могут происходить довольно частые перемены. Если же под "группой" иметь в виду "класс", то возглавляемое им государство и соответствующий "исторический блок" - довольно устойчивые образования. Так, современные итальянские марксисты насчитывают в истории буржуазной Италии после Рисорджименто три сменявших друг друга исторических блока: либерально-демократический, фашистский и блок послевоенной демократической республики [см.191, с.211]. Со своей стороны, мы можем зафиксировать три исторических блока в послеоктябрьской истории нашей страны: военный коммунизм, нэп и командно-административная система.

Подчеркнем, однако, что речь здесь идет не просто о более дробной периодизации, чем периодизация по общественно-экономическим формациям. Различие тут не количественное, а качественное: в последовательности исторических блоков нет той логики, которая имеется в последовательности формаций; это не логический, а исторический уровень исследования [см. об этом 245, с.88]. Развитие может идти от реакции к демократии и наоборот, а в период кризиса исторического блока обычно существует альтернативность в отношении дальнейших путей развития. Однако рано или поздно один из таких кризисов приводит к революции и, если революция побеждает, осуществляется переход к другой формации.

Естественно, что такое явление, как кризис исторического блока, особенно интересует Грамши. Этот кризис представляет собой нарушение единства между верхами и низами, между надстройкой и базисом, между классами, связанными союзом, компромиссом или более или менее насильственным подчинением одного другому. Одним словом, это кризис гегемонии господствующего класса. Нетрудно заметить, что кризис гегемонии есть не что иное, как революционная ситуация, характеризуемая, по словам

В.И.Ленина, прежде всего тем, что низы не хотят, а верхи не могут жить по-старому [см.2, т.26, с.219].

Имея в виду прежде всего типичный кризис гегемонии, возникший в Италии в 1919-1920 гг., Грамши указывает на то, что низам, состоящим из различных слоев населения, труднее в такой момент организовать, чем верхам - реорганизоваться. Господствующий класс может преодолеть кризис гегемонии ценой определенной реорганизации своих отношений с другими классами. При этом возникает другой тип государства, устанавливающий иные отношения с базисом. Это значит, что в рамках той же формации появился новый исторический блок. Так и произошло в Италии, когда либеральное государство было заменено фашистским.

Но, как мы знаем, революционная ситуация, или кризис гегемонии, может привести и к революции, а та, в свою очередь, может победить или потерпеть поражение. Примеры того и другого у Грамши перед глазами. Грамши, по-видимому, были известны работы В.И.Ленина, в которых анализируются факторы, обусловившие победу Октября. Но его особенно интересуют причины поражения революции на Западе. Отсюда надо извлечь уроки на будущее. И вот к каким выводам он приходит. В России и в странах Запада по-разному складывалось соотношение между "политическим обществом" (государством) и "гражданским обществом" (общественными организациями), а следовательно, и между надстройкой в целом и базисом. "На Востоке (т.е. в России. - М.Г.), - пишет Грамши, - государство было всем, гражданское общество находилось в первичном, аморфном состоянии. На Западе между государством и гражданским обществом были упорядоченные взаимоотношения (в итальянском оригинале: правильное соотношение. - М.Г.), и если государство начинало шататься, тотчас же выступала наружу прочная структура гражданского общества. Государство было лишь передовой траншеей, позади которой была прочная цепь крепостей и казематов..." [3, т.3, с.200].

Данная цитата, пожалуй, самая часто встречающаяся в современной западной литературе о Грамши. О том, какие выводы из нее делают авторы разных политических убеждений, мы скажем позже. Пока же отметим, что для самого Грамши отсюда вытекала необходимость особой революционной стратегии в развитых странах Запада. "Примечательно, однако, что он разработал этот вопрос, отталкиваясь от мыслей, высказанных Лениным в конце его жизни" [92, с.4]. Действительно, в том же фрагменте "Тюремных тетрадей", озаглавленном "Позиционная война и война маневренная, или фронтальная", Грамши пишет: "Мне кажется, что Ильич (Ленин. - М.Г.) понял необходимость превратить маневренную

войну, победоносно примененную на Востоке в 1917 г., в войну позиционную, которая была единственной возможной на Западе..." [3, т.3, с.199]. И он добавляет, что в этом, по его мнению, заключается смысл лозунга "единого фронта".

Здесь перед нами в слегка замаскированном виде (Грамши не раз применял военную терминологию, говоря о революционной борьбе) разработка двух форм революционной стратегии, обозначенных как "маневренная война" и "позиционная война". Применение той или другой стратегии зависит, по Грамши, от степени развитости гражданского общества в той или иной стране. Поскольку в России 1917 г. гражданское общество (партии, профсоюзы, печать и др.), находящиеся под контролем буржуазии, не успело еще как следует развиться, то власть ее держалась почти исключительно на политическом обществе, т.е. государстве. И когда по этому государству был нанесен фронтальный удар путем вооруженного восстания в октябре 1917 г. ("маневренная война"), оно рухнуло и революция довольно быстро победила. Другое дело на Западе, где в условиях долго существовавшего буржуазного строя успела сложиться сложная и всеохватывающая система гражданского общества, которую можно сравнить с системой глубоко эшелонированной обороны. Здесь фронтальный удар по государству - в частности, революционные перевороты в Германии и Венгрии - оказался неэффективным, ибо это был лишь прорыв "передовой траншеи", и господствующий класс смог восстановить положение с помощью контрудара из глубины обороны. Заметим, что и в Италии фашизм как резервная сила контрреволюционной буржуазии начал свои действия в рамках гражданского общества и лишь впоследствии превратился в "официальную", правительственную организацию.

Стратегия необходимой в таких случаях "позиционной войны" (которую многие исследователи рассматривают как предвосхищение современной стратегии мирного пути к социализму, принятой рядом компартий). это, собственно, более длительная и основательная подготовка революции. Она предполагает прежде всего тщательное изучение структуры гражданского общества в той или иной стране со всеми ее национальными особенностями (так, профсоюзы и партии в Англии совсем не таковы, как во Франции). На основе знания этих национальных особенностей (в результате "рекогносцировки на местности", как говорит Грамши) и разворачивается "позиционная война", нацеленная на захват все более прочных позиций в рамках гражданского общества прежде, чем будет реша-

ться вопрос о государственной власти³. А это, в частности, означает, что "между исходным пунктом и целью должна существовать органическая градация, т.е. ряд частичных целей" [17, с.190]. Напомним, что такой частичной, или промежуточной, целью в борьбе против итальянского фашизма Грамши считал созыв Учредительного собрания.

В одном фрагменте Грамши предупреждает, что переход от "маневренной войны" (фронтальной атаки) к "позиционной войне" является вопросом наиболее важным и наиболее трудным для правильного разрешения [см.4, с.277]. Причем речь здесь явно идет не о предреволюционном периоде, а о периоде после революционного завоевания власти в Советской России. Переход к "позиционной войне" означает в данном случае переход от "кавалерийской атаки на капитал" к постепенному планомерному наступлению в рамках новой экономической политики, а также выход на первый план культурно-воспитательных задач. Это и есть то, что Грамши называет борьбой за гегемонию в рамках гражданского общества, или "позиционной войной". Точнее говоря, гражданское общество, которое не успело развиваться в предреволюционный период, должно быть теперь создано на новой основе. Поскольку речь идет об изменении сознания больших масс людей (по терминологии Грамши, это интеллектуально-моральная реформа), весь этот процесс не может не быть долгим и трудным. Но зато "победа в "позиционной войне" означает окончательную, решающую победу" [4, с.278].

Так перед нами вырисовываются два варианта пролетарской революции: фронтальная атака на государство, а затем завершающая революционный процесс "позиционная война" (в России) или сначала "позиционная война" в сфере гражданского общества, а затем завершающее ее завоевание государственной власти (на Западе).

Здесь, однако, может возникнуть вопрос: не слишком ли это все схематично? Ведь подготовка революции нужна не только на Западе, она была нужна и реально осуществлялась и в России. А с другой стороны, позиционная война, закрепляющая завоевания революции в послереволюционный период, необходима, по-видимому, не только в России, но в какой-то мере и на Западе. Это действительно так. То, что излагалось до сих пор, предста-

³Вопрос о том, обязательно ли за "позиционной войной" должна последовать "маневренная", т.е. фронтальная атака на государство, и означает ли эта фронтальная атака обязательно вооруженное восстание, является дискуссионным среди граммшеведов. У самого Грамши нет четких указаний на этот счет. Он ограничивается констатацией двух форм стратегии и подчеркивает важность "позиционной войны".

вляло собой результат лишь первого, аналитического этапа исследования, где все выглядит достаточно четко, однозначно, но и несколько упрощенно по сравнению с реальной картиной действительности. На втором этапе, к которому мы теперь перейдем, снимается это упрощение и сами понятия утрачивают однозначность. Действительно, развитость или неразвитость гражданского общества и соответственно степень полноты гегемонии господствующего класса — это величины, могущие колебаться в довольно широких пределах как в передовых, так и в отсталых странах, и это все, как подчеркивает Грамши, нужно исследовать конкретным анализом, прежде чем делать практические выводы.

К сожалению, указанные обстоятельства нередко игнорируются в современной грамшеведческой литературе, вследствие чего Грамши приписывают совершенно несвойственный ему схематизм. Как будто достаточно констатировать, что данная страна относится к странам Запада и к ней уже можно приложить готовую схему революции!

Следующий шаг по пути снятия схематического упрощения, неизбежного на первом этапе, касается соотношения политического и гражданского общества и вместе с тем — насилия и согласия. Дело в том, что их разграничение на самом деле не столь жестко: они тесно переплетаются, переходят друг в друга и, как правило, имеют внутри себя разные количественные пропорции элементов того и другого. Так что различие между ними, как говорит Грамши, методологическое, но не органическое.

В самом деле, государство (политическое общество), будучи в основном органом насилия (полиция, армия, суды и т.д.), отнюдь не ограничивается насильственными действиями. Оно выполняет и воспитательные функции, действуя посредством убеждения. Это положение особенно подчеркивал Кроче в своей "этико-политической" концепции истории. Грамши критикует эту концепцию как идеалистическую, но он в то же время видит и учитывает содержащееся в ней — и абсолютизированное — зерно истины. Действительно, законы, правосудие, государственная система образования, — все это воздействует на граждан, формируя определенный образ мыслей и определенное поведение. Демократические структуры государства — права и свободы, всеобщие выборы и парламентаризм — особенно эффективны в этом отношении. Будучи ценным результатом долгой борьбы народных масс, они в то же время создают иллюзию классовой нейтральности буржуазного государства, защиты им в одинаковой степени общего интереса всех

граждан, как будто политика никак не зависит от экономики⁴. Эта иллюзия тем более прочна, чем более господствующий класс, осуществляя свой собственный интерес, учитывает интересы других классов. Но даже при жестких, диктаторских формах правления момент согласия со стороны других классов полностью не исчезает, а иногда даже усиливается. Недаром фашистские правители всячески выдвигали на первое место общенациональную проблематику, претендуя - и не без успеха - на объединение широких масс под лозунгом защиты национальных интересов.

Другая сторона того же вопроса - своеобразная диалектика силы и согласия, связанная с их взаимопревращением. Сила рождает не только страх, но и другие чувства - покорность, т.е. пассивное согласие, а иногда и уважение, стремление быть на стороне сильного. В свою очередь, широко распространенное согласие позволяет успешнее применять силу против несогласных. Всем этим активно пользовались главари фашистских режимов - Гитлер и Муссолини. Последний прямо заявлял, что "сила вызывает согласие. Нет силы без согласия и согласия без силы" [цит. по 78, с.58].

Таким образом, государство в значительной мере выполняет гегемониальные функции, присущие гражданскому обществу. Со своей стороны, гражданское общество не ограничивается этими своими функциями. Как отмечает Грамши, и общественные организации могут действовать насильственными методами. Выше уже говорилось о фашистских отрядах, возникших в рамках гражданского общества. Другой пример - церковная инквизиция. В современных условиях - широко распространившийся терроризм.

Еще более существенно то обстоятельство, что важнейшая организация гражданского общества - политическая партия, - получая большинство в парламенте или приходя к власти другим способом, формирует правительство и фактически управляет страной через посредство государства со всеми его насильственными и ненасильственными средствами.

Тесное переплетение, взаимопереходы политического и гражданского общества дают основание Грамши расширить понятие государства. Если государство есть орган классового господства, а это господство (сила и согласие в разных пропорциях, связях и переходах) осуществляется через политическое и гражданское об-

⁴Мы не касаемся здесь того факта, что демократические формы правового государства могут быть использованы и при социализме, наполняясь при этом другим содержанием.

щество, вместе взятые, то "государство = политическое общество + гражданское общество, иначе говоря, государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения" [3, т.3, с.247]. Таким образом, в "Тюремных тетрадах" имеется два понятия государства - узкое (государство в традиционном смысле, совпадающее с политическим обществом) и широкое ("интегральное" понятие государства, объединяющее политическое и гражданское общество).

Грамши считает, что ограничение узким, традиционным пониманием государства чревато серьезными ошибками как в объяснении исторических событий, так и в политической борьбе. Крайней формой такого понимания является либеральная концепция государства как "ночного сторожа", ограничивающего свои функции охраной общественного порядка и надзором за соблюдением законов. При этом получается, что государство не руководит развитием общества, которое якобы происходит чисто стихийно. На самом же деле, пишет Грамши, руководство развитием осуществляется в этом случае со стороны гражданского общества, которое "тоже есть "государство" и даже само государство" [17, с.162]. В политике непонимание того, что государство в его полном значении есть "диктатура + гегемония" (осуществляемые и политическим и гражданским обществом), связано с узостью кругозора и "ведет к недооценке противника и его боевой организации" [4, с.278].

"... Государство, - указывает Грамши, - это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых..." [17, с.97]. Как отмечает в своей книге "Грамши и государство" французская исследовательница Кристина Бюси-Глюксман, такое понимание государства противостоит, с одной стороны, либеральной концепции (разрыв между обществом и государством), а с другой, - фашистской (полное отождествление общества и государства). Оно позволяет также избежать взгляда на государство как на простое орудие в руках господствующего класса, который манипулирует им, как некоторой вещью, по своему желанию [см.150, с.116,114].

Важное уточнение на этот счет содержится в письме Грамши Татьяне Шухт от 7 сентября 1931 г., где государство определяется как система "равновесия между политическим и гражданским обществом", с помощью которого осуществляется "гегемония определенной социальной группы над всем обществом, над всей нацией..." [3, т.2, с.165].

С расширенным пониманием государства Грамши связывает и вопросы его отмирания при переходе к коммунистическому обществу (которое в "Тюремных тетрадах" обозначается термином "упорядоченное общество"). "Можно представить себе, - пишет Грамши, - как принудительная сторона государства постепенно исчерпывает себя в результате того, что утверждаются все более значительные элементы упорядоченного общества (т.е. этического государства или гражданского общества)" [3, т.3, с.247]. Иначе говоря, в том равновесии политического и гражданского общества, которое представляет собой нечто цельное, взаимосвязанное - "интегральное государство" при социализме, происходят внутренние изменения, центр тяжести все больше смещается от принуждения к убеждению, пока элементы принуждения совсем не исчезнут.

В связи с расширением понятия государства у Грамши появляется и расширенное понятие гегемонии. Правда, в большинстве случаев гегемония по-прежнему означает "этико-политическое" руководство, основанное на согласии. Но, как мы видели выше, в "интегральном государстве" гегемония господствующего класса осуществляется "над всем обществом", т.е. не только по отношению к союзникам, но и по отношению к враждебным слоям и классам. Конечно, это можно понять в том смысле, что враждебным классам приходится примириться и проявить хотя бы пассивное согласие. Однако момент силы здесь присутствует как неразрывно связанный с этим вынужденным примирением и согласием. Поэтому когда речь идет не о периоде борьбы за власть, а о ее осуществлении в рамках "интегрального государства", Грамши, подчеркивая взаимосвязь силы и согласия, начинает употреблять понятие гегемонии в более широком смысле, т.е. как включающее в себя оба эти момента. "В стране с классическим парламентским строем, - пишет Грамши, - "нормальное" осуществление гегемонии характеризуется сочетанием силы и согласия, принимающих различные формы равновесия, исключая слишком явное преобладание силы над согласием" [3, т.3, с.220].

Здесь выявляется еще один аспект кризиса гегемонии, о котором уже говорилось выше, а именно нарушение равновесия между силой и согласием. В ситуации, когда новый, поднимающийся класс еще не созрел для победоносной революции, а прежний господствующий класс себя дискредитировал, возникает искушение силового решения кризиса путем выдвижения "сильной личности", "харизматического вождя", стоящего как бы над борющимися классами. Грамши называет это явление "цезаризмом", различая при этом прогрессивный и регрессивный цезаризм в зависимости от

того, победе какого класса он способствует [см. 3, т. 3, с. 185-186]. В основе цезаристской, т.е. диктаторской, формы правления может лежать "катастрофическое равновесие сил" (т.е. с тенденцией взаимоуничтожения) не только основных, но и второстепенных классов или их отдельных частей. Цезаризм может не только быть однозначно прогрессивным (Юлий Цезарь, Наполеон I) или регрессивным (Муссолини), но и сочетать в себе черты того и другого (например, Наполеон III)⁵.

Весь этот исторический анализ, как и в других случаях, не самоцель для Грамши. Он помогает разобраться в специфике фашизма, как особой формы цезаризма, где борющиеся классы находятся в непримиримом противоречии. Это, однако, не означает, что на данном направлении общество уже не может развиваться. Определенный простор для развития есть и тут, поскольку господствующий класс может рассчитывать на относительную слабость своего классового противника и будет всячески стремиться удерживать его в этом состоянии (это, по Грамши, "позиционная война" со стороны буржуазии).

Снова и снова Грамши возвращается к вопросу о роли мелкой буржуазии в становлении и укреплении фашистского режима в Италии. Ее союз с крупной буржуазией — основа гегемониальной системы фашизма. А то, что рабочий класс не сумел воспрепятствовать такому союзу, — его основная ошибка. Однако в этом же союзе таится и специфическая слабость фашистского государства. Дело в том, что многочисленная в Италии мелкая буржуазия — это в значительной мере слой непроизводительный, паразитический, ориентированный на "кормление" за счет государства на разных государственных постах. А это создает серьезные трудности для капиталистической рационализации производства, которая требует в первую очередь устранения лишних "накладных расходов".

В связи с этим Грамши проводит специальное исследование развития рациональных методов производства и особенно системы Тейлора в Соединенных Штатах Америки [см. параграф "Американизм и фордизм". — 3, т. 3, с. 416-456]. Успешное применение таких методов в этой стране он связывает с отсутствием там оставшихся от феодализма паразитических слоев мелкой буржуазии. В этом смысле Европа, и в частности Италия, оказывается в невыгодном положении. Она обречена на отставание и подчинение Соединенным Штатам, или же она должна будет "рационализировать"

⁵Некоторые исследователи полагают, что понятие цезаризма Грамши применял и к сталинскому режиму в СССР. Однако неясно, что мог Грамши знать о нем, будучи с 1926 г. в тюрьме. Вопрос остается дискуссионным (см. 99, с. 104-105).

свою демографическую структуру⁶. Но для фашизма это будет означать подрыв его гегемониальной системы.

Итак мы рассмотрели проблематику политической борьбы и революции с точки зрения соотношения классовых сил, государственных и негосударственных организаций. Остается еще один важный аспект: соотношение руководителей и руководимых внутри каждого класса и прежде всего внутри пролетариата. Это вопрос о том, кто и как организует класс в социально-политической деятельности, вопрос о соотношении стихийности и сознательности, масс и вождей, класса и его партийного авангарда. Для Грамши это проблема интеллигенции, переходящая в проблему партии.

Исследование интеллигенции, ее роли в общественном развитии, в классовой борьбе, в революции – особая заслуга Грамши. Он исходит из того, что интеллигенция не есть отдельный класс: "...не существует независимого класса интеллигентов – каждая социальная группа (класс. – М.Г.) обладает собственной прослойкой интеллигентов или стремится создать ее" [4, с.331]. Другое исходное положение – это то, что интеллигенция выделяется не потому, что она занимается интеллектуальной деятельностью, а потому, что в системе общественных отношений она выполняет определенные социальные функции. "...Можно было бы утверждать, – пишет Грамши, – что все люди являются интеллигентами, но не все люди выполняют в обществе функции интеллигентов (так, о том, кто жарит себе яичницу или пришивает заплату на куртку, не скажут, что он является поваром или портным)" [(3, т.3, с.461)]. Так для чего же существует интеллигенция? Почему такая прослойка выделяется в разных классах? Дело в том, поясняет Грамши, что класс не может обособиться, стать независимым без организации, а организация не существует без организаторов. Такими организаторами, руководителями в практическом и теоретическом отношении и являются интеллигенты.

Верхушка интеллигенции – это теоретики, идеологи. Они вырабатывают идеи, дающие возможность классу осознать себя, а затем и выйти за "экономико-корпоративные" рамки и осмыслить свои интересы как совпадающие в определенной степени с интересами некоторых других классов и, наконец, всего общества. Другие слои интеллигенции распространяют эти идеи и практически организуют данный класс и его связи с другими классами. Опять-таки используя военную терминологию, Грамши сравнивает интеллигенцию с офицерами и унтер-офицерами в армии.

⁶Здесь интересно, что Грамши предвидел превращение США в "сверхдержаву", что в начале 30-х годов только намечалось.

Здесь снова мы встречаемся с расширением понятий: "Я очень расширяю понятие "интеллигенция", не ограничиваясь общепринятым понятием, которое подразумевает только выдающихся представителей интеллигенции", - пишет Грамши в упоминавшемся уже письме к Татьяне Шухт [3, т.2, с.165]. В это расширенное понятие включаются, следовательно, не только писатели, художники, философы и другие деятели культуры, но и священнослужители, медицинский персонал, инженеры и техники, административно-управленческий персонал и т.д. "Интеллигенты, - указывает Грамши, - служат "приказчиками" господствующей группы (класса. - М.Г.), используемыми для осуществления функций, подчиненных задачам социальной гегемонии и политического управления..." [3, т.3, с.465]. Действуя в рамках гражданского и политического общества, интеллигенты являются "функционерами" надстройки.

Однако далеко не все интеллигенты непосредственно связаны с существующими классами. С точки зрения этой связи Грамши подразделяет их на две основные группы - "органическая" и "традиционная" интеллигенция. "Органическая" интеллигенция создается тем или иным классом, и она непосредственно с ним связана. К ней относятся, например, техники, экономисты, организаторы новой культуры и нового права, которые создаются буржуазией. "Традиционная" интеллигенция - это интеллигенция, оставшаяся от предшествующего общественного строя (где она была "органической" интеллигенцией какого-то класса). Самый типичный пример такой интеллигенции, по Грамши, это служители церкви (при феодализме они были связаны с земельной аристократией).

Продолжая определенную культурную традицию, представители "традиционной" интеллигенции обычно воображают себя независимыми от социально-политических сил современности (и здесь, согласно Грамши, можно усмотреть корни философского идеализма). Однако традиция развивается, наполняется новым содержанием, являясь объектом борьбы между классами. Для класса, идущего к господству, важно привлечь на свою сторону "традиционную" интеллигенцию. Он предпринимает усилия для ее "идеологического" завоевания и ассимиляции, и эти усилия тем более успешны, чем энергичнее этот класс формирует одновременно свою собственную "органическую" интеллигенцию. Дело в том, что "интеллигенции, принадлежащей к классу, который исторически (и реально) прогрессивен, присуща в данных условиях такая сила притяжения, что в конечном счете она подчиняет себе интеллигенцию других социальных групп..." [4, с.331].

Напомним, что в работе "Некоторые аспекты южного вопроса" Грамши уже начал исследовать роль интеллигенции в формировании

классовых союзов, показав, что она составляет "костяк" аграрно-индустриального блока в Италии. В "Тюремных тетрадах" он осуществляет широкое сравнительно-историческое исследование развития интеллигенции в разных странах прежде всего с точки зрения ее отношения к разным классам и к широким народным массам. В центре его внимания по-прежнему проблема гегемонии, которая без интеллигенции просто не может осуществиться.

В Италии специфической особенностью интеллигенции был, как подчеркивает Грамши, ее космополитический характер, ее отрыв от народа.

Между тем единство интеллигенции и народа – это важное условие формирования "исторического блока". "Когда отношение между интеллигенцией и народом-нацией, между руководителями и руководимыми, между управляющими и управляемыми характеризуется органическим смыканием, так что чувство-страсть становится пониманием и, следовательно, знанием (не механически, а живым способом), лишь тогда, – пишет Грамши, – это есть отношение представительства и возникает обмен индивидами между управляемыми и управляющими, между руководителями и руководимыми, т.е. реализуется жизнь целого, которая только и представляет собой социальную силу, создается "исторический блок"» [14, с.145]⁷.

Проблематика интеллигенции у Грамши переходит, с одной стороны, в проблематику культуры, идеологии, философии, а с другой, – в проблематику политической партии. Партия выполняет руководящую и организаторскую функцию, и потому все ее члены "должны рассматриваться как интеллигенты" [3, т.3, с.469]. Партия является "коллективным интеллигентом", – сказал Тольятти, ссылаясь на Грамши [111, т.2, с.161]. Действительно, поясняет Грамши, представители разных социальных и профессиональных групп вступают в партию не для того, чтобы заниматься своей профессиональной деятельностью. Напротив, они при этом преодолевают рамки своих профессиональных занятий и поднимаются на уровень общенациональных и международных проблем. Партия нацелена на завоевание государства или даже на создание нового типа государства, и в этом смысле ее можно сравнить с "государем", о котором писал Макиавелли. Партия – это "современный государь". В "Тюремных тетрадах" этим конспиративным термином

⁷Справедливо замечание В.О.Мущинского: "Научные разработки Грамши разрушают то инстинктивное недоверие рабочего класса к интеллигенции, которое возникало на объективной почве, но затем искусственно культивировалось догматическим "марксизмом-ленинизмом"" (99, с.124).

обозначается коммунистическая партия⁸.

Для рабочего класса партия это организация, в рамках которой формируется его "органическая интеллигенция". Через партию на уровне гражданского общества, так же как и через государство на уровне политического общества осуществляется связь между "органической" и "традиционной" интеллигенцией. Партия, по Грамши, "это первая ячейка, в которой концентрируются зародыши коллективной воли, стремящиеся стать универсальными и всеобъемлющими" [3, т.3, с.114]. Вопрос о том, как партия организует эту коллективную волю, в свою очередь, зависит от того, как строятся отношения партии с классом и как она сама внутренне организована. Исследование этих вопросов прямо нацелено на разработку концепции коммунистической партии, на решение практических задач ее функционирования, развития, руководства рабочим классом и широкими массами в борьбе за социализм и коммунизм. Но, как всегда, Грамши начинает издалека. Он снова и снова обращается к "Государю" Макиавелли, изучает и критикует работу Р.Михельса "Политические партии" (1914), труды М.Вебера, Ж.Сорея, Г.Моски и других современных исследователей (заметим, что эти труды фактически игнорировались марксистами того времени). Он сопоставляет политические партии разных капиталистических стран, прослеживает процесс формирования и развития партий в Италии. Из всего этого у него возникает проект или, скорее, мечта написать книгу, подобную "Государю", но посвященную "современному государю", т.е. коммунистической партии. "... Два основных момента - образование народно-национальной коллективной воли, организатором и одновременно активным, деятельным выразителем которой является современный государь, и нравственная и духовная реформа - должны будут составлять структуру книги", - пишет Грамши [3, т.3, с.117]. Иначе говоря, проблематика партии должна рассматриваться с точки зрения ее организаторской и идеологической функции.

Зародыши коллективной воли возникают стихийно, и для партии очень важно установить с ними правильные отношения. Грамши вспоминает опыт туринского движения фабрично-заводских советов и оценивает его как пример плодотворного соотношения "стихийности" и "сознательного руководства". Ставя эти понятия в ка-

⁸Некоторые исследователи считают, что Грамши абсолютизировал роль партии, придавая ей всеохватывающий характер (см.99, с.84). Этот упрек выглядит обоснованным, особенно в свете современных представлений о политическом плюрализме, о многопартийности при социализме. Однако надо учесть, что превращение партии в действительно всеобъемлющую приводит, по Грамши, к ее исчезновению, слиянию с обществом.

вычки, он хочет подчеркнуть относительность их противопоставления. Дело в том, что "в любом "стихийном" движении имеются первичные элементы сознательного руководства, дисциплины..." [4, с.266]. Поэтому нельзя этим "стихийным" началом пренебрегать и тем более относиться к нему презрительно. В деятельности туринских "ординовистов" это "стихийное" начало "воспитывалось, направлялось, очищалось от всего чужого, наносного с тем, чтобы живым и исторически действенным способом слить его в единое целое с современной теорией (марксизмом. - М.Г.)" [19, с.57].

Здесь налицо очень характерный для Грамши диалектический подход: сознательное воздействие партии на рабочий класс не есть некое внешнее воздействие, оно опирается на элементы сознательности внутри самого пролетариата, стремясь вырастить их, воспитать, развить. В то же время это воспитательное отношение не односторонне: воспитатель при этом сам воспитывается.

Остается последний вопрос: как должна быть организована сама партия для того, чтобы успешно решать эти свои сложные задачи? Грамши считает необходимым различать в партии три слоя, или три составных части: рядовые члены партии, руководство и связующий их средний слой. Иметь опытное и сплоченное руководство для партии очень важно, ибо "легче создать армию, чем полководцев", а "уже существующая армия распадается, если она лишена полководцев" [4, с.311]. Но не менее важно иметь все время в виду такой вопрос: должны ли всегда существовать руководители и руководимые или же будут создаваться условия, в которых исчезнет необходимость такого разделения? [см.3, т.3, с.130]. Грамши считает несомненным, что коль скоро коммунистическая партия ориентируется на создание бесклассового общества, то в таком обществе и сама она будет не нужна. Рассчитывая на такую перспективу, партия должна функционировать демократически - в смысле демократического централизма.

Противопоставляя демократический централизм бюрократическому, Грамши подчеркивает, что демократический централизм - это "централизм" подвижный, нацеленный на постоянное соответствие организации реальному движению. При этом импульсы, идущие снизу, координируются с управлением сверху, а руководящий аппарат постоянно пополняется новыми кадрами, выдвигаемыми из масс. Этим обеспечивает как преемственность, так и непрерывное накопление нового опыта. Прилаживание демократически функционирующей организации к реальной жизни общества не должно быть поверхностным, прагматически повторяющим все ее частные и местные повороты и изгибы. Нужен, говорит Грамши,

"критический поиск одинакового в кажущемся несхождении и, наоборот, различного и даже противоположного в кажущемся единообразии с тем, чтобы тесно, органически связать то, что является сходным... Эта постоянная работа по выделению "интернационального" и "единого" в национальной и местной действительности и есть по сути дела конкретное политическое действие, именно такая деятельность и производит исторический прогресс. И она требует органического единства теории и практики, слоев интеллигенции и народных масс, управляющих и управляемых" [17, с.94. Ср.3, т.3, с.211].

Такова вкратце разрабатываемая Грамши концепция партии. К этому можно добавить, что, говоря о политических партиях вообще, Грамши и тут применяет расширение понятий. Так, можно считать партиями некоторые крупные органы печати, выражающие определенные (значит, партийные!) позиции в политике и объединяющие группу авторов и читателей - единомышленников.

В связи с этим уместно поставить общий вопрос: что, собственно, дает такое расширение понятий и их неоднозначное употребление у Грамши? Факт тот, что это создает дополнительные трудности для чтения и истолкования "Тюремных тетрадей". Поэтому ряд авторов, писавших о Грамши, эту неоднозначность понятий просто игнорировали, другие же попытались ее объяснить. В частности, Перри Андерсон выдвинул точку зрения, согласно которой взгляды Грамши менялись и у него можно обнаружить три сменявших друг друга концепции с соответствующим изменением понятий [см.126, с.25-35]. Работа П.Андерсона "Антиномии Грамши" получила довольно широкую известность, в том числе за пределами Англии, однако его точка зрения не была поддержана другими исследователями. Иное объяснение выдвинула исследовательница из ФРГ Карин Пристер. По ее мнению, неоднозначность понятий связана с тем, что Грамши рассматривает не статичные объекты, а процессы, в ходе которых сами объекты изменяются и, следовательно, должны меняться соответствующие понятия [см.247, с.62]. Это объяснение, на наш взгляд, ближе к истине, но еще не вся истина.

Дело в том, что даже взятые в статичном состоянии социальные объекты не имеют четких границ: некоторыми своими частями или сторонами они как бы заходят на "чужую" территорию, как бы накладываются друг на друга. Так, если с юридической точки зрения есть четкая грань между государственными и частными школами, то с точки зрения выполняемых функций такая грань стирается. Аналогично и в отношении партии: если партия - это группа единомышленников, активно отстаивающих интересы опреде-

ленного класса, то формальное членство не так существенно (хотя оно может стать существенным при определенных обстоятельствах). Для Грамши это важно, в частности, для опровержения фашистской концепции единой партии, якобы выражающей интересы всех классов итальянского общества. Коль скоро продолжают существовать классы с различными и даже антагонистическими интересами, эти интересы не могут не получить партийного выражения в деятельности каких-то хотя бы формально и не организованных группировок. В этом смысле партии в классовом обществе неустраняемы, и это надо учитывать в практической борьбе против фашизма. Концепция Грамши нацеливает на поиск враждебных фашизму интересов и группировок, которые хотя и придавлены тоталитарным государством, но не исчезли (поиск различного в кажущемся единообразии) и с которыми надо найти точки соприкосновения (поиск единого в кажущемся разнообразии).

Подведем итоги. Разрабатывая теорию революции, Грамши включает ее в более широкий контекст теории истории и политики, т.е. исторической науки и политологии. Устанавливаемые им закономерности (на уровне исторического, а не логического) имеют по сути дела не "специфически марксистское", а общенаучное значение. Конечно, самого Грамши интересует в первую очередь судьба рабочего класса, крестьянства ("подчиненных классов") и соответствующих партий. Но, анализируя в общей форме вопросы соотношения сил, гегемонии, власти, государства, гражданского общества и др., он обращается и к другим классам, к разным социальным группам и выявляет ряд общеисторических закономерностей⁹.

Не устарели ли, однако, выводы, сделанные Грамши около 60 лет назад? Не отошли ли в прошлое революции, столкновения классов, силовая борьба в нашем "целостном и взаимосвязанном" мире? Увы, думать так значило бы предаваться иллюзиям. Разумеется, признание компромиссов, договоренностей, согласия, отказ от конфронтаций - хорошее дело. Но сегодня за него еще надо бороться, не закрывая глаза на реально существующую, а иногда и обостряющуюся конфронтацию. Согласие и сила, убеждение и принуждение до сих пор образуют взаимосвязанную пару - властные отношения без них не обходятся. В борьбе за власть по-прежнему надо искать союзников, осуществлять гегемонию (не только на уровне классов, а и отдельных групп), строить новый

⁹Эти идеи были высказаны автором на "круглом столе", посвященном 100-летию со дня рождения Грамши 18 января 1991 г. в Академии общественных наук.

"исторический блок". Это значит, что Грамши остается актуальным. И то, что сегодня по-другому ставятся вопросы демократии, плюрализма, роли рабочего класса, дополняет и модифицирует, но отнюдь не перечеркивает выдвинутых им основных положений в теории истории и политики.

В следующей главе мы перейдем к философским взглядам Грамши, в которых в наибольшей степени проявилась его неортодоксальность, его отход от канонического "марксизма-ленинизма".

ГЛАВА III

ФИЛОСОФИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА

§ 1. Марксистская философия – "философия практики"

Как уже отмечалось в первой главе, Грамши, работая над "Тюремными тетрадами", начал с определенного момента (с 8-й тетради) заменять слова "марксизм" и "исторический материализм" выражением "философия практики". В грамшеведческой литературе обычно подчеркивается, что это выражение не просто конспиративный термин, но отражает суть грамшианского понимания марксистской философии. И это в общем верно. Но со своей стороны мы хотели бы подчеркнуть, что "философия практики", хотя и заменяет в ряде случаев "марксизм", но не означает отождествления всего марксизма с философией. У Грамши было четкое понимание того, что философия лишь одна из трех составных частей марксизма. Однако главным для него было не выделение этих частей по отдельности, а показ их внутреннего единства как взаимосвязанных и взаимопереходящих элементов единого марксистского мировоззрения. "Если эти три рода деятельности, – писал Грамши о философии, политике и политэкономии, – являются необходимыми составными элементами одного и того же мировоззрения, в их теоретических принципах по необходимости должна содержаться способность превращения одного ряда в другой, взаимопереводимость на собственный специфический язык каждого из составных элементов: один содержится в другом, а все вместе образуют однородный круг" [3, т.3, с.93].

Грамши придает принципиальное значение этому внутреннему единству марксизма, т.е. органической взаимосвязи его трех составных частей – философии, политэкономии и учения о социализме и коммунизме (последнее у Грамши обозначается как теория политики, а точнее – как часть теории политики, имеющей более широкое значение). Он специально изучает вопрос о взаимопереводимости научных и философских языков [см.4, с.299-304]. Обращаясь к истории формирования марксизма, он подчеркивает, что нельзя ее понимать так, будто отдельные составные части марксизма возникли обособленно – каждая только из своего теорети-

ческого источника. На самом деле имел место синтез немецкой классической философии, английской политической экономии и французского утопического социализма, и любая из трех составных частей марксизма есть результат такого синтеза, результат критической переработки всех трех источников. Грамши считает, что искажения, которыми подвергался марксизм в ходе своей истории, явились следствием нарушения его внутреннего единства, распада первоначального синтеза. А поскольку такие искажения получили довольно широкое распространение, особенно в виде экономического детерминизма, с которым Грамши пришлось бороться в течение всей жизни, то основная теоретическая задача сейчас заключается в восстановлении первоначального синтетического единства марксизма. Это значит, что надо выявить подлинную суть марксистской философии как "философии практики", пронизывающей собой и две другие части марксизма, и соответственно откорректировать понимание марксистской политической экономии.

В самом деле, экономический детерминизм — прямое следствие обособления экономической части марксизма, представление об экономике как самодовлеющей, развивающейся автоматически, независимо от человеческой практики. Почему же оно столь широко распространилось? Как показывает Грамши, такое представление при всей своей ошибочности имело определенный идеологический смысл в период относительной слабости или поражений рабочего движения. В такие неблагоприятные моменты экономический детерминизм помогал удержаться на своих позициях, внушая уверенность в том, что в силу непреложных экономических законов победа в конце концов все равно будет за нами. Но его несостоятельность обнаруживается в период революционного подъема, когда надо не уповать на автоматизм объективных законов, а действовать, ибо само собой, без человеческих действий в истории ничего не делается.

Между тем экономический детерминизм имплицитно (а иногда и в сознательной форме) содержит в себе определенную философию. Это философия вульгарного материализма, механицизма, представляющая собой деградацию марксистской философии, ее возвращение на домарксистский уровень. Здесь как раз утрачивается, распадается синтез, с помощью которого Маркс превзошел как прежний материализм, так и идеализм, используя лучшие достижения того и другого. А этим, между прочим, поспешили воспользоваться некоторые современные идеалисты, такие, как Кроче и Джентиле. Познакомившись с марксизмом, они кое-чему у него научились, а затем попытались превзойти марксистскую философию с помощью элементов (практика, сила и др.), заимствованных у нее

самой. Таким образом, говорит Грамши, "для философии практики повторилась участь гегельянства: ее также пытались разорвать на части; кое-что от диалектического единства отошло к философскому материализму, в то время как высокая идеалистическая культура попыталась включить в себя то из философии практики, что ей было необходимо для изготовления какого-нибудь нового эликсира" [3, т.3, с.87]. В результате "все еще воспроизводятся односторонние позиции материализма и идеализма, подвергнутые критике в первом тезисе о Фейербахе, и, как тогда (хотя мы и достигли более высокой ступени), необходим синтез на более высокой ступени развития философии практики" [3, т.3, с.92].

Итак, необходим по сути дела двойной синтез: восстановление внутреннего единства трех частей марксизма и восстановление на новом уровне диалектической целостности самой марксистской философии как включающей в себя не только первичность материи, но и активность сознания, практическую деятельность субъекта. У Грамши намечаются три основных пути в решении этой сложной задачи. Во-первых, возвращение к Марксу, который хотя и не успел изложить новую философию в систематической форме, но оставил "афоризмы" (такие, как "Тезисы о Фейербахе") и практические подходы, в которых "имплицитно содержится целое мировоззрение, целая философия" [14, с.157]. Во-вторых, выявление философии, имплицитно содержащейся в политической проблематике марксизма в том виде, как она разрабатывалась В.И. Лениным, а также самим Грамши в его концепции гегемонии и других положениях теории истории и политики. В-третьих, критический анализ воззрений тех философов-марксистов и немарксистов, - которые так или иначе использовали "разорванные половинки" философии практики: это прежде всего Бухарин со стороны материализма и Кроче со стороны идеализма. С этого третьего момента мы и начнем рассмотрение философских исследований Грамши, приведших его к весьма нетрадиционным взглядам.

Свое новое понимание марксистской философии Грамши не изложил в систематическом виде. Более того, такую систематизацию он считал по меньшей мере несвоевременной. Между тем попытки систематического изложения марксистской философии начали уже предприниматься в 20-е годы в Советском Союзе, поскольку, как замечает Грамши, "была потребность в законченной и совершенной системе" [14, с.188]. Одной из первых таких попыток была книга Н.И. Бухарина "Теория исторического материализма" (1921), с которой Грамши познакомился еще до ареста и которую имел в тюрьме во французском переводе 1927 г. Эту книгу Грамши и сделал объектом своего критического анализа [см. 38, с.42].

Как признает большинство исследователей, у Бухарина была склонность к механицизму, связанная с его недостаточным владением диалектикой, за что его в свое время критиковал В.И. Ленин. Грамши также подмечает эти недостатки, но не только эти. Основным недостатком его книги он считает сам способ систематизации марксистской философии, при котором она разделяется на две части - "социологию" и философию в виде отдельной системы (иначе говоря, на исторический и диалектический материализм, - деление, ставшее традиционным). "Философия, отделенная от теории истории и политики, - заявляет Грамши, - не может быть ничем иным, как метафизикой, тогда как великое завоевание в истории современной мысли, которое являет собой философия практики, заключается как раз в том, что философия понимается в ее конкретной исторической обусловленности и отождествляется с историей" [4, с.292].

На этом важнейшем положении следует остановиться особо. Идея о тождестве философии и истории была выдвинута в трудах Кроче. Переосмысливая гегелевскую концепцию, Кроче свел ее к ее третьей части - философии духа, или учению об общественном развитии, поместив первые две (логику и философию природы) внутрь третьей. При этом логику он рассматривал как одну из сторон человеческого духа, а философию природы свел к философской критике естественных наук. У Кроче, таким образом, нет гегелевской "абсолютной идеи", нет духовного начала, выходящего за пределы человеческого общества. Дух для него это человеческий дух, представляющий собой, собственно, общественное сознание и его многообразные проявления в разных сферах общественной жизни. Поэтому философия у Кроче, как "философия духа", и сливается с обществом в его развитии, т.е. с историей. Это не значит, разумеется, что философия и история в полном смысле слова одно и то же. Речь идет о философском осмыслении истории, поскольку дух (сознание) присутствует во всех человеческих действиях. Но это не философия истории в традиционном ее понимании. Кроче не только не ищет всеобщих законов исторического развития, но прямо отрицает такие законы: дух свободен, и его развитие непредсказуемо. Можно лишь философски истолковывать конкретные исторические события, что и делает Кроче в ряде своих работ. Такое слияние философии с историей Кроче называет "историцизмом" [подробнее см. 31, с.113,29-82; 173, 3-67, 343-360].

Грамши считает, что надо "свести счеты" с философией Кроче, так же как Маркс и Энгельс в свое время сводили счеты с гегельянством. Сопоставляя ее, с одной стороны, с гегелевской фи-

лософией, а с другой, - с марксистской, Грамши констатирует у Кроче "шаг назад" по сравнению с Гегелем, особенно в его понимании диалектики (диалектика различий, а не противоречий). Но в то же время "историзацию" философии он считает шагом в правильном направлении. Кроче, по существу, прав в своей критике прошлых спекулятивных систем, претендующих на некие абсолютные, внеисторические истины, истины для всех времен и народов. Он прав, подчеркивая "историчность" философии, ее направленность на решение конкретных жизненных проблем. Но ведь такое понимание философии было уже у Маркса и Энгельса, которые рассматривали ее как социально и исторически обусловленную. Что же, собственно, сделал Кроче? Он взял у марксизма идею исторической обусловленности философии, ее связи с жизнью, перевел ее на язык идеализма и противопоставил ее самому марксизму. При этом он воспользовался тем обстоятельством, что в среде марксистов довольно широко распространилось так называемое ортодоксальное направление, которое недооценивало не только философию, но вообще духовные явления и отдавало дань метафизически одностороннему экономическому детерминизму. Недооценка философии выражалась как в ее позитивистском игнорировании (Каутский и ряд других деятелей II Интернационала), так и в ее отрыве от реальной, живой истории и политики и фактической деградации, сведении к домарксистскому метафизическому материализму (Бухарин, но также, по оценке Грамши, и Плеханов, а фактически и дальнейшая философия "марксизма-ленинизма" в ее официальной трактовке). А если при этом и говорилось о диалектике, то в отрыве от истории и политики она превращалась "в разновидность формальной логики, в элементарную схоластику" [4, с.291].

В связи с этим первая задача, встающая перед марксистами, заключалась в том, чтобы осознать во всей ее полноте принципиальную новизну марксистской философии. Грамши отмечает, что уже Лабриола подчеркивал эту новизну, "самодостаточность" философии марксизма, ее несводимость ни к какой предшествующей философии. Но Грамши идет еще дальше: по его мнению, не следует считать ее и продолжением предшествующего философского материализма. Здесь он, по-видимому, "перегибает палку", преувеличивая важное положение о качественной новизне марксистской философии, в связи с чем некоторые современные интерпретаторы и пытаются представить Грамши идеалистом.

Но постараемся понять, чего он, собственно, хотел. Отвергал ли он первичность материального начала, экономики в обществе, природы по отношению к обществу? Никким образом! Выше уже го-

ворилось о грамшианском понимании классов, классовых отношений, классовой гегемонии как "укорененных" в экономике, и можно было бы привести ряд аналогичных положений из "Тюремных тетрадей". Нигде мы не найдем у Грамши утверждений о решающей роли идей, теорий, сознания в жизни общества. Но для него было важно, чтобы этот духовный фактор не рассматривался и как прямое следствие экономики и чтобы сама экономика не рассматривалась как "скрытый бог",двигающий людьми по своему усмотрению. А именно такое обвинение и выдвигал против марксизма Кроче. Конечно, писал Грамши, его критика бьет фактически не по марксизму, а по его ухудшенному варианту - экономическому детерминизму. И в этом смысле она оказывается даже полезной, помогая увидеть философскую слабость последнего. Но как преодолеть эту слабость? Как пресечь неоднократно наблюдавшееся соскальзывание марксистов на позиции экономического детерминизма, дезориентирующего их не только в теории, но и на практике?

Ответ на этот вопрос и заключается в той "историзации" марксистской философии, которая уже была упомянута выше. В выражении "исторический материализм" акцент следует делать не на "материализм", а на "исторический", заявляет Грамши [см. 4, с. 295]. И далее: "Философия практики - это абсолютный "историзм"¹, абсолютное обмирщение и земной характер мысли, абсолютное очеловечивание истории. Именно в этом направлении следует искать основную нить новой концепции мира" [Там же].

Это положение, очевидно, требует комментариев. Прежде всего надо отметить, что оно направлено как против идеалистических взглядов Кроче, так и против механистических ошибок Бухарина. Грамши говорит об "абсолютном историцизме" марксизма, ибо считает историцизм Кроче непоследовательным: в нем, в силу его идеализма, сохраняются элементы спекулятивного, метафизического понимания философии. У Бухарина же такие элементы связаны с его механицизмом, с переносом на общество того понимания законов, которое свойственно естественным наукам. Выражение "абсолютное обмирщение и земной характер мысли" уточняет эту характеристику марксистской философии, указывая также на ее противопоставление всякому теологизму, в том числе имплицитному ("скрытый бог"). Наконец, "абсолютное очеловечивание истории"

¹В итальянском языке есть лишь одно слово - *storicismo*, которое может переводиться как "историзм" или "историцизм". На наш взгляд, предпочтительнее второй перевод, который позволяет избежать смешения с "историзмом" в его общепринятом среди марксистов значении - как требования исторического подхода ко всякому явлению. Это важно и для понимания дискуссий вокруг "историцизма" (см. 34, с. 167-177).

означает, что историю общества нельзя понимать как что-то осуществляющееся помимо человека и его действий, его практики.

Как мы видим, данное Грамши определение марксистской философии как "философии практики" носит прежде всего критическо-полемический характер. Сам Грамши вполне отдавал себе в этом отчет и, более того, предостерегая марксистов против поспешной систематизации философии, подчеркивал необходимость именно такого ее понимания. Но все же, поскольку критика не может не иметь определенной позитивной основы, надо попытаться эту основу выявить. Такие попытки уже не раз предпринимались с разных сторон. Наиболее удачная из них, на наш взгляд, — попытка, предпринятая французским марксистом Жаком Тексье в его книге "Грамши и философия марксизма" [см. 28, с. 7-99], и мы будем в определенной мере на него опираться.

Начнем с того, что у Грамши нет того разделения философии на диалектический и исторический материализм, которое сложилось у советских философов в 20-30 годы и затем стало "каноническим" (а в настоящее время критикуется многими философами-марксистами в СССР и за рубежом). Разумеется, его интересует в первую очередь проблематика общественного развития. Однако понимание "философии практики" как "абсолютного историцизма" не означает, что вся марксистская философия сводится к историческому материализму. Грамши уделяет внимание и проблематике естествознания. Но он считает, что философский взгляд на природу должен быть в принципе таким же, как и философский взгляд на общество: с философской точки зрения как общество, так и природу нельзя рассматривать сами по себе, абстрагируясь от человека и его практического и познавательного отношения к миру. Нетрудно увидеть отличие этой позиции от традиционного "диамата", где природа как раз рассматривается сама по себе.

Мы могли бы, вслед за Тексье, сказать так: коль скоро речь идет о философии, то всегда должен присутствовать основной вопрос — вопрос об отношении мышления к бытию, субъекта к объекту (напомним, что в традиционном "диамате" законы и категории диалектики рассматриваются независимо от "основного вопроса"). Но дело еще в том, что в классической формулировке основного вопроса философии, данной Энгельсом, речь идет лишь о первичности бытия (или мышления) и о возможности его познания, и ничего не говорится о практическом взаимодействии человека и мира. И это понятно: данная формулировка относится ко всей предшествующей философии, а не специально к марксистской. Ее механический перенос на марксистскую философию чреват опасностью забвения специфики этой философии, ее принципиальной новизны

как "философии практики" (которая выявилась уже в "Тезисах о Фейербахе" Маркса). Поэтому говорить о присутствии основного вопроса философии при всяком философском рассмотрении как общества, так и природы у Грамши можно лишь с таким уточнением: здесь речь не только о первичности и познаваемости, но и об активном практическом отношении человека к миру. Иначе неизбежен метафизический материализм, неизбежен экономический детерминизм, которые Грамши как раз стремится исключить из марксизма. И другое важное уточнение. Человек в его практическом отношении к миру это не изолированный индивидуум, не человек вообще, а человек, живущий в определенных общественных условиях и связанный с другими людьми. "Природа" человека, - говорит Грамши, воспроизводя своими словами VI тезис Маркса о Фейербахе, - есть совокупность общественных отношений, обуславливающая исторически определенное сознание..." [6, с.68]. Грамши подчеркивает, что этот тезис "включает идею становления: человек становится, он непрерывно изменяется с изменением социальных отношений..." [6, с.64]. Но это значит, что меняется его практическое отношение к миру, меняется отношение теории и практики.

Как же схватить это меняющееся отношение человека к миру? Очевидно, через исследование общества в его развитии, в его истории и сегодняшнем состоянии. В этом смысле "философия практики" как тождественная истории есть не что иное, как "методология истории и политики, но кроме того - искусства, экономики, этики, и в общей связи она должна найти место и для теории естественных наук" [14, с.162].

История делается большими массами людей. Но бывают в истории периоды, когда эти массы ведут себя относительно пассивно. В этих случаях, говорит Грамши, действует закон больших чисел. Можно статистически определить некоторые тенденции, закономерности, похожие на закономерности естественных наук. Здесь, стало быть, до некоторой степени оправдано сближение общественно-знания с естествознанием, имеющееся, в частности, в книге Бухарина. Но при этом не следует забывать, что, во-первых, такие закономерности в обществе складываются из многообразных действий людей (см. выше - о логическом и историческом) и носят тенденциальный характер (в связи с этим Грамши специально рассматривает вопрос о законах политэкономии как законах-тенденциях), а во-вторых, здесь присутствуют трудно уловимые вначале "молекулярные" процессы, которые в конечном итоге приводят к переходу количества в качество. Вот этот переход уже нельзя схватить количественными методами естествознания. Его

нельзя объяснить и путем сопоставления с аналогичными превращениями в природе. Известный пример превращения воды в пар или в лед здесь ничего не дает и может даже дезориентировать, ибо "подсказывает" объяснение с помощью механических, внешних сил (нагревание, охлаждение). В обществе же действие таких внешних сил (скажем, ухудшение экономического положения) если и приводит к резкой активизации масс, то лишь в форме разрушительного бунта: само по себе оно не порождает нового качества (говоря о новом качестве, Грамши, разумеется, имеет в виду революционное преобразование общества).

Здесь становится ясно, почему Грамши говорил о превращении диалектики, оторванной от истории и политики, в "разновидность формальной логики". Рассуждать о том, что превращение воды в пар и социальная революция – это все переход количества в качество, значит всего лишь подводить достаточно разнородные явления под одну рубрику. Чисто формальная операция, которая ничего не дает для объяснения данных явлений! Для того чтобы диалектика работала как метод, она должна быть теорией познания и внутренней сущностью исторической науки и науки о политике [см. 4, с. 291]. Диалектика должна быть инструментом конкретного анализа, она должна ориентировать на изучение общества не как рассеченного на отдельные плоскости – материальную и идеальную, экономическую и политическую, – а в их единстве, взаимопереходах. Поэтому Грамши говорит о "науке диалектики, или гносеологии, в которой общие понятия истории, политики, экономики связываются в органическое единство" [14, с. 162].

Вернемся теперь к вопросу о переходе количества в качество. Суть дела именно в том, что в обществе такой переход нельзя понять (и нельзя за него бороться) при "одноплоскостном", чисто экономическом подходе. "Как возникает историческое движение на основе базиса" – вот важнейшая проблема марксистской философии, подчеркивает Грамши [14, с. 163]. Эта проблема по сути дела обойдена в книге Бухарина. Между тем отправные пункты для ее решения имеются уже у Маркса. Грамши ссылается на Предисловие "К критике политической экономии", выделяя в нем слова о том, что "человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления" [1, т. 13, с. 7].

Разъясняя это положение Маркса, Грамши связывает его с проблемой образования "устойчивой коллективной воли" [17, с. 101].

Задача преобразования общества осознается в ходе сложного процесса, носящего вначале "молекулярный характер". Это "огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и в географическом пространстве..." [Там же].

Иначе говоря, переход больших масс людей от пассивности к активности, к такой активности, которая создает нечто качественно новое (переход количества в качество, революционное преобразование общества), может быть лишь результатом синтеза материальных элементов (материальные условия задачи, экономические противоречия) и духовных (идеология, философия, мировоззрение). Такой синтез, а точнее, цепочку синтезов Грамши называет "катарсисом" или "катартическим процессом", поскольку в сознании людей здесь происходит высвобождение из-под подавляющей власти экономического базиса, идет движение от экономики к политике, "от необходимости к свободе" [3, т.3, с.59]. Люди осознают себя деятелями, способными преобразовать существующие отношения. С этого и начинается практика в полном смысле слова — как процесс практического изменения мира. Поэтому, говорит Грамши, "установление момента "катарсиса" становится ... отправным пунктом всей философии практики..." [3, т.3, с.60]. Какой же должна быть сама "философия практики", чтобы не только объяснять, но и стимулировать активную деятельность людей по преобразованию мира? Ясно, что она не может быть "экономизмом", т.е. экономическим детерминизмом, способным лишь отвлечь людей от революционной практики. Но она не может быть и "идеологизмом", как Грамши обозначил идеалистические концепции таких философов, как Кроче и Джентиле. В ней должно содержаться диалектическое "снятие" крайностей того и другого, т.е. такое понимание соотношения материального и идеального, экономики и идеологии, базиса и надстройки, из которого вытекало бы активное действие человека-субъекта.

Поскольку среди марксистов существовал крен в сторону "экономизма", необходимо было в определенной мере "реабилитировать" роль сознания, идеологии, надстроечных явлений. Такую возможность Грамши находит в текстах самого Маркса, подчеркивая в них то, что ранее казалось несущественным. Так, в вопросе о задачах, которые возникают тогда, когда имеются материальные условия, обычно упор делался на эти условия, т.е. на

материалистическое объяснение появления задач. Для Грамши же важно, что это именно задачи, которые не решаются сами собой, путем прямой материальной детерминации.

Если экономику представить как "скелет" общества, то идеология будет его "кожей". А без кожи живой организм так же не может существовать, как и без скелета. "Конечно, нельзя сказать, - пишет Грамши, - что в человеческом теле кожа (а также исторически преобладающий тип физической красоты) это всего лишь иллюзии, а скелет и анатомия - единственная реальность, хотя долгое время говорилось нечто подобное" [14, с.294]. И далее: "Продолжая метафору, можно сказать, что не из-за скелета (в узком смысле) влюбляются в женщину, хотя понятно, насколько скелет способствует грациозности движений и т.п." [Там же].

Отталкиваясь от этой метафоры, французская исследовательница Анник Жолен озаглавила свою книгу о взглядах Грамши на идеологию "Кожа марксизма". В ней она справедливо отмечает организаторскую роль идеологии и надстройки в целом, без чего материальная сила "не была бы силой" [199, с.29]. Однако, защищая положение о материальной действительности надстройки, она необоснованно противопоставляет теории и конкретную действительность: "Хотя в марксистской теории надстройки обладают лишь вторичной действительностью как выражения движений, происходящих в базисе, из этого нельзя вывести, что они не имеют реальной и материальной действительности в конкретной действительности" [199, с.33]. Здесь надо говорить не о теории и действительности, а о логическом и историческом (которое тоже может осмысливаться теоретически). Лишь на логическом уровне, т.е. в том конечном итоге, который складывается как цепочка результатов человеческих действий, надстройка выступает как адекватное выражение движений, происходящих в базисе. На уровне же исторического, который главным образом интересует Грамши, все обстоит значительно сложнее. Тут как раз проявляется относительная самостоятельность надстройки и ее активное воздействие на базис, ибо в данном случае речь идет не об установившихся результатах, а о самих человеческих действиях. Выполнение "требований" базиса, осуществление соответствия надстроечных явлений базису происходит в значительной мере "на ощупь", без точного знания этих требований и к тому же в постоянной борьбе прогрессивных и консервативных сил.

Об этом Грамши пишет в специальном фрагменте, озаглавленном "Базис и надстройка". Квалифицируя как "примитивный инфантилизм" требование истолковать любое колебание в политике и иде-

ологии как непосредственное выражение изменений в базисе, он ссылается на "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта" и другие конкретно-исторические работы Маркса, позволяющие лучше понять "суть марксистской исторической методологии" [4, с.279]. Маркс, говорит Грамши, делает "оговорки" в отношении детерминации надстройки экономическим базисом. В связи с этим Грамши сам формулирует три таких "оговорки". Во-первых, нельзя точно знать в каждый данный момент состояние базиса. Политика отражает разные тенденции в его развитии, но они не обязательно должны осуществиться. Во-вторых, из этого следует, что возможны ошибки в расчетах руководителей господствующих классов (об этом, кстати, писал и Лабриола). В-третьих, существуют внутренние потребности организационного характера, обуславливающие многие политические и идеологические действия. Так, надо отмежеваться от противника или соперника, и средством такого отмеживания могут служить самые разные лозунги или символы, носящие достаточно случайный характер [см.4, с.279-280].

Таким образом, определенная "рассогласованность" надстроечных и базисных явлений, вообще говоря, неизбежна. Но в конечном итоге она сводится к минимуму активными действиями людей, классов, заинтересованных в осуществлении требований экономического развития.

Однако эти действия наталкиваются на сопротивление консервативных сил, заинтересованных в сохранении старых экономических отношений. В связи с этим Грамши высказывает любопытные философские соображения относительно диалектики классовой борьбы и исторического предвидения. Критикуя концепцию механической причинности Бухарина, он отмечает, что "в действительности можно "научно" предвидеть только борьбу, но не конкретные ее моменты, которые всегда бывают результатом столкновения противостоящих друг другу сил, находящихся в постоянном движении" [4, с.287]. Причем дело здесь не просто в постоянных количественных изменениях этих сил, а в постоянных переходах количества в качество, которые, как мы уже знаем, совершаются в обществе в результате синтеза материальных и духовных элементов. «Реально можно "предвидеть" что-либо лишь постольку, — указывает Грамши, — поскольку совершается определенное действие, прилагается определенное усилие воли и, следовательно, вносится конкретный вклад в достижение того результата, который "предвидится"» [Там же].

К этому вопросу Грамши снова возвращается, критикуя эволюционистско-реформистскую концепцию Кроче. Согласно данной концепции, борьба противоположностей в обществе должна носить

"умеренный" характер, оправданный тем, что тезис должен быть "сохранен" антитезисом, дабы не разрушался сам исторический процесс. "В реальной истории, - возражает Грамши, - антитезис стремится разрушить тезис, синтез будет преодолением, но при этом нельзя заранее установить, что именно из тезиса будет "сохранено" в синтезе, нельзя заранее "соразмерить" удары, как на "ринге", где полагается действовать в рамках определенных правил" [14, с.232]. "Представлять себе историческое развитие как спортивное состязание со своим судьей и заранее установленными нормами, которые надо честно соблюдать, это, - подчеркивает еще раз Грамши, - разновидность запроецированной истории..." [14, с.274]. По сути дела это лишь определенная политика и соответствующая ей идеология, которую Кроче и другие сторонники либерализма стремятся возвести в ранг философии.

Грамши, ссылаясь, в частности, на критику Марксом Прудона в "Нищете философии", противопоставляет крочеанской "диалектике различий" и политике компромиссов марксистскую диалектику противоположностей и революционную политику. Однако в отличие от Кроче Грамши вовсе не абсолютизирует другие, противоположные формы борьбы. Он знает, что в реальной истории эти формы были и могут быть весьма различными, в том числе и в виде "пассивной революции", или "революции-реставрации", за которую ратовал Кроче. Все зависит от меняющегося соотношения классовых сил, и не просто от объективного их соотношения, а от такого, которое обусловлено степенью их сознательности и организованности (вспомним три уровня соотношения сил в теории революции). Причем речь идет не только о соотношении сил классовых противников, но и соотношении разных группировок внутри каждого из борющихся классов: одни стремятся к решительной борьбе, другие склоняются к компромиссу. Значит, в том, что касается форм борьбы, многое зависит от субъективного фактора, а также, разумеется, от множества случайных обстоятельств (включая национальные традиции, международную обстановку, природные факторы и т.п.). Следовательно, с точки зрения чисто объективной оценки здесь имеется значительная зона неопределенности, непредсказуемости. Однако от нас самих, от субъективного фактора зависит сокращение этой зоны, зависит увеличение вероятности желаемого для нас исхода событий.

Таким образом, какие бы принципы или законы диалектики мы ни взяли - переход количества в качество, единство и борьбу противоположностей, отрицание отрицания, - везде у Грамши присутствует единство объективного и субъективного, материального и идеального, базиса и надстройки. Как уже было сказано выше,

диалектика, по Грамши, соединяет в органическое единство экономику, политику и идеологию. Без такого соединения нет исторического действия, нет практического преобразования действительности, а значит, нет развития общества, нет истории. Такое понимание диалектики имплицитно содержится в исторической науке, политологии, теории революции, концепции гегемонии, как их разрабатывает Грамши.

Напомним, что эта разработка ведется на уровне исторического и именно этому уровню соответствует диалектика, соединяющая объективное и субъективное, необходимое и случайное и т.д. Иначе обстоит дело на логическом уровне, где объективное, необходимое выделено в чистом виде, вследствие чего развитие представляется как "естественноисторический процесс". В марксизме (в отличие от Гегеля) логическое вторично по отношению к историческому, оно составляется из объективированных, устойчивых результатов человеческих действий. Сам экономический базис есть, как говорит Грамши, "реальное прошлое", ибо свидетельствует "о том, что было сделано и продолжает существовать как условие настоящего и будущего" [14, с.274]. В этом "реальном прошлом" надо найти зародыши новой жизни и, развивая их в ходе борьбы и преодоления противоречий, "создавать новую историю" [14, с.275].

Говоря о грамшианском понимании диалектики, мы уже фактически начали говорить и о теории познания. Ведь, по Грамши, диалектика и есть теория познания, и то, о чем трактует диалектика, и есть то, на что должен быть ориентирован познавательный процесс. В силу "тождества философии и истории" познание само является частью социально-исторического процесса; оно органически сплетено с практикой и, собственно, "только в практической деятельности оно есть "реальное познание", а не "схоластика" [4, с.287]. Социально-историческая детерминация познания — главная гносеологическая проблема для Грамши. Не только философия, но и наука и всякая теория порождается в конечном итоге как ответ на определенные общественные потребности и, следовательно, по Грамши, является частью надстройки. Правда, такой ответ может быть и неадекватным. Но тогда он не выдержит общественную проверку и будет заменен другим, более адекватным. Проверка социального знания заключается в восприятии той или иной идеи массами и ее практической реализации. Если идея массами не воспринимается, значит, она не соответствует их потребностям и должна быть, по крайней мере, изменена. Грамши, как никто другой из марксистов, придает особенно большое значение общественному характеру познания. Распространить какую-либо

уже известную истину в массах, считает он, может быть более важным, чем сделать новое открытие, которое останется достоянием узкого круга интеллигенции. При этом Грамши специально отмечает, что трудящиеся заинтересованы в познании "всех истин, даже неприятных" [14, с.293]. Понятно, что речь здесь идет о социальном познании, которое необходимо трудящимся в их борьбе за лучшее будущее.

А как обстоит дело с познанием природы, с естественными науками? Грамши считает, что и природу мы познаем не чисто объективно, а в соответствии с нашими потребностями и интересами. Человеческий, субъективный, социальный компонент присутствует и в естественных науках. Ведь там есть не только факты, но и теоретические построения, гипотезы. Есть и практическая часть – приборы, эксперименты. Все это в той или иной степени социально детерминировано и исторически изменчиво. И "философия практики" с ее "историцизмом" должна сделать упор именно на эту сторону дела².

В познании природы, как и в познании общества, для Грамши важно преодолеть метафизико-материалистическую, механистическую тенденцию, которая, жестко разделив материальное и духовное, объективное и субъективное, целиком подчиняет второе первому, обрекая по сути дела человека на пассивность. "Для философии практики, – пишет Грамши, – бытие не может быть отделено от мышления, человек – от природы, деятельность – от материи, субъект – от объекта..." [14, с.66]. Является ли "объективно" истинным, окончательным все то, что утверждает наука? – ставит вопрос Грамши. Если бы это было так, наука перестала бы существовать как таковая, как исследование. Но поскольку это не так, значит, науку интересует не столько объективность действительности, сколько человек, разрабатывающий методы исследования, совершенствующий свои инструменты, ее интересует отношение между человеком и действительностью, опосредованное техникой.

Здесь мы подходим к самому дискуссионному пункту в философских воззрениях Грамши. Стремясь всячески подчеркнуть активную, субъективную сторону познания, диалектическую связь и взаимопроникновение объективного и субъективного, он выдвигает формулировки, давшие некоторым интерпретаторам повод обвинить его в идеализме [см.251, с.131-141]. Имеется в виду прежде

²Вопросы социальной детерминации науки разрабатываются и многими современными учеными, как советскими, так и зарубежными. См. об этом, напр.: *Маркова Л.А.* Наука: история и историография XIX-XX вв. М., 1987.

всего определение объективного как "человечески объективного", или "всеобщее субъективного" [14, с.177]. В этом необходимо разобраться.

Грамши опять-таки критикует механистическую концепцию Бухарина и постановку им проблемы "объективной реальности внешнего мира" (а Бухарин здесь, заметим, опирался на "Материализм и эмпириокритицизм" Ленина). Он считает неверной такую ее постановку, при которой объективное существование внешнего мира доказывается для широкой публики со ссылкой на представления обыденного сознания. Для обыденного сознания такая проблема вообще не существует, и сама ее постановка вызывает смех у философски необразованных людей. Между тем "субъективистская концепция реальности" (так Грамши обозначает идеалистические концепции) имела немалое значение в истории философии, а вершина в ее развитии - гегелевская концепция (где дух прямо порождает реальность) - стала даже непосредственным философским источником марксизма. И Грамши предлагает марксистам задуматься над тем, почему субъективистская концепция возникла, каков ее реальный смысл, почему она получила распространение среди интеллигенции, но вызывает смех у простого народа. Начиная сам отвечать на эти вопросы, Грамши усматривает "связь между идеалистическим утверждением о том, что реальность есть создание человеческого духа, и утверждением со стороны философии практики исторического и преходящего характера всех идеологий, поскольку идеологии являются выражениями базиса и изменяются вместе с ним..." [14, с.174]. Субъективистская концепция, отмечает Грамши, сыграла полезную роль, критикуя философию трансценденции, с одной стороны, и наивную метафизику обыденного сознания и домарксистского материализма, - с другой. Но в своей спекулятивной форме, утверждающей творение мира сознанием, она представляет собой лишь "философский роман" [14, с.176].

Реальная проблема, поставленная этой философией, это степень объективности наших знаний и возможность ее определения и увеличения. Дело в том, что отделить объективное от субъективного в наших знаниях в каждый данный момент не представляется возможным. Кто мог бы произвести такое разделение и сказать, каков мир объективно, сам по себе, в отличие от наших знаний на данный момент? Разве что бог! Для обыденного сознания и метафизического материализма все наши знания объективны, т.е. мир именно таков, каким мы его себе представляем. Для субъективистско-идеалистической философии все наши знания субъективны. Марксистская же философия должна подойти к этому вопросу

исторически: наши субъективные знания становятся все более объективными. Грамши здесь ссылается на высказывание Энгельса из "Анти-Дюринга": "Действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается... длинным и трудным развитием философии и естествознания" [1, т.20, с.43]. Тут, по Грамши, зародыш правильной концепции, ибо объективность реальности доказывается путем обращения к истории и к человеку. Отсюда Грамши и делает вывод, что объективное означает всегда "человечески объективное", что соответствует "исторически субъективному". Но если нельзя выделить в наших знаниях объективное в чистом виде, без примеси человеческого, субъективного, то можно по крайней мере уменьшить ту долю субъективности, которая зависит от социально-классовой детерминации познания. В классово-разделенном обществе существуют различные интересы, различные идеологии, откладывающие свой отпечаток на познавательный процесс. Но в обществе, где будут ликвидированы классовые противоречия, где сформируется единая система культуры, можно будет говорить об объективном как "всеобще субъективном". Собственно, такое "всеобще субъективное", т. е. признаваемое всеми людьми, формируется и в настоящее время в сфере экспериментальной науки, которая представляет собой "наиболее объективированную и конкретно универсализированную субъективность" [4, с.177].

Как видно, такое понимание объективного отличается от того, к которому привыкли философы-марксисты: объективное как существующее независимо от человека. Но надо сказать, что у Грамши имеется и это второе, привычное для нас понимание объективного. Он прямо критикует субъективно-идеалистические концепции, распространившиеся в 20-е годы в связи с развитием физики элементарных частиц. "Разве материя, видимая под микроскопом, есть уже не реально объективная материя, а создание человеческого духа, которое не существует объективно или эмпирически?" - спрашивает Грамши [14, с.60]. И далее: "Если бы было верно, что рассматриваемые бесконечно малые явления не могут считаться существующими независимо от наблюдающего их субъекта, тогда они в действительности не могли бы и "наблюдаться", они бы "творились" и оказались бы в сфере чистого фантазирования данного индивида" [14, с.63].

Неоднозначность понятий у Грамши не должна уже нас удивлять. Она, как мы знаем, не следствие его теоретической непоследовательности, а способ диалектического рассмотрения сложных, неоднозначных явлений, которые при разном подходе как бы поворачиваются к нам своими разными сторонами. В данном случае

понятие объективного отражает, с одной стороны, факт независимого от человека существования материальной действительности, а с другой, — неабсолютное, неокончательное знание этой действительности, т.е. наличие в этом понятии субъективных моментов. Первая сторона акцентируется в борьбе против субъективного идеализма, вторая — в критике обыденного сознания и механистического материализма. Для Грамши важнее вторая сторона, что особенно будет ясно из последующего изложения, посвященного практической функции "философии практики".

Пока же, завершая рассмотрение этой философии как таковой, отметим, что хотя позиция Грамши существенно отличается от позиции Ленина в "Материализме и эмпириокритицизме", нет оснований приписывать Грамши идеализм, как это делает Х.Рихерс [251, с.131-141], или же "преодоление" идеализма и материализма, как это утверждает Дж.Тамбуррано [273, с.206-218]. Но есть все основания говорить о дальнейшей творческой разработке марксистского материализма в направлении его более глубокого диалектического понимания.

§ 2. Единство теории и практики

"Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его" [1, т.3, с.4]. Это известнейшее изречение Маркса (XI тезис о Фейербахе) явилось одним из тех "афоризмов", которые дали толчок для многих глубоких размышлений Грамши. Прежде всего он подверг критике мнение Кроче о том, что Маркс здесь якобы высказался за замену философии практической деятельностью. Нет, возражает Грамши, это вовсе не отказ от всякой философии, а "энергичное утверждение единства теории и практики" [14, с.286]. Такой же смысл имеет известное высказывание Энгельса о том, что "немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии" [1, т.21, с.317]. Отсюда, по Грамши, следует вывод, что марксистская философия имеет важную историческую особенность: "Это массовая концепция, это культура массы и притом такой массы, которая действует как единое целое, т.е. имеет нормы поведения не только теоретически всеобщие, но и "обобщенные" в социальной действительности. А поэтому деятельность "индивидуального" философа может быть понята лишь в зависимости от этого социального единства, т.е. тоже как политическая деятельность, как функция политического руководства" [14, с.287].

Здесь перед нами вторая сторона грамшианского "историциз-

ма": философия не только рождается в обществе как ответ на определенные общественные проблемы, но она и живет лишь постольку, поскольку не остается чистой теорией, а превращается в норму практического поведения более или менее значительной группы людей. Собственно, об этом писал и Кроче. Но, как поясняет Грамши, Кроче заимствовал такое понимание философии из марксизма и перевел его на язык спекулятивной философии, воспользовавшись тем, что идея активной роли теории, философии не получила у марксистов II Интернационала дальнейшего развития.

Грамши как раз предпринимает дальнейшую разработку всей проблематики активной роли теории, ее соединения с практикой, ее превращения в массовое практическое действие. В отличие от Кроче он говорит не только о тождестве философии и истории, но и о ее тождестве с политикой, говорит о марксистском философе как о политическом деятеле. Но, как и в других случаях, он начинает рассмотрение этих вопросов с исторического анализа, с выяснения того, почему данная проблематика слабо разрабатывалась марксистами, почему возобладала "худшая тенденция", тенденция экономического детерминизма.

Выше уже говорилось о привлекательности экономического детерминизма для рабочего движения в периоды его слабости. Теперь Грамши добавляет к этому новые существенные соображения. Марксистская философия, говорит он, с момента своего возникновения должна была решать две задачи: во-первых, развернув борьбу против вышних, самых утонченных форм идеологии XIX в., создать собственную группу интеллигенции и, во-вторых, воспитывать народные массы, культура которых была весьма низкой, можно сказать, средневековой. Вторая задача, учитывая характер марксистской философии как "массовой концепции", была основной, и она поглотила все силы марксистов не только в количественном, но и в качественном отношении. Решая эту воспитательную задачу, марксистская философия должна была бороться против самой массовой, религиозной, идеологии в ее самых примитивных, докапиталистических формах. В этой борьбе она нашла себе союзника - домарксистский метафизический материализм, тем более понятный широким массам, что элементы такого материализма имелись в обыденном сознании. Фактически она сама опустилась до уровня такого материализма и в результате приняла "форму культуры, несколько более высокой, чем средняя народная культура (чрезвычайно низкая), но абсолютно непригодной для борьбы с идеологиями образованных классов, в то время как сама эта новая философия родилась как раз для того, чтобы превзойти самое высокое проявление культуры того времени - классическую немец-

кую философию – и вызвать к жизни интеллигенцию, принадлежащую к новой социальной группе, мировоззрением которой и была эта философия" [3, т.3, с.82].

Обращаясь к истории Европы, Грамши обнаруживает аналогичные явления и в процессе перехода разных стран от феодализма к капитализму. Тогда тоже перед прогрессивными силами стояла двойная задача – выступить против феодальной идеологии и в ее высших, и в ее низших формах, выдвинуть новую интеллигенцию и мобилизовать на борьбу народные массы. Перипетии этой борьбы, о политических аспектах которой уже говорилось ранее, по-разному складывались в разных странах. Самые яркие примеры – это Возрождение в Италии и Реформация в протестантских странах. Первое было чисто интеллигентским движением, которое не только не преодолело, но, пожалуй, даже обострило разрыв между высокой и низкой культурой в стране. Вторая была народным, массовым движением. Она развивалась вначале в противовес высокой культуре интеллигенции, но в конечном итоге породила такой высший цвет философской культуры, как немецкую классическую философию. Во Франции в наибольшей степени облизались народный и интеллигентский компоненты антифеодального движения, но там вершина была достигнута не в области философии, а в области политики. Грамши подчеркивает внутреннее родство между немецкой философией конца XVIII в. и французской политикой, приводя слова итальянского поэта Кардуччи о том, что Кант обезглавил бога, а Робеспьер – короля. Наконец, возвращаясь к марксистской философии, он делает следующее заключение: "Философия практики предполагает все это культурное прошлое: Возрождение и Реформацию, немецкую философию и Французскую революцию, кальвинизм и классическую английскую политическую экономию, светский либерализм и историзм (историцизм. – М.Г.), который лежит в основе всей современной концепции жизни. Философия практики венчает собой все это движение за духовную и нравственную реформу, вылившееся в диалектическое противоречие между высокой культурой и культурой народной. Она соответствует сочетанию: протестантская реформация плюс Французская революция; это философия, которая является также политикой, и политика, которая является также философией" [3, т.3, с.85-86].

Такова, по Грамши, марксистская философия в широкой исторической перспективе. Ей как бы в наследство оставлены нерешенные или не полностью решенные задачи – соединить высокую и низкую культуру, движение интеллигенции и народных масс, органически соединить теорию и практику, философию и политику (причем политика понимается в широком смысле – как борьба за изме-

нение общества). Грамши полностью отдает себе отчет в гигантской сложности этих задач. Несомненно, они потребуют огромного времени - вплоть до создания полного коммунизма. Пока же марксистская философия находится в этом отношении на некоей начальной, примитивно-народной стадии (подобно немецкой Реформации в ее первой, "антиинтеллектуалистской" фазе). Приспосабливаясь к уровню массового сознания, она сама сделалась "предрассудком" и "суеверием" [Там же].

Итак, проблема воплощения теории в практику упирается в проблему взаимоотношения между интеллигенцией и народными массами, а следовательно, взаимоотношения между высокой и низкой культурой, между философией и обыденным сознанием. Марксистская философия не должна опускаться до уровня обыденного сознания, но и не должна противопоставлять себя ему; ее задача - конструктивная критика обыденного сознания с целью его возвышения. В то же время она должна решать и другую свою задачу - критиковать современную буржуазную философию и идеологию в лице ее наиболее серьезных и влиятельных представителей. В этом отношении "Теория исторического материализма" Бухарина опять-таки служит для Грамши отрицательным примером. Он упрекает ее автора в "капитуляции" перед обыденным сознанием и в то же время в искусственном облегчении своей критической задачи, когда объектом критики становятся малозначительные философы, победа над которыми легка, но и малопродуктивна. В идеологической борьбе, указывает Грамши, главный удар должен наноситься по наиболее сильным пунктам противника, который силен именно тем, что улавливает какие-то важные актуальные проблемы самой жизни и пытается дать на них свой ответ. "Новая наука, - пишет Грамши, - дает доказательство своей эффективности и плодотворной жизненности, когда показывает, что умеет сражаться с крупнейшими представителями противоположных течений, когда она решает своими средствами поставленные ими жизненные вопросы или же убедительно доказывает, что эти вопросы представляют собой псевдопроблемы" [14, с.164]. Автора же "Теории исторического материализма" Грамши сравнивает с человеком, которому мешает спать лунный свет, но который старается убить побольше светлячков, думая, что от этого свет уменьшится или погаснет.

Со своей стороны, Грамши не только ставит задачи перед марксистской философией, но и принимается за их решение. Не тратя особенно силы на "светлячков", он в "Тюремных тетрадах" ведет постоянную полемику с крупнейшими, влиятельнейшими итальянскими философами Кроче и Джентиле. Эта полемика сама по себе весьма поучительна. Можно сказать, что это образец марксист-

ской философской критики, все время направленной на суть дела, т.е. на связь критикуемых концепций с реальными, жизненными проблемами. Разумеется, с точки зрения марксизма в идеалистической философии эти проблемы получают искаженное, спекулятивное решение. Однако оно не лишено воздействия на умы, и полностью опровергнуть его можно лишь тогда, когда будет предложено иное, более убедительное решение тех же проблем.

Именно так поступает Грамши, критикуя, например, "этико-политическую историю" Кроче или философию "чистого акта" Джентиле. Сведение истории общества к ее этико-политической стороне — это не бессмыслица, а выделение и разработка — в противовес "экономизму" и фаталистическому механицизму — проблематики культуры, интеллигенции, гегемонии, согласия, т.е. вопросов, которые как раз недостаточно разрабатывались марксистами. Ясно, что в борьбе за интеллигенцию, в деле формирования новой интеллигенции эти вопросы никак не могут быть обойдены, они должны получить марксистскую разработку. Имеет определенный смысл и "активизм" философии Джентиле. Без человеческих действий в истории действительно ничего не происходит. Это важнейшее положение марксистской "философии практики". В то же время, поправляя Джентиле, Грамши указывает: марксистская философия — это тоже философия действия, акта, но как раз "нечистого акта", т.е. конкретно-исторического акта, в котором человеческая деятельность неразрывно связана с организованной "материей", с преобразованной человеком природой.

О том, как Грамши разрабатывал марксистскую философию, отталкиваясь, в частности, от критики Кроче и других идеалистов, уже говорилось ранее. Теперь нас интересует другая сторона дела: как эта философия воздействует на умы и в конечном итоге воплощается в практической деятельности. Один путь — это воздействие на интеллигенцию через именно такую, конструктивную критику идеалистической философии. Другой путь — воздействие на широкие массы. Собственно, это не другой путь, а то, ради чего привлекается интеллигенция, которая и должна решать главную задачу — осуществлять интеллектуальную и моральную реформу, поднимать народные массы до уровня исторических деятелей.

Для того чтобы воздействовать на массы, надо прежде всего разобраться в том, что собой представляет их сознание, то, что называют обыденным сознанием (заметим здесь, что в русских переводах "Тюремных тетрадей" 1959 и 1980 гг. соответствующий итальянский термин "*senso comune*" передан неудачным выражением "житейский смысл"; его везде надо заменить выражением "обыденное сознание"). Анализ обыденного сознания — еще одна заслуга

Грамши. В этом анализе он снова показывает себя глубоко диалектически мыслящим исследователем.

Обыденное сознание, отмечает Грамши, представляет собой нечто неоднородное, многослойное, противоречивое. В нем отложились опыт, навыки, знания многих веков; в нем сосуществуют древние предрассудки и элементы современных научных теорий, самостоятельно выработанные и заимствованные извне представления. Очень существенно то, что в обыденном сознании есть и определенное мировоззрение, некая стихийная философия. Она имеется также в языке, в религии, в фольклоре. Поэтому можно сказать, что все люди — "философы" [3, т.3, с.11]. Разумеется, Грамши хорошо видит различие между профессиональными философами и остальными людьми, но, как он подчеркивает, это различие не качественное, а количественное, это главным образом различие в степени последовательности и критичности. Стихийная философия, заключенная в обыденном сознании, весьма непоследовательна. Грамши объясняет это, в частности, тем, что каждый человек является одновременно членом нескольких группировок, объединений, оказывающих на него разное воздействие. Существенным является влияние философско-идеологических установок господствующих классов на сознание трудящихся, влияние, закрепляющее их подчиненное положение, оправдывающее их пассивность. Однако у тех же трудящихся, указывает Грамши, имеется, хотя бы в зародышевой форме, собственная философия, связанная с их практической, трудовой деятельностью и получающая определенное выражение в их "здравом смысле". Тут как раз Грамши и видит тот внутренний рычаг, с помощью которого марксистская философия может эффективно воздействовать на обыденное сознание простых людей. Она должна действовать не как нечто вторгающееся извне, а как развитие того позитивного, что уже имеется в обыденном сознании. Вот почему важно утверждение, что все люди — "философы" и что разница между стихийной и профессиональной философией лишь количественная. Простой человек должен понять, что ему предлагают не что-то чуждое и недоступное, ему предлагают прежде всего разобраться в самом себе. В этом ему может помочь его здравый смысл, апеллируя к которому Грамши предлагает такое рассуждение: что лучше — "мыслить", не осознавая критически собственные мысли, мыслить бессвязно и беспорядочно (что неизбежно означает подчиняться какому-то мировоззрению, "механически" навязанному извне) или же сознательно и критически выработать собственное мировоззрение и, следовательно, не сидеть пассивно и покорно, а самому определить направление своей деятельности в свершении мировой истории?

В этом — суть дела. Марксистская философия должна оказывать на людей "воспитательное воздействие, способствовать пробуждению в людях энергии" [4, с.290]. И она может это делать, если она сама понимается не как "экономический детерминизм", а как "философия практики", родственная по существу той стихийной философии, которая имплицитно заключена в самой практической деятельности трудящихся и в какой-то мере ими осознается. Выступая как критика обыденного сознания, она должна выявить его внутренние противоречия, связанные с наличием разных влияний, и способствовать их преодолению в указанном выше направлении. Будучи неразрывно связана с историей философии, с историей культуры, философия может вскрыть и расчистить "залежи прошлого" в обыденном сознании, она должна придать обыденному сознанию более последовательный и цельный характер, потому что она сама есть способ последовательного, теоретического мышления о мире.

Наконец, представляя собой принципиально новую, оригинальную философию, марксистская "философия практики" должна способствовать, с одной стороны, высвобождению рабочего класса из-под влияния буржуазии и четкому классовому размежеванию, а с другой — его возвышению до роли гегемона, способного повести за собой другие классы и в конечном итоге взять на себя руководство обществом в целом.

Грамши отчетливо видит трудности этой преобразовательной деятельности философии. Новое мировоззрение, отмечает он, никогда не усваивается массами в чистом виде. Поскольку какие-то взгляды у людей уже имеются, оно вступает с ними в различные комбинации. Именно поэтому распространение марксизма не должно быть чисто просветительской пропагандой. Упор следует сделать на постоянную критику, полемику, исправление вольных или невольных искажений нового мировоззрения. В то же время на распространение мировоззрения влияют такие обстоятельства, как его логическая стройность, авторитет руководителей, организация. Присутствует даже такой элемент, как вера. "... Массы как таковые, — пишет Грамши, — не могут усваивать философию иначе, как веру" [3, т.3, с.28]. Но это вера довольно специфическая — прежде всего вера в свою социальную группу, в свой класс. Не можем мы все ошибаться, думает человек из народа. И если он сам не умеет теоретически обосновывать усвоенные им убеждения, он верит определенным людям, которые могут это делать и делали это достаточно убедительно. Вера, однако, нуждается в постоянной поддержке. Грамши обращает внимание на то, как церковь поддерживает религиозные убеждения путем постоянного повторения ритуалов и молитв (церковь вообще интересует Грамши как

самый устойчивый, хорошо отлаженный идеологический аппарат). В связи с этим он считает, что всякое культурное движение, стремящееся воздействовать на обыденное сознание, должно, во-первых, неустанно повторять свои аргументы, а во-вторых, стремиться возвышать интеллектуально все более широкие слои народа, так чтобы из него выделялась собственная прослойка интеллигенции нового типа, находящаяся в постоянном контакте с народом.

Между интеллигенцией и народом, заявляет Грамши, должно быть такое же единство, как и между теорией и практикой. Оно не может быть односторонним – от интеллигенции к народу и от теории к практике. В контакте с "простыми людьми" представители интеллигенции, теоретики, философы находят новые проблемы, требующие изучения и решения. Кроме того, в этом контакте сама философия становится "исторической", она очищается от "интеллектуалистских элементов" индивидуального характера и становится "жизнью". Последнему обстоятельству Грамши придает особое значение, возвращаясь к нему неоднократно. Он отмечает, что философская система, созданная тем или иным философом, всегда содержит в себенаряду с исторически актуальной частью некую абстрактную "неисторическую" часть, связанную с философскими предшественниками, с личными особенностями философа, наконец, обусловленную логикой построения системы. В то же время всякая философия стремится распространиться в обществе, стремится стать обыденным сознанием. В ходе такого распространения она и утрачивает свою "неисторическую" часть, из индивидуальной становится общественной, доказывает свою "историчность", социальную необходимость и переходит в практическую деятельность. Таким образом, во взаимодействии профессиональной философии и обыденного сознания изменяется и то и другое. Философия критикует обыденное сознание, но и обыденное сознание по-своему критикует философию. Это подлинно диалектическое взаимодействие, и оно обеспечивается "политикой" [см. 3, т. 3, с. 21].

Говоря об индивидуальных философских системах и о стихийной философии обыденного сознания, Грамши выдвигает понятие "философия эпохи". Это совокупность всех видов философии, индивидуальной и массовой, распространенной во всех слоях общества – от высших до низших. Но это не механическая совокупность. Между ее верхними и нижними уровнями существует связь, в принципе аналогичная политическому руководству и основанная в конечном итоге на социально-политических интересах господствующего класса. Проникая в обыденное сознание, превращаясь в норму коллективного поведения, философия способствует ходу истории в

определенном направлении, как бы сливается с самой историей. "Значит, - заключает Грамши, - философия определенной исторической эпохи - это не что иное, как "история" этой эпохи, не что иное, как совокупность изменений, которые руководящая группа (класс. - М.Г.) сумела произвести в действительности, доставшейся ей от прошлого; в этом смысле история и философия неразделимы, они образуют "блок" [3, т.3, с.36. См. также 84].

Как уже отмечалось, марксистская философия, воздействуя на обыденное сознание изнутри, должна способствовать духовному возвышению масс, их активизации, их превращению в сознательных творцов истории. Это и есть путь соединения теории и практики в марксистском его понимании. Теория не только указывает цель борьбы и средства достижения этой цели, но и сама, как говорил Маркс, становится материальной силой, овладевая массами. На это и направлены основные усилия Грамши. Превращение подчиненного класса в класс-гегемон, а затем и в руководителя общества, возможно лишь на основе изменения им своего взгляда на мир и на себя самого, преодоления им внутренней противоречивости своего сознания, осознания им своих творческих сил и возможностей. Поэтому, как неоднократно подчеркивает Грамши, концепция гегемонии имеет не только политическое, но и важнейшее философское значение. Философия здесь сливается с политикой как практическим изменением общества. Она необходимая составная часть такого практического действия.

Однако завоевание гегемонии - это сложный процесс, имеющий, как было показано выше, свои фазы. Этим фазам соответствуют и различные стадии в процессе осуществления единства теории и практики. Первичная, элементарная стадия - это смутное, почти инстинктивное осознание классом своей особенности, своего отличия от других; в дальнейшем оно развивается вплоть до овладения единым, последовательным мировоззрением.

В то же время в реальной истории этот процесс не прямолинейный, а зигзагообразный, зависящий от того, как складываются отношения между широкими массами и интеллигенцией. Снова обращаясь к книге Бухарина, Грамши обнаруживает в ней неудовлетворительное понимание единства теории и практики, характерное для начальной, экономико-корпоративной фазы развития. О теории в этой книге говорится как о "дополнении", "придатке" к практике, как о служанке практики. Такая недооценка теории связана, как считает Грамши, с периодически возникающими расхождениями между массами и интеллигенцией (или некоторыми группами интеллигентов). А это, в свою очередь, означает, что в ходе

количественного развития базиса начала возникать качественно новая, соответствующая ему надстройка, но она еще не сформировалась "органически". Речь идет о переходном периоде в СССР, даже о начале этого периода (напомним, что "Теория исторического материализма" Бухарина вышла в 1921 г.). Однако социально-историческое объяснение недостатков в понимании связи теории и практики не означает их оправдание. В послереволюционный период, когда рабочий класс из подчиненного становится руководящим, принижение марксистской теории до уровня экономического детерминизма, до уровня наивного материализма обыденного сознания хотя и облегчает распространение теории, но отнюдь не способствует активизации масс, поднятию всего класса до уровня его передовой части.

Подводя как бы итоги своих размышлений о теории и практике, Грамши делает следующие выводы. Когда возникает проблема единства теории и практики, то она ставится в таком смысле: "Как на основе определенной практики построить теорию, которая, совпадая и отождествляясь с решающими элементами самой практики, ускорила бы происходящий исторический процесс, сделала бы практику более однородной, последовательной, действенной во всех ее элементах, т.е. максимально усилила бы ее? Или же, если уж имеется какая-то теоретическая позиция, — как организовать практический элемент, необходимый для приведения ее в действие? Отождествление теории и практики является критическим актом, в котором доказывается рациональность и необходимость практики или реалистичность и рациональность теории" [3, т.3, с.58]. Ко всему этому Грамши добавляет, что проблема единства теории и практики особенно остро ставится в так называемые переходные моменты истории, т.е. когда готовится, осуществляется и закрепляется революционный переворот, ведущий от одного общественного строя к другому.

§ 3. Формирование человека

Теперь речь пойдет о том, как Грамши, конкретизируя идею возвышения народных масс, развертывает целую программу "интеллектуально-моральной реформы" в области культуры, науки, искусства, образования, языка. В предыдущем изложении эта реформа связывалась главным образом с процессом подготовки революции, со стратегией "позиционной войны", с превращением рабочего класса из подчиненного в класс-гегемон. Но надо подчеркнуть, что Грамши вовсе не ограничивает осуществление этой реформы

предреволюционным периодом. Подобно тому, как "позиционная война" (борьба за гегемонию в сфере "гражданского общества") охватывает период до и после завоевания власти, так и "интеллектуально-моральная реформа", будучи важной составной частью "позиционной войны", приходится на весь тот длительный отрезок времени, в течение которого совершается революционное преобразование общества в органической взаимосвязи с преобразованием человека. "Интеллектуально-моральную" реформу можно было бы отождествить с культурной революцией, как это делают некоторые граммшведы. Смысл здесь, действительно, такой же это духовная сторона процесса перехода к социализму. Но важно подчеркнуть длительность и сложность этого духовного преобразования. Речь идет о воспитании нового человека с помощью системы образования, печати, литературы, искусства и т.д., причем эти средства сами должны быть преобразованы, "воспитатель сам должен быть воспитан", как не раз отмечает Грамши, ссылаясь на "Тезисы о Фейербахе" К.Маркса.

Чем раньше начнется этот воспитательно-преобразовательный процесс и чем теснее он будет связан с практикой революционной борьбы, тем лучше, считал Грамши. Недаром он с самого начала своей деятельности рассматривал работу в области культуры как неотъемлемую составную часть подготовки революции. Напомним, что революция, по Грамши, носит одновременно разрушительный и созидательный характер. Новое начинает создаваться не после, а до и во время разрушения старого. Люди, ломающие старый строй, должны быть ориентированы не только и не столько на разрушение, сколько на созидание. Завоевывая гегемонию, рабочий класс готовится стать руководителем общества, при этом он сам воспитывается и воспитывает других. Всякое "отношение "гегемонии", - говорит Грамши, - это по необходимости отношение педагогическое" [3, т.3, с.42]. Но сколь сложна эта воспитательная задача! Ведь она заключается не просто в выдвижении из своей среды и привлечении на свою сторону интеллигентов - руководителей, которые организуют и поведут за собой весь класс. Для рабочего класса это лишь самый первый этап. А главная, конечная цель - ликвидация самого разделения на руководителей и руководимых, - коммунистическое самоуправление со стороны самих трудящихся, на которое надо ориентироваться с самого начала. Забыть об этом или отложить на неопределенное будущее значит самим создавать препятствия на пути движения к коммунистическому обществу. Такая опасность реально существует, особенно в странах, где слабо развито "гражданское общество", т.е. общественные организации, самоуправленческие, демократические начала. Это

опасность бюрократического централизма, опасность превращения государства (в узком смысле слова) в объект настоящего культа. Такой "культ государства" говорит Грамши, может в определенных случаях стать неизбежным и даже целесообразным, когда государство становится орудием создания "гражданского общества", не успевшего сформироваться до революции (как отмечают ряд исследователей, здесь имеется в виду Советский Союз). "Тем не менее подобный "культ государства" не должен пускаться на самотек и в особенности не должен вести к теоретическому фанатизму и мыслиться как нечто "вечное": его следует подвергать критике именно для того, чтобы он развивался и порождал новые формы государственной жизни, при которых инициатива отдельных лиц и групп станет "государственной", хотя и будет исходить не от "правительства чиновников" (сделать "спонтанной" государственную жизнь)" [4, с.282].

Итак, задача - обеспечить "прогресс всей массы, а не только узких группок интеллигенции" [3, т.3, с.22]. Задача беспрецедентная в истории! И Грамши, пожалуй, как никто из марксистов, отдает себе отчет в гигантской сложности, всесторонности, масштабности этой задачи, нацеленной "на создание новой цивилизации, человека и гражданина нового типа" [4, с.281]. Можно ли уничтожить вековое деление людей на "командующих и исполняющих", можно ли трудящихся, этих "вечно подчиненных", сделать в полном смысле самостоятельными людьми? На чем основывается уверенность в возможности такого преобразования? Ответ на этот вопрос дает марксистская концепция человека, творчески разрабатываемая Грамши в "Тюремных тетрадах".

Как уже было сказано выше, исходный пункт для Грамши - это 6-й тезис Маркса о Фейербахе, определяющий сущность человека как совокупность общественных отношений. Отталкиваясь от этого определения, Грамши развивает динамическую концепцию человека, акцентирующую его социально-историческую изменчивость и его способность изменять общественные отношения и самого себя. "...Поставив вопрос: что такое человек? - говорит Грамши, - мы хотим спросить: чем человек может стать, т.е. может ли человек стать господином собственной судьбы, может ли он "сделать" себя самого, создать свою собственную жизнь? Итак, мы говорим, что человек - это процесс, точнее - это процесс его поступков" [6, с.60. Ср.3, т.3, с.43]. Марксистская концепция человека, подчеркивает Грамши, противостоит концепции католицизма и всех прежних философий, рассматривавших человека как индивида, ограниченного в своей индивидуальности. С марксистской точки зрения человека надо рассматривать "как ряд активных отношений

(как процесс), среди которых индивидуальность если и обладает наибольшим значением, то отнюдь не является единственным из рассматриваемых элементов" [6, с.61]. В каждом индивидууме отражается человечество и в этом отражении присутствуют: 1) сам индивидуум (то, что идет от него самого); 2) остальные люди; 3) природа. При этом отношения индивида с другими людьми и с природой весьма непросты. Индивид одновременно участвует в различных общественных организациях, а с природой он связывается посредством труда и техники. Главное же то, что эти отношения "не являются механическими. Они активны и сознательны, т.е. соответствуют большей или меньшей степени осознания их отдельным человеком. Можно сказать поэтому, что каждый переделывает и изменяет самого себя в той мере, в какой он изменяет и переделывает весь комплекс взаимоотношений, в котором он является узлом, куда сходятся все нити" [Там же].

Здесь стоит отметить, что понимание человека как "узла" общественных отношений приводит некоторых марксистов к социологизаторской концепции односторонней детерминации человека, целиком определяемого объективными общественными отношениями. Грамши знает об этом, как знает и о реакции на такую одностороннюю недialeктическую концепцию. Поэтому он говорит: "Нужно разрабатывать учение, в котором все эти отношения являются активными и находятся в движении, установив с полной ясностью, что центр (*sede*) этой активности — сознание отдельного человека, который, познавая, желая, восторгаясь, творя и т.д., делает все это и осознает себя постольку, поскольку он не изолирован, а богат возможностями, предоставленными ему другими людьми и миром вещей, о чем он не может не иметь какого-то представления" [14, с.35. В русском переводе имеются неточности: ср. 3, т.3, с.46 и 6, с.62-63].

Грамши подчеркивает органическую связь познания и изменения общественных отношений (неотделимых от самопознания и самоизменения человека). "... Создать собственную личность — значит познать эти отношения..." При этом "более или менее глубокое познание их (большее или меньшее знание того, как их можно изменить) уже изменяет их. Те же самые необходимые отношения, поскольку они познаны в их необходимости, меняют свой вид и значение" [6, с.61-62]. Но познать эти отношения надо не только в их современном состоянии, но и в их истории, "ибо каждый индивид — это не только синтез существующих отношений, но и история этих отношений, т.е. итог всего прошлого" [6, с.62]. Так вырисовывается весьма сложная картина индивидуального сознания. Оно неоднородно и противоречиво и потому, что на него

воздействуют противоречивые общественные отношения, и потому, что в нем отложились разные пласты истории. Собственно, об этом уже говорилось в связи с анализом обыденного сознания и его взаимоотношения с философией в ходе борьбы за гегемонию. Но теперь эта проблема ставится в более широкой исторической перспективе. Полемизируя с философско-антропологическими концепциями, берущими за основу исходную единую "природу" человека, Грамши показывает, что людей объединяют не общие биологические черты и даже не тот факт, что все они мыслят: "Людей объединяет или разделяет не "мышление", а то, что конкретно мыслится" [6, с. 64]. Поэтому человеческое единство не исходный пункт истории, оно не позади нас, а впереди. Единство будет достигнуто в бесклассовом коммунистическом обществе.

Исходя из такого понимания неразрывной связи человека с обществом, с общественными отношениями, Грамши строит целую концепцию воспитания, носящую глубоко диалектический характер. Человек формируется обществом, в котором он живет. Но "если бы индивиду для того, чтобы измениться, потребовалось, чтобы для этого механически, благодаря какой-то неведомой сверхчеловеческой силе, изменилось все общество, то никакого изменения никогда не произошло бы" [4, с. 327]. Значит, должны выделиться люди, которые, как говорит Грамши, чувствуют себя стоящими выше окружающей действительности, чувствуют себя воспитателями общества. Понятно, что это люди образованные, критически настроенные, энергичные и т.д. Такие люди действительно выделяются, и буквально во всех сферах общественной жизни создается отношение воспитатель - воспитуемый, учитель - ученик. Но это отношение эффективно и прогрессивно лишь в том случае, если оно диалектически обратимо: воспитатель, учитель сам должен кое-чему учиться у воспитуемого, у ученика. Такое же воспитательное отношение складывается между человеком и средой, между семьей и обществом, между школой и обществом, между печатью и ее читателями, между искусством и публикой и т.д., но прежде всего, разумеется, внутри семьи и внутри школы, о которых теперь и пойдет речь.

Разрабатывая всеобъемлющую концепцию воспитательных отношений, Грамши столкнулся с новейшими веяниями в педагогической теории и практике, согласно которым ребенку в семье и ученику в школе надо предоставить максимальную свободу, обеспечивающую "естественность" его развития. Такой подход, возрождавший в новых условиях педагогические идеи Ж.-Ж. Руссо, Грамши обнаружил даже в собственной семье. В своих письмах к жене Грамши выражает беспокойство по поводу того, что его детей (оставших-

ся вместе с матерью в Советском Союзе), пытаются воспитывать в руссоистском духе. С этим он решительно не согласен и свое несогласие обосновывает теоретическими соображениями. Ребенок — это не клубок шерсти, который надо лишь "размотать", чтобы он превратился во взрослого человека. "Концепция воспитания как разматывания некоего априори существующего клубка имела смысл, — пишет Грамши, — когда она противопоставлялась школе иезуитов, т.е. когда тем самым отвергалась еще более вредная философия; однако ныне такая концепция, в свою очередь, уже изжила себя. Отказываться от воздействия на формирование ребенка означает, по сути дела, допускать, чтобы его личность развивалась бесконтрольно, хаотично, впитывая в себя из окружающей среды все без разбора" [3, т.2, 101]. Последнее замечание особенно важно. "Свободное" воспитание на самом деле вовсе не означает беспрепятственное развитие того, что в ребенке уже есть в скрытой форме. Как существо социальное, человек в любом случае будет формироваться путем восприятия внешних воздействий, и весь вопрос в том, какие воздействия он будет воспринимать. Сознательное, целенаправленное воздействие на ребенка не может осуществляться без определенного принуждения. Только таким путем можно воспитать в нем такие качества, как сила воли, дисциплинированность, трудолюбие, целеустремленность, которым Грамши придавал особенно большое значение, подчеркивая при этом, что, прививая эти навыки ребенку, не следует посягать на его самостоятельность.

Цель воспитания, по Грамши, — формирование всесторонне развитой личности. "Современный человек, — пишет он в письме жене 1 августа 1932 г., — должен представлять собой синтез типизированных образцов, в которых воплощены характерные национальные черты различных народов: американский инженер, немецкий философ, французский политик, — воссоздавая, так сказать, итальянского человека времен Возрождения. Это должен быть современный Леонардо да Винчи, т.е. человек, вобравший в себя черты массы или коллектива и сохранивший в то же время свою яркую самобытную индивидуальность" [3, т.2, с.242].

Конечно, это не что иное, как идеал, долженствующий осуществиться при коммунизме. Но его надо все время иметь перед глазами, по мере возможности уже сейчас двигаться в этом направлении и уж во всяком случае бороться с тенденциями, идущими вразрез с этим идеалом. Именно поэтому Грамши протестует против ранней "профессионализации" детей как в семье, так и в школе. Прежде всего ребенок должен сформироваться как личность, что предполагает развитие его в направлении гармонии

ческого сочетания всех его способностей – интеллектуальных и практических. И лишь на основе устойчиво сформировавшейся личности следует выявить его особые склонности и способствовать его тяге к определенной профессии.

Если о воспитании детей в семье речь идет главным образом в письмах, то проблемам школьного образования посвящены многие фрагменты "Тюремных тетрадей". Исследователи-грамшведы с полным основанием говорят о целой педагогической концепции у Грамши, представляющей и сейчас немалый теоретический и практический интерес [см. 149, с. 168]. Выделяя принципиальные моменты этой концепции, следует отметить прежде всего требование всеобъемлющей, последовательной и демократической системы народного образования. Вопреки наметившейся в капиталистических странах тенденции разделения школ по классовому признаку – одни для высших слоев, другие для "простого народа" – должна быть создана, считает Грамши, единая общеобразовательная школа с периодом обучения 9–10 лет. Оканчивая ее в возрасте 15–16 лет, юноши и девушки должны все иметь одинаковые возможности либо поступать на работу, либо продолжать обучение в специализированных учебных заведениях. По замыслу Грамши, единая общеобразовательная школа должна подготовить молодых людей "к общественной деятельности, доведя их до определенной степени зрелости и развив их способности, сформировав их в интеллектуальном и практическом отношении, привив им умение самостоятельно ориентироваться и проявлять инициативу" [6, с. 98]. С этой целью уже в начальных классах школы должен быть введен такой предмет, как "права и обязанности", дающий первые представления о государстве и обществе.

Принимая некоторые идеи прогрессивных реформаторов школьного дела, Грамши выступает за активизацию обучения. Единая общеобразовательная школа должна быть организована как интернат, где ученики проводят все свое время, не будучи, однако, стесненными "лицемерной и механической" дисциплиной. В то же время Грамши предупреждает против чрезмерного "вольничания". На первой стадии обучения необходимо вводить дисциплину, а следовательно, добиваться своего рода "конформизма" (не в смысле приспособленчества, а более широко – как соответствия социальным нормам), но это должен быть, по определению Грамши, конформизм динамический [см. 6, с. 102]. Последнюю, решающую стадию обучения в "активной школе" Грамши называет "созидательной школой". Здесь на основе достигнутого "коллективизирования" необходимо развивать личность, обладающую ответственностью и самостоятельностью. На этой последней стадии необходимо начать изучение

и усвоение творческих методов в науке и в жизни. Ученики должны научиться самостоятельно отыскивать истину (даже если эта истина уже известна). Для этого они работают в семинарах, библиотеках, лабораториях³. Таким образом создаются предпосылки для сознательного выбора профессии и, в частности, облегчается поступление в высшее учебное заведение.

Грамши специально обращает внимание на необходимость преодоления разрыва между средней школой, ориентированной пока что на догматическое усвоение знаний, и высшей, ориентированной на творческий подход. Еще важнее преодолеть аналогичный разрыв между школой и жизнью, где "умственная самодисциплина и моральная самостоятельность теоретически неограничены" [6, с.101]. Конечно, Грамши прекрасно понимает, что практически, в капиталистической, а особенно фашистской стране жизнь полна всяких ограничений. Но это как раз такие ограничения, которые необходимо будет преодолеть. А сделать это будет тем легче, чем в большей мере люди будут к этому подготовлены еще в процессе школьного образования и воспитания. Так осуществляется диалектическая связь между школой и жизнью: откликаясь на определенные жизненные потребности, школа сама может и должна способствовать изменению жизни и в конечном итоге - ее революционному преобразованию.

В таком же направлении Грамши предлагает реорганизовать университеты, академии и другие культурные учреждения. Они должны не замыкаться в себе, а развивать деятельность, связанную "с коллективной жизнью, производством, с людьми труда" [6, с.103]. Люди, пошедшие после средней школы на производство, "не должны впадать в интеллектуальную пассивность" [Там же]. Им надо создать возможности для исследовательской работы и вообще для любой формы культурной деятельности.

Университеты должны стать подлинными культурными центрами, оказывающими духовное влияние на широкие регионы. Их внутренняя жизнь должна быть демократизирована, в частности путем установления более тесных контактов между преподавателями и студентами.

Содержащиеся в "Тюремных тетрадах" заметки по вопросам организации культурной жизни представляют собой целую программу глубоко продуманных, взаимосвязанных преобразований, учитывающих не только общие цели и задачи, но и национальные особенно-

³Стоит отметить, что эти идеи Грамши насчет развития личности перекликаются с теорией учебной деятельности, разрабатываемой рядом советских психологов и педагогов, в частности В.В.Давыдовым.

сти той или иной страны – прежде всего, разумеется, Италии. В сфере культуры для Грамши нет неважных вещей. Его интересует деятельность различных ассоциаций, церкви, книжно-издательское дело, журналы и газеты, театры и кино, библиотеки и музеи и вплоть до названий улиц и площадей. Ведь все это так или иначе оказывает воспитательное воздействие на людей.

Особенно обстоятельно разрабатывает Грамши проблемы организации периодической печати. Опираясь на свой собственный журналистский опыт, на опыт развития печати в различных странах, Грамши выдвигает ряд практических рекомендаций, представляющих интерес и на сегодняшний день. По существу, это целая концепция, названная Грамши "интегральная журналистика". Смысл ее в том, что органы печати должны не просто удовлетворять потребности своих читателей, но и "создавать и развивать эти потребности, а следовательно, и создавать в определенном смысле свой круг читателей и постепенно его расширять" [15, с.131]. Но чтобы эта деятельность не носила искусственный характер, она должна опираться на знание идейных центров и течений, которые уже существуют или возникают в стране. При этом особо следует обратить внимание на движения новаторского типа, даже если они еще не доказали свою жизнеспособность. Таким образом, имеются определенные предпосылки, исходя из которых ставятся цели журналистско-издательской деятельности. Эти цели в общем направлены на осуществление "процесса органического развития, ведущего от простого обыденного сознания к последовательному и систематическому мышлению" [15, с.138]. Более конкретные задачи ставятся в зависимости от уровня культуры читателей, на которых рассчитан журнал или газета, и они сами должны изменяться по мере повышения этого уровня.

Диалектическое взаимодействие целей и предпосылок – необходимое условие преодоления разрыва между высокой, интеллигентской и низкой, народной культурой. Другое условие – дифференцированный подход к различным слоям читателей, для чего необходимы разные типы журналов и газет. Грамши предостерегает против "просветительской" иллюзии, в которую нередко впадают представители интеллигенции: распространение знаний им представляется как распространение света из единого источника, одинаково всех освещающего и просвещающего. На самом деле "один и тот же световой луч, проходя через разные призмы, дает разные преломления света, и если желательно одинаковое преломление, тогда требует целый ряд коррекций отдельных призм" [15, с.141. Ср.6, с.131]. Еще одна иллюзия – это представление о быстром и даже "взрывном" характере изменения образа мысли и

убеждений. Нельзя смешивать "взрыв" политических страстей (Грамши здесь намекает на революцию) с "культурными преобразованиями, которые происходят медленно и постепенно, ибо страсть импульсивна, а культура вырабатывается в результате сложного процесса" [15, с.142]. Нужна, следовательно, долгая и кропотливая работа по повышению культурного уровня и самого способа мышления масс. При этом надо использовать дедукцию и индукцию, формальную логику и диалектику, позитивное доказательство и критику старого. И все это на конкретном материале самой жизни, на основе живого опыта самих масс. Основные идеи должны терпеливо и систематически повторяться, но это не должно быть механическим, навязчивым повторением одного и того же. Идеи надо связывать с различными культурными особенностями и традициями данного круга читателей, представляя их снова и снова с разных сторон, учитывая выдвигавшиеся против них возражения и никогда не упуская из вида то целое, в которое они включаются.

Преодоление разрыва между высокой и низкой культурой — это прежде всего создание "единого культурного климата", предполагающего взаимопонимание интеллигенции и народных масс, что возможно лишь при наличии единого языка. Вопросы языка, издавна интересовавшие Грамши, занимают немалое место в "Тюремных тетрадах". В Италии они стояли особенно остро ввиду отсутствия в стране языкового единства: простой народ в разных областях Италии говорил на различных диалектах и далеко не всегда мог пользоваться единым литературным языком. Верный своему историческому подходу, Грамши прослеживает сложные перипетии формирования итальянского языка, связанные с меняющимися взаимоотношениями различных классов и слоев итальянского общества. Больше всего его интересует возникновение и закрепление разрыва между народом и интеллигенцией, носившей в Италии "космополитический" характер. Тот факт, что в течение долгого времени простые люди и интеллигенция говорили на разных языках (одни на диалектах, а другие на латинском языке) выражал в обостренной форме общее расхождение в культуре, мировоззрении, в классовых интересах [см. 59, с.12-17]. Но это значит, согласно Грамши, что язык не есть простая форма, надеваемая на любое содержание. Это форма, пронизанная специфическим культурным содержанием, включающая в себя некое мировоззрение. В языке имеется определенная философия, поскольку он представляет собой "не просто набор грамматически бессодержательных слов, а совокупность определенных понятий и представлений" [14, с.3. Ср. 3, т.3, с.11. См. также 62].

Было бы неверно из этих рассуждений делать вывод, что раз-

ные нации и народности, говорящие на разных языках, тем самым, по Грамши, имеют и разные мировоззрения. Такого рода утверждений у Грамши нет. Но есть другое: подчеркивание существенного различия между простонародным диалектом и общенациональным языком. "Если верно, — пишет он, — что язык каждого содержит элементы мировоззрения и культуры, то будет верно и то, что по языку можно судить о большей или меньшей сложности мировоззрения говорящего. Кто говорит только на диалекте или понимает национальный язык в недостаточной степени, тот по необходимости связан с мироощущением более или менее узким и провинциальным, безнадежно отсталым, анахроническим по сравнению с великими течениями мысли..." [3, т.3, с.13-14]. Это значит, что интересы такого человека ограничены, носят "корпоративный или экономистский" характер, не выходят на уровень всеобщности.

Таким образом, поскольку язык — это не чистая форма, а нечто само по себе содержательное, овладение, причем хорошее овладение, общенациональным языком не только создает широкие возможности общения, но и само по себе приобщает к некоторым основным элементам национальной и мировой культуры. Такое культурно-образовательное значение имеет и изучение мертвых языков — латинского и греческого, и изучение грамматик — исторических и нормативных. Как подчеркивает Грамши, в ходе такого изучения не только усваивается язык как таковой, но и приобретаются навыки аналитического и исторического подхода к действительности, развивается культура мышления.

В целом же язык рассматривается Грамши с точки зрения его социального существования — его функционирования, развития и распространения в рамках общества. Можно сказать, что это социологический подход к языку, близкий к той социолингвистике, которая начала разрабатываться в первые десятилетия XX в. во Франции и Италии в трудах Мейе, Асколи, Бартоли и др. Язык не только важная составная часть общества, но и своеобразный микрокосмос, воспроизводящий его в миниатюре. Его способность к распространению соответствует способности к гегемонии определенного класса и его интеллигенции. "Процессы и механизмы образования государства-нации на основе широкого народного согласия изоморфны процессам образования национально-народного языка и культуры... Национальное государство, национальный язык и организация культуры представляют собой разные аспекты одного и того же процесса" [214, с.155-156].

Аналогичен подход Грамши к проблемам литературы и искусства. Его высказывания на эту тему, собранные в одном из томов первого издания "Тюремных тетрадей" — "Литература и националь-

ная жизнь" (частичный русский перевод см.5), представляют собой наброски марксистской социологии литературы, в создание которой Грамши внес очень существенный вклад. В отличие от традиционного литературоведения, интересовавшегося лишь выдающимися, высокохудожественными произведениями, Грамши поставил вопрос об изучении всего массива литературы того или иного периода и не столько самого по себе, сколько в его взаимоотношении с читающей публикой. Что больше всего читают те или иные слои населения и прежде всего простой народ, трудящиеся? Такой вопрос не может не интересовать марксиста, стремящегося к повышению народных масс, к пробуждению их творческой энергии.

Разумеется, Грамши не мог проводить социологических опросов на эту тему. Но у него был некоторый материал, помогающий составить себе определенное суждение о литературных вкусах широкой читательской массы: это были романы и повести, печатавшиеся по частям в газетах и рассчитанные на массового читателя. Профессиональные литературоведы, как правило, с презрением относились к этому "занимательному чтivu" - приключенческим и детективным романам, не считая их даже литературой. Но Грамши обратил на них самое серьезное внимание. Он анализирует разные типы популярных романов, публикуемых в печати как "романы-приложения", вскрывает заключенные в них политические тенденции, моральное содержание, национальные аспекты. Его не удовлетворяет объяснение популярности подобной литературы тем, что она идет навстречу потребности простого человека в "розовых иллюзиях", в уходе от серости и стандартизованности повседневной жизни. Это объяснение слишком обще и односторонне, ибо не учитывает положительных сторон широкого читательского интереса - стремление расширить свой кругозор, узнать "другую жизнь", возвысить свою личность, следуя идеальным образцам и т.д.

Но кроме того, здесь возникает интересный вопрос: почему спрос на такую литературу в Италии удовлетворяется за счет переводных произведений, главным образом французских авторов - А.Дюма, Э.Сю, Ж.Верна и др.? Почему нет итальянских писателей, могущих соперничать в этой области с французами? Ответ на этот вопрос возвращает нас к известной уже нам характеристике итальянской интеллигенции: в Италии - в отличие от Франции - интеллигенция оторвана от народа, и это проявляется в литературе, как и в других областях культурной жизни. Поэтому итальянская литература не носит, как говорит Грамши, "национально-народного" характера. Грамши, разумеется, не призывает итальянских писателей создавать низкопробную, "бульварную" литературу. Скорее, наоборот, он подчеркивает, что низкий художест-

венный уровень вовсе не обязательное условие популярности: в Италии были популярны и Толстой, и Достоевский, и Шекспир. Выявляя причины популярности этих писателей-классиков (опять-таки иностранных!), Грамши указывает на то, что герои их произведений движимы общечеловеческими страстями - любовью, ревностью, местью и т.д. - и, по существу, являются "народными типами". В связи с этим он отмечает наличие определенного родства между высокохудожественной и "низкой", массовой литературой. Различаясь между собой по художественному уровню, эти две литературы имеют некоторые общие черты в содержательном плане.

После этих общих замечаний о двух типах литературы, соответствующих высокой и низкой культуре, можно ставить вопрос - главный для Грамши - о путях дальнейшего развития литературы и ее роли в осуществлении интеллектуально-моральной реформы. Очевидно, что нельзя сразу ликвидировать различие между двумя культурами и соответствующими типами литературы. Здесь, как и в других областях общественно-политической и культурной жизни, надо прежде всего выдвинуть новый слой интеллигенции, новых лидеров, но именно таких, которые с самого начала ориентированы на ликвидацию разрыва между "верхами" и "низами". В Италии, где наличие такого разрыва ощущается особенно остро, должна быть создана "национально-народная" литература, т.е. литература достаточно высокого художественного уровня и в то же время близкая и понятная народу.

Проблема народности литературы и искусства - это "генеральная проблема Грамши" [70, с.17]. Он ставит ее следующим образом: "...как создать отряд литераторов, которые с точки зрения художественного уровня находились бы в таком же отношении к "литературе приложений", как в свое время Достоевский к Сю или Сулье или как Честертон в области детективного романа к Конан Дойлю и Уэллсу?" [5, с.60. Ср.4, с.323]. Грамши подчеркивает сложность решения этой задачи и прежде всего необходимость преодолеть уже сложившиеся в этой области предубеждения. Новая литература, являющаяся "выражением интеллектуального и морального обновления" [Там же], не должна отождествляться с какой-то одной художественной школой "интеллектуального происхождения" вроде футуризма. В сфере культуры вообще нельзя считать, что есть одна-единственная линия прогрессивного развития, на которой всякое достижение закрепляется и становится предпосылкой других достижений, ибо "не только существует много линий эволюционного развития», но "даже путь "наибольшего" прогресса знает отступления" [4, с.323].

Отсюда следует, что новая литература должна быть многообра-

зной, не претендующей на культурную монополию, а главное - исходить из предпосылок в истории, политике, народных традициях. "Эта литература должна стремиться к разработке того, что уже существует, полемически или иным способом - неважно; важно то, чтобы она уходила своими корнями в богатую почву народной культуры - такой, какова она есть, с ее вкусами, тенденциями и т.д., с ее нравственным и интеллектуальным миром, пусть даже отсталым и условным" [Там же].

Очевидно, что важнейшим средством борьбы за создание новой, "национально-народной" литературы должна быть литературная критика. Определяя задачи этой критики, Грамши сталкивается с весьма деликатной проблемой соотношения социальных и эстетических критериев, пересекающейся с проблемой содержания и формы в искусстве. По этим вопросам высказывался Кроче, происходили дискуссии в Италии и за рубежом. Грамши принимает некоторые положения эстетической концепции Кроче, в частности его требование оценивать произведение искусства лишь по его художественным качествам, а не по содержащимся в нем идеям, какими бы прогрессивными они не были. Но, по его мнению, это требование "вовсе не исключает выявление того, какими чувствами, каким отношением к жизни пронизано произведение" [4, с.320]. В связи с этим Грамши предлагает различать в литературной критике подход с точки зрения культуры (оценка мировоззрения, нравственной позиции писателя и т.п.) и подход собственно эстетический. Он считает, что "в интересах точности следовало бы говорить о борьбе за "новую культуру", а не за "новое искусство" (в прямом значении этого понятия)" [5, с.52]. И важно это потому, что бороться за новое искусство значило бы бороться за создание художников нового типа, но художников нельзя создавать искусственно. Новые художники выдвинулись в ходе борьбы за "новый круг культурных интересов", борьбы, носящей гуманистический характер [5, с.53]. Грамши выражает уверенность в том, что "новая социальная группа (пролетариат. - М.Г.), вступая на историческое поприще как руководитель, как класс-гегемон, с такой верой в себя, какой она прежде не имела, не может не выдвинуть из своих недр индивидуальностей, которые до того не находили достаточно сил, чтобы выразить себя полностью в избранном направлении" [Там же. См. также 63].

Таким образом, мы возвращаемся к проблематике гегемонии, с которой мы начали рассмотрение теоретического содержания "Тюремных тетрадей". Борьба за гегемонию, за "новый исторический блок", интеллектуально-моральная реформа, воздействие "философии практики" на обыденное сознание, преобразование школьного

дела, "интегральная журналистика", создание новой литературы и т.п. - все это звенья единого процесса или, точнее, его различные взаимосвязанные аспекты. Это процесс фундаментального преобразования общества и человека, ведущий к новой, коммунистической цивилизации.

Сосредоточившись на этой центральной проблематике "Тюремных тетрадей", мы вынуждены были опустить многие детали, сами по себе представляющие немалый интерес. В число этих "деталей" попали вопросы экономики, этики, права, музыки, архитектуры, художественного вкуса, развития техники и ее влияния на человека и др. Кое-что из этих вопросов освещено в имеющейся литературе о Грамши. Но главное - надо читать самого Грамши. "Тюремные тетради" (как и многие письма и статьи) это богатейший кладезь глубоких мыслей, метких наблюдений, стимулирующих постановок вопросов. Их творческий потенциал мы только сейчас начинаем по-настоящему осознавать.

Подводя итоги, попробуем оценить "философию практики" и "интеллектуально-моральную реформу" с современных позиций. Создается двойственное впечатление. С одной стороны, по своему содержанию и структуре грамшианское понимание марксистской философии как "философии практики" представляется значительно более интересным и плодотворным, чем традиционная концепция диалектического и исторического материализма. Ведь в центре его - человек и человеческое отношение к миру. "Философия практики" действительно способна объединить все составные части марксизма в единое целое, преодолевая при этом экономический детерминизм. С другой же стороны, грамшианское отождествление философии с историей и политикой выглядит в свете современных тенденций несколько странно. Конечно, речь не идет о прагматическом подчинении философии политике, что так пагубно повлияло на развитие советской философии. Политика понимается Грамши в очень широком смысле, а соотношение ее с философией является двусторонним (это не подчинение, а взаимодействие). Однако наши современные тенденции направлены скорее на осознание самостоятельности философии, на плюрализм философских концепций и их значение для индивидуального сознания. Эти тенденции идут вразрез с грамшианским пониманием социальной роли философии. Здесь, по-видимому, необходима дискуссия между двумя столь различными подходами. Мы предпочитаем оставить пока вопрос открытым, предоставляя читателю самому поразмыслить над этими достаточно сложными вещами.

Мы оставляем также открытым дискуссионный вопрос о перспективах общественного развития, и в частности о коммунизме. От-

метим только, что коммунизм, на который нацелена в конечном итоге концепция "интеллектуально-моральной реформы", представляется Грамши весьма отдаленной перспективой (через несколько столетий). К этому времени, считает он, люди и общество так изменятся, что устареет марксизм и нужна будет другая философия.

ГРАМШИ И СОВРЕМЕННОСТЬ (вместо заключения)

Завершая наш краткий рассказ о выдающемся итальянском революционере и мыслителе Антонио Грамши, мы коснемся в самых общих чертах двух вопросов – идейной борьбы вокруг теоретического наследия Грамши и практического воплощения его идей.

В огромной грамшеведческой литературе всех оттенков, накопившейся на сегодняшний день, очень мало работ, открыто выражающих отрицательное отношение к Грамши [см.131, 234, 236, 251]. В основном господствуют позитивные, хвалебные и даже восторженные оценки, в том числе со стороны людей, не считающих себя марксистами. Но поскольку за этими оценками скрываются самые разные интерпретации, идейная борьба в современной литературе идет не столько за или против Грамши, сколько за или против того или иного истолкования его идей.

В недавно опубликованной статье Т.В.Павловой дается обзор различных интерпретаций теоретического наследия Грамши за последние 30 лет [см.105]. Имеются такие обзоры и в зарубежной литературе [см.163, 201, 217, 224]. Мы же попытаемся выделить основной водораздел в идейной борьбе вокруг Грамши и разобраться в сути и смысле этой борьбы. Этот водораздел до самого последнего времени проходил через проблему отношения между Грамши и Лениным, превратившуюся в более общую проблему взаимоотношения, а точнее, противопоставления так называемого западного марксизма и ленинизма.

Итак, Грамши и Ленин. По ходу изложения мы уже отмечали идейную близость, можно сказать, родство двух революционеров. По самой своей натуре Грамши был очень похож на Ленина: та же предельная целеустремленность с отдачей всех сил делу революции, то же реалистическое видение действительности, та же диалектическая гибкость ума [правильно подчеркивает индийский марксист Мохит Сен их "духовное сходство" – 260, с.2]. Сам Грамши многократно ссылался на Ленина, в том числе в "Тюремных тетрадах".

Все эти факты известны исследователям-грамшеведам. И тем не менее находятся среди них такие, которые, несмотря ни на что, настаивают на том, что между Грамши и Лениным имеется существенное различие и чуть ли не противоположность. В Италии эту линию особенно упорно отстаивал социалист Джузеппе Тамбуррано [см.160, с.117-136; 273, с.206-294 и др.]. В той или иной мере

его взгляды разделяют Н.Боббио, Р.Орфеи, Л.Пеллигани, С.Ф.Романо [см.145, 229, 235, 252], в других странах – У.Л.Адамсон, К.Богге, А.Дэвидсон, Л.Колаковский, Ж.-М.Пиотт, Ю.Портелли, Х.Рихерс и др. [см.121, 146, 166, 205, 238, 241, 251].

Если отвлечься от нюансов, то суть противопоставления Грамши Ленину у этих авторов такова. Ленин возглавлял и теоретически осмысливал пролетарскую революцию в слаборазвитой стране. Это была "революция меньшинства" [146, с.115], действовавшего исключительно насильственными средствами и установившего насильственную диктатуру. Грамши же разрабатывал теорию революции для развитых капиталистических стран, где надо действовать не насилием, а убеждением, не "маневренной", а "позиционной" войной и в конечном итоге прийти к власти через завоевание полной духовной гегемонии в обществе. Отсюда якобы у Ленина и у Грамши совершенно разное понимание и гегемонии, и государства, и революции, и партии.

Нетрудно увидеть, что эта схема, абсолютизировавшая некоторые реальные различия между Россией и Западом и соответствующие различия революционной тактики, имела вполне определенный политический смысл. Это было стремление противопоставлять две линии в марксизме – авторитарно-деспотическую "восточную" и демократическую "западную", причем первая представлялась как прямо ведущая к сталинизму, а вторая сближалась, а то и прямо отождествлялась с социал-реформизмом [см. об этом 151, с.276]. Понятно, что в таком противопоставлении были заинтересованы в первую очередь социал-демократические теоретики. Но был здесь и левацкий вариант – противопоставление "с обратным знаком": Грамши не восхвалялся, а критиковался как "реформист", якобы отошедший от Ленина и революционного марксизма (Х.Рихерс, Т.Перлини и группа итальянских необордигианцев).

Советские и многие зарубежные грамшеведы в течение долгих лет опровергали противопоставление Ленина и Грамши, настаивая на преемственной связи между этими двумя мыслителями. Однако, как это ни парадоксально, сами же советские авторы дали повод для их противопоставления. До середины 80-х годов в нашей литературе всячески подчеркивалось, что утвердившаяся в СССР форма социализма есть прямое осуществление ленинских идей, а между тем она все больше обнаруживала свою несостоятельность и вызывала к себе все более критическое отношение. Критически настроенные "западные марксисты" (или "неомарксисты"), нашедшие для себя опору в идеях Грамши, потому и противопоставили его Ленину, что ленинизм официально выступал как обоснование неприемлемой формы социализма.

В свою очередь, это вызывало недоверчиво-подозрительное отношение к самому Грамши со стороны идеологического руководства нашей страны. Как ни старались советские грамшведы потеснее связать Грамши с Лениным, доказать, что он "вполне правоверный" марксист-ленинец, руководство предпочло другой вариант: поменьше говорить о нем. В 70-е годы, когда во всем мире литература о Грамши нарастала лавинообразно, у нас произошел спад грамшведческих исследований. В соответствии с общей линией на самоизоляцию по отношению к зарубежному марксизму, журналы не печатали статей о Грамши. Единственная монография - И.В.Григорьевой "Исторические взгляды Антонио Грамши" (М., 1978) - вышла тиражом в 1740 экземпляров. Грамши был сведен к предмету чисто академического интереса узких специалистов, а дискуссия о соотношении Ленина и Грамши - к доказыванию самим себе того, что считалось давно доказанным.

Сейчас вся эта дискуссия предстает в совершенно новом свете. Исчезают (будем надеяться!) те идеологические факторы, которые делали теоретические дискуссии научно бесплодными и бесперспективными. Нет необходимости отвечать перегибом на перегиб. Например: в ответ на противопоставление Грамши Ленину доказывать, что Грамши был настолько верным ленинцем, что практически не сказал ничего нового. Нет необходимости замалчивать расхождения между Лениным и Грамши, особенно в области гносеологии, где подход Грамши существенно отличается от того, который изложен в "Материализме и эмпириокритицизме". Нет необходимости отвергать с порога сближение взглядов Грамши с концепциями таких выдающихся философов, как Тейяр де Шарден или Гуссерль [см. 230, с. 220], таких теоретиков социализма, как Отто Бауэр [см. 123]. Напротив, нам интересны подобные сопоставления, также как и схождения и расхождения воззрений Грамши со взглядами Лукача и его последователей, представителей Франкфуртской школы, позднего Сартра или, скажем, выдающегося перуанского марксиста Мариатеги.

В общем, отнюдь не отвергая, а осмысливая по-новому линию преемственности Ленина - Грамши, мы должны рассмотреть грамшианское наследие в самом широком европейском и мировом контексте. Здесь нам предстоит большая работа.

Завершая наше изложение, коснемся практической действительности идей Грамши в современных условиях. Прежде всего, разумеется, надо сказать о их использовании в политической практике Итальянской коммунистической партии. Как известно, эта партия добилась выдающихся успехов в своей деятельности: начиная с первых послевоенных лет и по сегодняшний день (несмотря на

кризис) она по своей численности и своему влиянию в массах намного опережает все другие компартии капиталистических стран. Причина этого отнюдь не в особо благоприятных условиях Италии, она – в обоснованной политической линии, разработка и осуществление которой были связаны с использованием и творческим развитием идей Антонио Грамши. Большую роль здесь сыграли Пальмиро Тольятти, возглавлявший ЦК ИКП с 1926 по 1964 г. [см. о нем 69], а затем – его преемники на посту генерального секретаря Луиджи Лонго, Энрико Берлингуэр, Алессандро Натта, которого в 1988 г. сменил Акилле Оккетто.

Идеи Грамши получили свое воплощение и в идеологической работе, и в культурной политике ИКП. Партия провела успешную борьбу против идейной гегемонии крочеанства [см. 61] и за привлечение на сторону рабочего класса широких слоев интеллигенции. Послевоенная демократизация культурной жизни, изменение духовного климата в стране – в значительной мере заслуга итальянских коммунистов. В этой обстановке и расцвело такое замечательное явление, как итальянский неореализм, многие представители которого связали свою судьбу с пролетариатом и его коммунистическим авангардом.

Итальянские коммунисты продолжали изучать и использовать теоретическое наследие Грамши и в последующие десятилетия. При этом в связи с выдвижением новых стратегических ориентаций – мирного пути к социализму, единства борьбы за демократию с борьбой за социализм, "демократической альтернативы" – само это наследие как бы поворачивалось новыми своими сторонами.

Конечно, как отмечают сами итальянские коммунисты, было бы неразумно искать у Грамши решения всех современных проблем. Многое изменилось за 50 лет, прошедшие после его смерти. Тем не менее и сейчас у Грамши можно многому поучиться и можно "вместе с Грамши идти дальше Грамши" [см. 164; подробнее о деятельности ИКП см. 8.40, 101].

В 70-е годы под влиянием практических успехов Итальянской коммунистической партии (особенно произвело впечатление "рекордное" завоевание 33 и 34 % голосов на выборах 1975 и 1976 гг.) идеи Грамши стали особенно широко распространяться в странах Западной Европы, а также других континентов. Некоторые компартии, в частности Великобритании и Австрии, прямо включили их в свои программы [см. 144, с. 27; 283, с. 21, 28]. Идеи Грамши о гегемонии, позиционной и маневренной войне и др. активно обсуждались на международных дискуссиях в 80-е годы [см. 73, 68]. Проявили интерес к ним и многие марксисты Латинской

Америки [см. 35, 130, 194, 209, 240] и других развивающихся стран.

Особо стоит отметить истолкование в грамшианских понятиях национально-освободительной борьбы индийского народа в статье Б. Чандры "Индийский конгресс и его стратегия гегемонии". Автор стремится доказать, что освобождение Индии от английского колониального господства это реальный (и пока единственный) конкретный пример эффективного применения грамшианской стратегии борьбы за гегемонию, которая привела к завоеванию власти в результате последовательного чередования фаз позиционной и маневренной войны [см. 159].

В свете подобных исследований и целого ряда высказываний марксистов развивающихся стран о применимости идей Грамши и в их условиях следует присоединиться к тем немногим западноевропейским исследователям (Л. Паджи, Э. Хобсбаум и др.), которые выступают против широко распространенного представления о Грамши как "теоретике революции на Западе" (т.е. в развитых капиталистических странах). Совершенно естественно, что Грамши интересовался в первую очередь Италией, а затем другими европейскими странами. Но разрабатываемая им теория революции отнюдь не имела регионального характера. Как теория на уровне исторического она должна была предусмотреть и предусматривала в принципе все возможные варианты. Именно потому она и оказалась универсально применимой, но применимой не механически, а на основе конкретного изучения ситуации в той или иной стране, в тот или иной момент [см. об этом 46, с. 112-114; 34, с. 167-177].

В завершение всего последний вопрос: представляет ли идейное наследие Грамши практический интерес для стран, в которых совершилась социалистическая революция? Мы полагаем, что в этом нет сомнений.

Грамши нам интересен прежде всего тем, что он мыслил социалистический переворот как целую эпоху радикальных преобразований во всех сферах общественной жизни. Лучше, чем многие другие марксисты, он понимал, что для такого переворота отнюдь не достаточно взять власть и установить общественную собственность на средства производства. Главная проблема - привлечь массы к управлению обществом, преодолеть вековой разрыв между управляющими и управляемыми. А это задача и политическая, и экономическая, и культурно-воспитательная, требующая постоянных целенаправленных усилий. Как известно, именно в решении этой задачи обнаружились сбои и деформации в ходе строительства социализма. Грамши дает нам богатую пищу для размышлений.

Нам интересна и его концепция интеллектуально-моральной реформы, нацеленная на подъем масс и формирование нового человека, и его критика "культа государства" и бюрократического централизма, и разработка им вопросов соотношения силы и согласия, сознания и стихийности, теории и практики, интеллигенции и народных масс, "верхов" и "низов". Нам интересна диалектика классового и общенационального, к которой теперь добавляется выход на общечеловеческий уровень. Нам интересна гуманистическая устремленность Грамши и разработка им "философии практики", позволяющая сделать нашу теорию более действенной и конкретной.

Во всех этих вопросах и во многих других Грамши - "наш современник и соратник" [34, с.37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
3. Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. М., 1957-1959.
4. Грамши А. Избранные произведения. М., 1980.
5. Грамши А. О литературе и искусстве. М., 1967.
6. Грамши А. Формирование человека: (Записки о педагогике). М., 1983.
7. Антонио Грамши - пролетарский революционер // Коммунист. 1977. № 6.
8. Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953.
9. Gramsci A. Scritti giovanili, 1914-1918 Torino, 1975.
10. Gramsci A. Sotto la Mole, 1916-1920. Torino, 1975.
11. Gramsci A. L'Ordine Nuovo, 1919-1920. Torino, 1975.
12. Gramsci A. Socialismo e fascismo: L'Ordine Nuovo, 1921-1922. Torino, 1974.
13. Gramsci A. La costruzione del partito comunista, 1923-1926. Torino, 1978.
14. Gramsci A. Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce. Roma, 1977.
15. Gramsci A. Gli intellettuali e l'organizzazione della cultura. Torino, 1966.
16. Gramsci A. II risorgimento. Roma, 1977.
17. Gramsci A. Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo Stato moderno. Roma, 1977.
18. Gramsci A. Letteratura e vita nazionale. Roma, 1977.
19. Gramsci A. Passato e presente. Torino, 1974.
20. Gramsci A. Quaderni del carcere: 4 vol. Torino, 1975.
21. Gramsci A. Lettere dal carcere. Torino, 1973.
22. Gramsci A. Cronache torinesi, 1913-1917. Torino, 1980.
23. Gramsci A. La Città futura, 1917-1918. Torino, 1982.
24. Gramsci A. II nostro Marx, 1918-1919. Torino, 1984.
25. Gramsci A. Lo sviluppo della rivoluzione. Torino, 1987.
26. Gramsci A. Scritti, 1915-1921. Milano, 1968.
27. Gramsci A. Scritti politici. Roma, 1971.
28. Gramsci A. Per la verità: Scritti, 1913-1926. Roma, 1974.
29. 2000 pagine di Gramsci: 2 vol. Milano, 1964.
30. Togliatti P. La formazione del gruppo dirigente del

partito comunista nel 1923-1924. Roma, 1971.

31. *Аббате М.* Философия Бенедетто Кроче и кризис итальянского общества. М., 1959.
32. *Аликата М.* Антонио Грамши - основатель Итальянской коммунистической партии. М., 1957.
33. Антонио Грамши. Биобиблиографический указатель. М., 1981.
34. Антонио Грамши - выдающийся теоретик-марксист. М., 1987.
35. *Арисменди Р.* К вопросу о толкованиях философии Маркса // Пробл. мира и социализма. 1983. № 4.
36. *Аулов А.П.* Проблемы диалектики общественного развития в теоретическом наследии А.Грамши // Единство марксистско-ленинской теории и практики. Саратов, 1978.
37. *Бондарчук В.С.* Проблемы итальянского Рисорджименто в теоретических трудах А.Грамши // Новая и новейшая история. 1958. № 6.
38. *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма. М., 1921.
39. *Вакка Дж.* С тревогой о будущем // Пробл. мира и социализма. 1989. № 2.
40. *Васильцов С.И.* Рабочий класс и общественное сознание: Коммунисты в социально-политической структуре Италии. М., 1982.
41. Встреча представителей партий и движений, прибывших на празднование 70-летия Великого Октября. М., 1988.
42. *Гарин Э.* Хроника итальянской философии XX века (1900-1943). М., 1965.
43. *Големба А.С.* Грамши. М., 1968.
44. *Грецкий М.Н.* Антонио Лабриола (1843-1904) // Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX - начале XX века. М., 1984.
45. *Грецкий М.Н.* Бухарин и Грамши // Филос. науки. 1989. № 7.
46. *Грецкий М.Н.* Грамши и современность // Вопросы философии. 1987. № 4.
47. *Грецкий М.Н.* Логическое и историческое в учении Маркса об общественном развитии // Филос. науки. 1983. № 2.
48. *Грецкий М.Н.* Над чем работают, о чем спорят западноевропейские философы-марксисты // Там же. 1986. № 3.
49. *Григорьева И.В.* Антонио Грамши и проблема общего и особенного в истории // Проблемы итальянской истории. М., 1987.
50. *Григорьева И.В.* Антонио Лабриола и Антонио Грамши // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1972.
51. *Григорьева И.В.* Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978.

52. Григорьева И.В. Исторический анализ фашизма в работах Антонио Грамши // Новая и новейшая история. 1973. № 5.
53. Григорьева И.В. Некоторые проблемы методологии истории в "Тюремных тетрадах" Антонио Грамши // Проблемы итальянской истории. М., 1972.
54. Григорьева И.В. Октябрь и ленинизм в идейном развитии Антонио Грамши // Вестн. МГУ. Сер.8, История. 1987. № 1.
55. Гринько В.С. Проблема человека в работах Антонио Грамши // Филос. науки. 1983. № 2.
56. Группи Л. Наследие Грамши // Пробл. мира и социализма. 1959. № 12.
57. Делидов А.И. Политический интерес // Филос.науки.1984. № 6
58. Додолев М.А. Демократическая оппозиция и рабочее движение в Италии, 1922-1926. М., 1975.
59. Долгов К.М. Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982.
60. Егерман Э.Я. Антонио Грамши о крестьянском вопросе в Италии // Вопр. философии. 1950. № 1.
61. Егерман Э.Я. Борьба итальянских коммунистов с реакционной философией Кроче // Там же. 1951. № 2.
62. Егерман Э.Я. Вопросы лингвистики в теоретических трудах Антонио Грамши // Вопр. языкознания. 1954. № 5.
63. Егерман Э.Я. "Литература и национальная жизнь" Антонио Грамши // Вопр. философии. 1953. № 1.
64. Илларионов О.В. Марксистская философия в Италии // Современная марксистско-ленинская философия в зарубежных странах. М., 1984.
65. Кин Ц.И. Итальянские мозаики. М., 1980.
66. Кирова К.Э. Русская революция и Италия. М., 1968.
67. Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917-1921). М., 1968.
68. Коммунисты в современном мире: С кем идти и во имя чего? Материалы коллективного обсуждения в журнале // Пробл.мира и социализма. 1988. № 3.
69. Кололова Н.П., Филатов Г.С. Пальмиро Тольятти. М., 1983.
70. Лебедев А.А. Антонио Грамши о культуре и искусстве: Идеи и темы "Тюремных тетрадей". М., 1965.
71. Лебедев А.А. Необходимость свободы // Лебедев А.А. Чтобы быть человеком. М., 1969.
72. Лебедев А.А. Проблемы развития народного искусства в "Тюремных тетрадах" Антонио Грамши // Вопр.философии.1960. № 7.
73. Ленинские идеи гегемонии в современной классовой борьбе //

Пробл. мира и социализма. 1983. № 2,4.

74. Лисовский Ю.П. Южный вопрос и социальные конфликты в Италии. М., 1979.
75. Ломбардо-Радиче Л., Карбоне Дж. Жизнь Антонио Грамши. М., 1953.
76. Лонго Л., Салинари К. Между реакцией и революцией. М., 1974.
77. Лопухов Б.Р. Антонио Грамши. М., 1963.
78. Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977.
79. Лопухов Б.Р. Образование Итальянской коммунистической партии. М., 1962.
80. Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии, 1919-1929 гг. М., 1968.
81. Малинин В.А. Исторический материализм и социологические концепции начала XX века. М., 1986.
82. Мартинелли Р. Два типа реализма: (Грамши, Тольятти и Коминтерн) // Там же. 1989. № 12.
83. Мартинелли Р. Интернационализм Антонио Грамши // Пробл. мира и социализма. 1987. № 4.
84. Матвеев П.А. А.Грамши о философии эпохи: По страницам "Тюремных тетрадей" // Филос. науки. 1987. № 5.
85. Матвеев П.А. Проблемы взаимосвязи политики, культуры и мировоззрения в "Тюремных тетрадях" А.Грамши // Там же. 1985. № 6.
86. Мелешенко З.Н. Вопросы истории философии в трудах Антонио Грамши // Там же. 1961. № 1.
87. Мелешенко З.Н. Некоторые вопросы исторического материализма в "Тюремных тетрадях" Антонио Грамши // Вестн. ЛГУ. Экономика, философия, право. 1958. Вып. 2, № 11.
88. Мелешенко З.Н. Оценка А.Грамши некоторых основных положений философии И.Канта // Там же. 1974. Вып. 1, № 5.
89. Мельниченко Е.В. Вопросы пролетарского интернационализма в теоретическом наследии А.Грамши и П.Тольятти // Науч. коммунизм. 1978. № 1.
90. Мизиано К.Ф. Великая Октябрьская социалистическая революция и проблемы рабочего движения в Италии в работах Антонио Грамши 1919-1920 гг. // Новая и новейшая история. 1957. № 2.
91. Мизиано К.Ф. Некоторые проблемы истории воссоединения Италии. М., 1955.
92. Минуччи А. Водораздел эпох // Правда. 1987. 30 окт.
93. Михайлов М.М. Борьба А.Грамши против ревизионистских иска-

- жений марксистского учения о базисе и надстройке // Вестн. ЛГУ. Экономика, философия, право. 1967. Вып. 4, № 23.
94. Митайлов М.М. Критика А.Грамши идеалистических и механистических концепций исторической закономерности и сознательной деятельности человека // Личность и общество. Калининград, 1972. Вып. 1.
 95. Митайлов М.М. Ленинская теория социалистической революции и Грамши // Филос. науки. 1970. № 2.
 96. Митайлов М.М. Проблема человека в произведениях А.Грамши // Учен. зап. Калнинингр. ун-та. 1970. Вып. 4.
 97. Митайлов М.М. Проблема интеллигенции в трудах А.Грамши // Там же. 1968. Вып. 3.
 98. Монтаньяна М. Воспоминания туринского рабочего. М., 1951.
 99. Мушинский В.О. Антонио Грамши: Учение о гегемонии. М., 1990.
 100. Мысливченко А.Г. Марксистско-ленинская философская мысль за рубежом // Ленин. Философия. Современность. М., 1985.
 101. Наумов В.К. Коммунисты Италии. 2-е изд. М., 1977.
 102. Наумов В.К. По страницам наследия Грамши // Коммунист. 1981. № 2.
 103. Никитич Л.А. Лабриола. М., 1980.
 104. Никитич Л.А. Некоторые вопросы творческого наследия А.Грамши // Проблемы коммунистического движения. М., 1982.
 105. Павлова Т.В. Идеиная борьба вокруг теоретического наследия А.Грамши // Рабочий класс в мировом революционном процессе: (Ежегодник). М., 1987.
 106. Попов Л., Смирнов Г. Актуальность идей Антонио Грамши // Коммунист. 1987. № 6.
 107. Проблемы рабочего движения: Материалы междунар. науч. сес. "Ленинизм и некоторые проблемы рабочего движения". М., 1968.
 108. Равера К. Воспоминания. М., 1976.
 109. Смирнов Г.П. Актуальность идейного наследия Антонио Грамши // Грамши А. Избранные произведения. М., 1980.
 110. Смирнов Г.П. Политика в трудах Антонио Грамши // Рабочий класс и соврем. мир. 1978. № 3.
 111. Тольятти П. Избранные статьи и речи: В 2 т. М., 1965.
 112. Ферри Ф. Жизненность ленинских идей: Грамши и Ленин // В.И. Ленин и международное коммунистическое движение. М., 1970.
 113. Хигерович Р.И Бойцов не оплакивают: Повесть об Антонио Грамши. М., 1979.

114. *Хигерович Р.И.* Виа Антонио Грамши: Повесть. М., 1973.
115. *Холодковский К.Г.* Заметки Грамши "Американизм и фордизм" // Проблемы итальянской истории. М., 1972.
116. *Шабалин В.А.* А.Грамши о строительстве социализма в СССР // Науч. коммунизм. 1989. № 10.
117. *Шабалин В.А.* Ленинизм и политические взгляды Антонио Грамши. Владивосток, 1990.
118. *Шабалин В.А.* Развитие марксистско-ленинского учения о партии в трудах А.Грамши (1921-1926) // Науч. коммунизм. 1981. № 2.
119. *Шабалин В.А.* Роль ленинизма в формировании философских воззрений А. Грамши // Филос. науки. 1985. № 1.
120. *Эфиров С.А.* Итальянская буржуазная философия XX века. М., 1968.
121. *Adamson W.L.* Hegemony and revolution. Berkeley, 1980.
122. *Aguilera de Prat C.R.* Gramsci y la via nacional al socialismo. Madrid, 1984.
123. *Albers D.* Versuch über Otto Bauer und Antonio Gramsci. B., 1983.
124. *Althusser L., Balibar E.* Lire le Capital. 1975. Vol.1.
125. *Amendola G.* Comunismo, antifascismo, resistenza. Roma, 1967.
126. *Anderson P.* The antinomies of Antonio Gramsci // New Left Review. 1976-1977. N 100.
127. *Antonio Gramsci: Le sue idee nel nostro tempo.* Roma, 1987.
128. *Antonio Gramsci - Revolutionär und Internationalist.* B., 1978.
129. *Approaches to Gramsci.* L., 1982.
130. *Arleo J.* Gramsci e l'America Latina // Critica marxista. 1985. N 5.
131. *Asaro Mazzola G.* Gramsci fuori dal mito. Roma, 1980.
132. *Attualità di Gramsci.* Milano, 1977.
133. *Aucietello N.* Socialismo ed egemonia in Gramsci e Togliatti. Bari, 1974.
134. *Badaloni N.* Gramsci: La filosofia della prassi come previsione // Storia del marxismo. Torino. 1981. Vol.3.
135. *Badaloni N.* Il marxismo di Gramsci. Torino, 1975.
136. *Badaloni N.* Il marxismo italiano degli anni sessanta. Roma, 1972.
137. *Badaloni N.* Passato e presente della storia italiana // Unità. 1977. 24 apr.
138. *Baldan A.* Gramsci come storico. Bari, 1978.
139. *Bergami G.* Il giovane Gramsci e il marxismo. Milano,

- 1977.
140. *Bergami G.* Gramsci, comunista critico. Milano, 1981.
141. *Berlinguer E.* La lezione di Gramsci // *Critica marxista*. 1985. N 2/3.
142. *Bernardi L.* Letteratura e rivoluzione in Gramsci. Pisa, 1973.
143. *Betr.* Gramsci: Philosophie und revolutionäre Politik in Italien. Köln, 1980.
144. *Bloomfield J.* Crossed lines: Communists in search of an identity // *Marxism Today*. 1984. N 4.
145. *Bobbio N.* Gramsci e la concezione della società civile. Milano, 1976.
146. *Bogge C.* Gramsci's Marxism. L., 1976.
147. *Bonetti P.* Gramsci e la società liberaldemocratica. Roma; Bari, 1980.
148. *Bonomi G.* Partito e rivoluzione in Gramsci. Milano, 1973.
149. *Broccoli A.* Antonio Gramsci e l'educazione come egemonia. Firenze, 1972.
150. *Buci-Glucksmann C.* Gramsci et l'Etat. P., 1975.
151. *Butterwegge C.* Gramsci und oder Bauer? / *Marxistische Blätter*. 1981. N 5.
152. *Buzzi A.R.* La théorie politique d'Antonio Gramsci. Louvain; P., 1987.
153. *Calabro G.P.* Antonio Gramsci: La "transizione" politica. Napoli, 1982.
154. *Cammett J.M.* Antonio Gramsci and the origins of Italian communism. Stanford, 1967.
155. *Carsano G.* In carcere con Gramsci // *Rinascita*. 1953. N 3.
156. *Cerroni U.* Crisi ideale e transizione al socialismo. Roma, 1977.
157. *Cerroni U.* Lessico gramsciano. Roma, 1978.
158. *Cerroni U.* Un nuovo asse teorico // *Unità*. 1977. 24 apr.
159. *Chandra B.* Le Congrès national indien et sa stratégie d'hégémonie // *Actuel Marx*. 1987. N 1.
160. *Città futura (La):* Saggi sulla figura e il pensiero di Antonio Gramsci. Milano, 1959.
161. *Clark M.* Antonio Gramsci and the revolution that failed. New Haven; L., 1977.
162. *Class, hegemony and party.* L., 1977.
163. *Cozens P.* Twenty years of Antonio Gramsci. L., 1972.
164. *Critica marxista.* 1987. N 2/3: Oltre Gramsci con Gramsci.

165. *Davico Bonino G.* Gramsci e il teatro. Torino, 1972.
166. *Davidson A.* Antonio Gramsci: Towards an intellectual biography. L., 1977.
167. *Debenedetti G.* Il metodo umano di Antonio Gramsci // *Rinascita*. 1972. N 39.
168. *De Felice F.* Una chiave di lettura in "Americanismo e fordismo" // *Ibid.* N 42.
169. *De Felice F.* Serrati, Bordiga, Gramsci e il problema della rivoluzione in Italia, 1919-1920. Bari, 1971.
170. *De Giovanni B.* Lenin, Gramsci e la base teorica del pluralismo // *Critica marxista*. 1976. N 34.
171. *De Giovanni B., Gerratana V., Paggi L.* Egemonia, Stato, partito in Gramsci. Roma, 1977.
172. *De Giovanni B., Pasquino G.* Marx dopo Marx. Bologna, 1985.
173. *Dialectiques: Gramsci*. 1974. N 4/5.
174. *Dictionnaire critique du marxisme*. P., 1982.
175. *Entwistle N.* Antonio Gramsci: Conservative schooling for radical politics. L; Boston, 1979.
176. *Femia J.V.* Gramsci's political thought. Oxford, 1981.
177. *Ferrata G.* Prefazione // 2000 pagine di Gramsci. 2 vol. Milano, 1964.
178. *Flori G.* La vita di Antonio Gramsci. Bari, 1966.
179. *Galasso G.* Croce, Gramsci e altri storici. Milano, 1969.
180. *Garin E.* Intellettuali italiani del XXe secolo. Roma, 1974.
181. *Gerratana V.* Prefazione // Antonio Gramsci: Quaderni del carcere: 4 vol. Torino, 1975.
182. *Gerratana V.* Ricerche di storia del marxismo. Roma, 1972.
183. *Giordano A.* Gramsci: La vita, il pensiero, i testi esemplari. Milano, 1971.
184. *Gramsci: Scritti di P.Togliatti, G.Amoretti ecc.* 3 ed. Roma, 1948.
185. *Gramsci and Italy's passive revolution*. L., 1979.
186. *Gramsci and Marxist theory*. L., 1979.
187. *Gramsci e la cultura contemporanea: 2 vol.* Roma, 1969.
188. *Gramsci vivo nelle testimonianze dei suoi contemporanei*. Milano, 1977.
189. *Grisoni D., Maggiori R.* Lire Gramsci. P., 1973.
190. *Gruppi L.* Il concetto di egemonia in Gramsci. Roma, 1972.
191. *Gruppi L.* La dialettica materialistica della storia. Roma, 1978.
192. *Gruppi L.* Introduzione // Gramsci A. Il materialismo

- storico e la filosofia di Benedetto Croce. Roma, 1977.
193. Gruppi L. Storicità e marxismo. Roma, 1976.
 194. Gulbal F. Gramsci: Filosofia, politica, cultura. Lima, 1981.
 195. Heeger R. Ideologie und Macht: Eine Analyse von Antonio Gramscis Quaderni. Uppsala, 1975.
 196. Hobsbawm E. Gramsci and political theory // *Marxism Today*. 1977. N 7.
 197. Hobsbawm E. Nella ricerca della sinistra inglese // *Unità*. 1977. 24 apr.
 198. Hoffman J. Gramscian challenge. Oxford, 1984.
 199. Jaulin A. La peau du marxisme (Gramsci: les idéologies). [Toulouse], 1980.
 200. Jessop B. The Gramsci debate // *Marxism Today*. 1980. N 2.
 201. Jocteau G.C. Leggere Gramsci. Milano, 1975.
 202. Johnstone M. Is the Marxist tradition democratic? // *Marxism Today*. 1981. N 8.
 203. Joll J. Gramsci. L., 1977.
 204. Kebir S. Die Kulturkonzeption Antonio Gramscis. B., 1980.
 205. Kolakowski L. Main currents of marxism. Oxford, 1978. Vol.3.
 206. Krzemien-Ojak. B. Antonio Gramsci: Filozofia, teoria kultury, estetyka. W., 1983.
 207. Laclau E., Mouffe Ch. Socialist strategy: Where next? // *Marxism Today*. 1981. N 1.
 208. Lajolo L. Gramsci un uomo sconfitto. Milano, 1980.
 209. Lebedinski M. Gramsci pensador politico y militante revolucionario. Buenos Aires, 1987.
 210. Leonetti A. Note su Gramsci. Urbino, 1970.
 211. Lepre A. Gramsci secondo Gramsci. Napoli, 1978.
 212. Lepre A., Levrero S. La formazione del partito comunista italiano. Roma, 1971.
 213. Lisa A. Memorie. Milano, 1973.
 214. Lo Piparo F. Lingua intellettuali egemonia in Gramsci. Roma; Bari, 1979.
 215. Luporini D. Dialettica e materialismo. Roma, 1974.
 216. Macciocchi M.A. Pour Gramsci. P., 1974.
 217. Mater B., Semama P. Antonio Gramsci: Introduzione e guida allo studio dell'opera gramsciana, storia e antologia della critica. Firenze, 1978.
 218. Manacorda G. Introduzione // Gramsci A. *Marxismo e letteratura*. Roma, 1975.

219. *Marzani C.* The open Marxism of Antonio Gramsci. N.Y., 1957.
220. *Mastrolanni G.* Da Croce a Gramsci. Urbino, 1972.
221. *Mateucci N.* Antonio Gramsci e la filosofia della prassi. Milano, 1951.
222. *Melchiorre V., Vigna C., de Rosa G.* Antonio Gramsci: II pensiero teorico e politico, la "questione leninista". 2 vol. Roma, 1979.
223. *Merrole V.* Gramsci e la filosofia della prassi. Roma, 1974.
224. *Mouffe Ch., Showstack Sassoon A.* Gramsci in France and Italy: A review of the literature // *Economy and Society*. 1977. N 1.
225. *Nardone G.* II pensiero di Gramsci. Bari, 1971.
226. *Natta A.* Da Gramsci a Togliatti continuità e novità // *Unità*. 1977. 24 apr.
227. *Nemeth Th.* Gramsci's philosophy: A critical study. Brighton, 1980.
228. *Oltre Gramsci?* Roma, 1977.
229. *Orfei R.* Antonio Gramsci, coscienza critica del marxismo. Milano, 1965.
230. *Ormea F.* Gramsci e il futuro dell'uomo. Roma, 1975.
231. *Ottino C.L.* Concetti fondamentali nella teoria politica di Antonio Gramsci. Milano, 1956.
232. *Paggi L.* Gramsci e il moderno principe. Roma, 1970.
233. *Paggi L.* Le strategie del potere in Gramsci: Tra fascismo e socialismo in un solo paese, 1923-1926. Roma, 1984.
234. *Pellicani L.* Gramsci e la questione comunista. Firenze, 1976.
235. *Peregalli A.* II comunismo di sinistra e Gramsci. Bari, 1978.
236. *Perlini F.* Gramsci e il gramscismo. Milano, 1974.
237. *Piccone P.* Italian Marxism. Berkeley; Los Angeles; L., 1983.
238. *Plotte J.-M.* La pensée politique de Gramsci. P., 1977.
239. *Politica e storia in Gramsci*: 2 vol. Roma, 1977.
240. *Portantiero J.C.* Los usos de Gramsci. Mexico, 1982.
241. *Portelli H.* Gramsci et le bloc historique. P., 1972.
242. *Portelli H.* Gramsci et la question religieuse. P., 1974.
243. *Poulantzas N.* Fascisme et dictature. P., 1974.
244. *Prassi rivoluzionaria e storicismo in Gramsci*. Roma, 1967.

245. *Prestipino G.* Da Gramsci a Marx. Roma, 1979.
246. *Prestipino G.* Il marxismo di Gramsci // *Critica marxista*. 1976. N 2.
247. *Priester K.* Studien zur Staatstheorie des italienischen Marxismus: Gramsci und Della Volpe. Frankfurt a. M., 1981.
248. *Ragazzini D.* Società industriale e formazione umana nel pensiero di Gramsci. Roma, 1978.
249. *Razeto Migliaro L., Mtsuracca P.* Sociologia e marxismo nella critica di Gramsci. Bari, 1978.
250. *Ricci F.* Introduction: Gramsci sans légende // *Gramsci dans le texte*. P., 1975.
251. *Riechers Chr.* Antonio Gramsci: Marxismus in Italien. Frankfurt a. M., 1970.
252. *Romano S.F.* Antonio Gramsci. Torino, 1965.
253. *Rossi P.* Antonio Gramsci sulla scienza moderna // *Critica marxista*. 1976. N 2.
254. *Roth G.* Gramscis Philosophie der Praxis. Düsseldorf, 1972.
255. *Salvadori M.L.* Eurocomunismo e socialismo sovietico. Torino, 1978.
256. *Salvadori M.L.* Gramsci e il problema storico della democrazia. 2 ed. Torini, 1977.
257. *Sandkühler H.J.* Nachwort // *Buci-Glucksmann Ch.* Gramsci und der Staat. Köln, 1981.
258. *Sanguineti F.* Gramsci e Machiavelli. Bari, 1982.
259. *Schreier U.* Die politische Theorie A.Gramscis. [West] B., 1982.
260. *Sen M.* The Leninism of Gramsci // *Marxist Miscellany*. New Delhi, 1974. N 7.
261. *Showstack Sassoon A.* Gramsci's politics. L., 1980.
262. *Simon M.* Comprendre les idéologies. Lyon, 1978.
263. *Simon R.* Gramsci's concept of hegemony // *Marxism Today*. 1977. N 3.
264. *Simon R.* Gramsci's political thought. L., 1982.
265. *Spriano P.* Gramsci. Milano, 1966.
266. *Spriano P.* Gramsci e Gobetti, Torino, 1977.
267. *Spriano P.* Gramsci in carcere e il partito. Roma, 1977.
268. *Spriano P.* Gramsci e "L'Ordine Nuovo". Roma, 1965.
269. *Spriano P.* L'occupazione delle fabbriche. Torino, 1964.
270. *Spriano P.* Storia del Partito comunista italiano. Torino, 1967. Vol.1: Da Bordiga a Gramsci.
271. *Spriano P.* Gli ultimi anni // *Unità*. 1977. 24 apr.

272. Studi gramsciani. Roma, 1958.
273. Tamburrano G. Antonio Gramsci: La vita, il pensiero, l'azione. Manduria; Bari, 1963.
274. Texier J. Gramsci et la philosophie du marxisme. P., 1966.
275. Texier J. Gramsci, théoricien des superstructures // La Pensée. P., 1968. N 139.
276. Texier J. Notes sur Gramsci // Cahiers du CERM. 1974.
277. Thellung F. Antonio Gramsci: La strategia rivoluzionaria nei paesi a capitalismo avanzato. Genova, 1983.
278. Togliatti P. Gramsci. Roma, 1972.
279. Tortorella A. Il tempo della riforma intellettuale e morale // Unità. 1977. 24 apr.
280. Tostin B. Con Gramsci. Roma, 1976.
281. Vacca G. Il marxismo e gli intellettuali. Roma, 1985.
282. Williams G. Proletarian order. L., 1975.
283. Wimmer E. Antonio Gramsci und die Revolution. Wien, 1984.
284. Zanardo A. Filosofia e socialismo. Roma, 1974.
285. Zucaro D. Il processone. Roma, 1961.
286. Zucaro D. Vita del carcere di Antonio Gramsci. Milano; Roma, 1954.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Жизнь и деятельность Антонио Грамши	8
§ 1. Детские и юношеские годы	8
§ 2. Начало деятельности. Статьи 1913–1918 гг.	14
§ 3. Сочетание практики и теории. 1919–1926 гг.	27
§ 4. Тюремные годы	47
Глава II. Теория истории и политики	59
§ 1. Вопросы методологии	59
§ 2. Концепция власти и гегемонии	64
§ 3. Проблематика государства и партии	80
Глава III. Философия, идеология, культура	99
§ 1. Марксистская философия– "философия практики"	99
§ 2. Единство теории и практики	116
§ 3. Формирование человека	125
Грамши и современность (вместо заключения)	141
Литература	147

Научное издание

ГРЕЦКИЙ Милий Николаевич

АНТОНИО ГРАМШИ — ПОЛИТИК И ФИЛОСОФ

Утверждено к печати Институтом философии АН СССР

Редактор Н.В. В е т р о в а

Художник А.В. Б а р к о в

Художественный редактор М.Л. Х р о м ц о в

Технический редактор Е.И. С е м е н о в а

ИБ № 47891

Подписано к печати 25.06.91

Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная

Усл.печ.л. 10,0. Усл.кр.-отт. 10,3. Уч.-изд.л. 11,0

Тираж 1150. Тип.зак. 1377, Цена 4р. 50к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90.

**Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография
издательства "Наука"**

199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12